ЧЕЛОВЕК И ПРАВО – XXI ВЕК

AN INDIVIDUAL AND THE LAW – XXI CENTURY

Альманах

Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии

Saratov State Law Academy Institute of Prosecution

Almanac

Выходит 4 раза в год

2025

Выпуск 4

Issue 4

12+

ISSN 2949-1703

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

Электронная версия размещена на официальном сайте
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»
по адресу: http://www.сгюа.рф/ru/xxi-vek

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 10 мая 2023 г.
ПИ № ФС77-85274.

Адрес редакции: 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.
Телефон: (8452) 29-90-75
E-mail: almanahip@yandex.ru

Редакторы: *Н.С. Добротворская, Е.А. Фешина, М.П. Яковлева*
Компьютерная верстка, дизайн обложки *О.А. Фальян*

Подписано в печать 29.12.2025. Дата выхода в свет 29.12.2025. Формат $70\times100^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Liberation. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,53. Уч.-изд. л. 13. Тираж 950 экз. Заказ № 578.

Издательство Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

ISSN 2949-1703

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2025

Главный редактор

Спесивов Н.В. директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

Заместитель главного редактора

Швецова И.В. заместитель директора Института прокуратуры по научной работе Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

Редакционный совет:

Ильгова Е.В. ректор Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Мацкевич И.М. ректор Университета прокуратуры РФ, старший советник юстиции, д.ю.н., профессор;

Габов А.В. главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д.ю.н.;

Грибунов О.П. ректор Байкальского государственного университета, д.ю.н., профессор;

Соколов А.Ю. директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук, заведующий кафедрой административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Бутба С.Р. председатель Верховного Суда Республики Абхазия (Республика Абхазия), к.ю.н.;

Гулягин А.Ю. прокурор Астраханской области, д.ю.н.;

Белоусов С.А. проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Гончаров М.В. первый проректор Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, к.ю.н., доцент.

Редакционная коллегия:

Абанина Е.Н.
заведующий кафедрой земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Акчурин А.В.
заместитель начальника по научной работе Академии права и управления ФСИН России, д.ю.н., доцент;

Амирбеков К.И.
заведующий отделом научного обеспечения организации прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры РФ, государственный советник юстиции 3-го класса, д.ю.н.;

Ананьева А.А.
заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия, д.ю.н., доцент;

Антонян Е.А.
заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., профессор;

Аширбекова М.Т.
профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Афанасьев С.Ф.
заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, судья в отставке;

Блинов А.Г.
заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Богачева Е.А.
заместитель директора Института прокуратуры по социальной работе Саратовской государственной юридической академии, к.п.н., доцент;

Боярская Ю.Н.
доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Бытко С.Ю.
профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Вавилин Е.В.
заведующий кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., профессор;

Варыгин А.Н.
заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Велиева Д.С.
заведующий кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, д.ю.н., профессор;

Воротников А.А.
профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Ворошилова С.В.
профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Дворянсков И.В.
главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, д.ю.н., профессор;

Дикарев И.С.
директор Института права Волгоградского государственного университета, д.ю.н., доцент;

Добробаба М.Б.
профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., доцент;

Залужный А.Г.
профессор кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, д.ю.н., профессор;

Заметина Т.В.
заведующий кафедрой конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Зацепин А.М.
директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н., доцент;

Иванчина Ю.В.
профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, д.ю.н., доцент;

Исаенкова О.В.
заведующий кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Истомина Е.А.
профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, д.ю.н., доцент;

Клименко А.И.
начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, д.ю.н., профессор;

Ковалева Н.Н.
руководитель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права НИУ ВШЭ, д.ю.н., профессор;

Комбарова Е.В.
доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Комкова Г.Н.
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, декан юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, д.ю.н., профессор;

Кузбагаров А.Н.
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала)

Университета прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н., профессор;

Лопашенко Н.А.
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Макаренко И.А.
заведующий кафедрой криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, д.ю.н., профессор;

Манова Н.С.
заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Мартыненко И.Э.
заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Республика Беларусь), д.ю.н., профессор;

Меркурьев В.В.
главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму Научно-исследовательского института Университета прокуратуры РФ, д.ю.н., профессор;

Никитин А.А.
профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Покачалова Е.В.
заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Рахмон Д.С.
профессор кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета (Республика Таджикистан), д.ю.н., профессор;

Репьев А.Г.
заместитель директора по науке Юридического института Российского университета транспорта, д.ю.н., доцент;

Рогова Е.В.
директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н., профессор;

Россинский С.Б.
главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, д.ю.н., профессор;

Рыбакова С.В.
главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, д.ю.н., доцент;

Скаков А.Б.
профессор кафедры уголовного права и организации исполнения наказаний Костанайской академии МВД Республики Казахстан (Республика Казахстан), д.ю.н.;

Соловых С.Ж.
заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Соловьева Т.В.
профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Спесивов Н.В.
директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Чаннов С.Е.
заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Черкасов К.В.
профессор кафедры административного, финансового и информационного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д.ю.н., профессор;

Шапиро Л.Г.
заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент.

Швецова И.В.
доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.

СОДЕРЖАНИЕ

9 **Спесивов Н.В.**
Предисловие к выпуску

Гражданско-процессуальное право XXI века

10 **Белоусов С.С.**
Принцип процессуального равенства в процессе осуществления распорядительных процессуальных прав лицами, участвующими в делах, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства

15 **Вершинина Г.И., Лебедева Е.А.**
Проблемы правового регулирования обращения прокурора в защиту неопределенного круга лиц: коллизии законодательства и пути их преодоления

20 **Иванюк А.А.**
Заключение прокурора как форма участия в рассмотрении и разрешении гражданских дел: правовая природа, практика и проблемы нормативного регулирования

27 **Рассахатская Н.А.**
Претензионный порядок урегулирования споров и гражданское судопроизводство

31 **Стародубова У.М.**
О бремени доказывания по делам о взыскании упущенной выгоды

37 **Ткачева Н.Н.**
К вопросу о целесообразности обращения в суд за судебной защитой: результаты от повышения государственной пошлины за обращение в суды общей юрисдикции

41 **Тришина Е.Г.**
Досудебный порядок урегулирования споров: роль и эффективность уполномоченного по защите прав предпринимателей

47 **Ушаков В.В.**
Проблемы доказывания злоупотреблений правом в корпоративных спорах

52 **Шананин И.А.**
Проблемы доказывания и доказательств по делам о признании движимой вещи бесхозяйной и признании права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь в особом производстве

56 **Ширяева К.А.**
Процессуальные вопросы участия прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу

Состояние и перспективы развития российского законодательства

61 **Блинов А.Г.**
Механизм правового регулирования профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних

Балабанов А.А.
71 Устойчивое развитие образовательных организаций и формирование безопасной среды обучения в современном университете

Боярская Ю.Н.
76 Интеграция ESG-принципов в систему высшего образования: роль университетов в достижении целей устойчивого развития

Герасимов А.М.
81 Понятие преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта и их система

Ковлагина Д.А.
86 Вопросы законодательного конструирования составов преступлений, содержащих отсылку к другим уголовно-правовым нормам (на примере статьи 296 УК РФ)

Комягин Р.А.
93 Проблемы толкования признаков объективной стороны злоупотребления полномочиями и их значение на этапе квалификации

Лапунин М.М., Лапунина Е.В.
99 Уголовно наказуемое дропперство как вторичная преступная деятельность

Мальцева Т.Г.
107 Особенности защиты потребителей по договору поминутной аренды транспортного средства (каршеринга)

Насиров Н.И.
112 Семейно-родственные связи несовершеннолетних осужденных к лишению свободы и формы их поддержания

Петрова Г.Б., Стародубцев Е.Э.
118 Отказ государственного обвинителя от обвинения в современных условиях

Пискунова Н.И.
125 Применение норм о защите прав потребителей в сфере беспилотной аэродоставки груза

Свистунов А.А.
130 К вопросу о принципах административно-правового обеспечения инновационной деятельности в Российской Федерации

Спирчагов Г.С.
134 Совершенствование правового регулирования закупок малого объема

Современные лингвистические исследования

Александрова Т.А.
146 Становление иноязычной компетентности будущих юристов в условиях международного сотрудничества

Богачева Е.А.
151 Проблемные аспекты перевода юридической лексики и терминологии

Волгина Е.В.
156 Междисциплинарный подход к изучению юридического дискурса

Взгляд молодых ученых

Дроздов К.В.
160 Правовой статус несовершеннолетнего в административном процессе

Кижанов А.С.
165 К вопросу о совершенствовании нормативно-правового регулирования государственного контроля (надзора) за частной охранной деятельностью

Махсунов М.Р.
171 Дореволюционный период развития отечественного законодательства о дисциплинарных взысканиях на государственной службе

Никитин К.А.
178 Проблемные вопросы административной ответственности в сфере осуществления публичных закупок

Савенко А.С.
184 Минимизация уголовно-правовых рисков руководителей коммерческих организаций: криминалистический аспект

Шаповал Н.А.
187 Профилактика криминальных налоговых рисков как объект криминалистических исследований

Шепелев Б.В.
190 Правовое регулирование конкуренции при параллельном импорте в государственных (муниципальных) закупках

Шималакова А.С.
194 Сравнительно-правовой анализ института омбудсмена в России и США

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВЫПУСКУ

Уважаемые читатели, дорогие коллеги!

Вышел в свет очередной, последний в этом году номер альманаха Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии «Человек и право – XXI век». В продолжение традиции обсуждения актуальных вопросов теории и практики правотворчества и правоприменения одна из тем выпуска посвящена состоянию и перспективам развития российского законодательства.

Принимая во внимание одно из приоритетных направлений деятельности журнала как дискуссионной площадки для анализа и освещения актуальных проблем прокурорско-следственной и судебной деятельности, а также свободного обмена мнениями между представителями юридической науки и практики через публикации соответствующих научно-практических материалов, в номере рассмотрены актуальные вопросы участия прокурора в цивилистическом процессе. Особое внимание уделено анализу правовых оснований для вступления прокурора в гражданский процесс, включая защиту интересов государства, прав и законных интересов граждан, которые в силу возраста, состояния здоровья или иных причин не могут самостоятельно осуществлять свои права.

Отрадно не только то, что с каждым номером расширяется география наших авторов, но и то, что среди них появляются ведущие доктора наук, профессора и доценты различных юридических вузов страны, а также прокурорские работники, представители судебной и исполнительной власти субъектов РФ, проявляющие интерес к нашему журналу. Выражаем огромную благодарность и искреннее признание нашим коллегам, авторитетным ученым и практикам за согласие выступить авторами данного номера.

Надеемся, что ознакомление с содержанием статей приведет читателя к солидарной с авторами мысли, что правовая система в России сегодня переживает период качественных изменений, без которых невозможны ее последующее развитие и достижение целей, стоящих перед государством на современном этапе.

Н.В. Спесивов,
главный редактор научного журнала
«Человек и право – XXI век»,
альманаха Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии,
директор Института прокуратуры,
к.ю.н., доцент

Гражданско-процессуальное право XXI века

С.С. Белоусов,
аспирант кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии

ПРИНЦИП ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РАВЕНСТВА В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ ЛИЦАМИ, УЧАСТВУЮЩИМИ В ДЕЛАХ, РАССМАТРИВАЕМЫХ В ПОРЯДКЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Принципы – основополагающие начала любой отрасли права. Позиции ученых относительно понятия принципов гражданского процессуального права различны. Приведем некоторые из них. М.К. Треушников отмечал, что «принципами гражданского процессуального права (процесса) называют фундаментальные его положения, основополагающие правовые идеи, закрепленные в нормах права наиболее общего характера. Они пронизывают все гражданские процессуальные институты и определяют такое построение гражданского процесса, который обеспечивает вынесение законных и обоснованных решений и их исполнение» [1, с. 35]. Схожая позиция состоит в том, что на принципах основываются все нормы и институты гражданского процессуального права, т.к. являются основополагающими идеями, отражающими особенности построения, природу и методы гражданского процессуального права [2, с. 92]. По мнению О.В. Исаенковой, принципы образуют основу, отраслевой каркас гражданского процессуального права, отражают его сущность, ключевые начала и идеи, закономерности строения и развития. Будучи нормативно закрепленными, принципы определяют сущность и содержание правоотношений в сфере гражданского судопроизводства, общее направление развития отраслевого законодательства [3, с. 44].

В любом случае принципы служат основой гражданского судопроизводства, определяют границы и содержание гражданской процессуальной формы, в рамках которой осуществляются распорядительные процессуальные действия участников гражданских процессуальных правоотношений.

Принцип процессуального равенства выступает самостоятельным принципом гражданского процессуального права. Согласно ст. 12 ГПК РФ участникам судопроизводства предоставлен равный объем процессуальных прав, что является содержанием принципа процессуального равноправия. Характеризуя принцип процессуального равноправия, А.Н. Бондарь вкладывает в его содержание «построение такой судебной процедуры, которая обеспечивает равные возможности сторон по отстаиванию защищаемых ими интересов… при этом суд наделяется всеми необходимыми полномочиями, обеспечивающими именно такой порядок процедуры соответствующего судопроизводства» [4, с. 76].

Отдельные ученые полагают, что существование принципа процессуального равенства обусловлено принципом состязательности. И.В. Решетникова указывает, что состязательный процесс, основанный на конкуренции полярных интересов сторон, немыслим, если отсутствуют гарантии равноправия [5]. Аналогичную позицию высказывает Н.В. Ступикова: «Противопоставление сторон друг другу ставит перед ними необходимость в активном участии в судебном разбирательстве, повышая их инициативность, однако состязательность имеет своим непременным условием процессуальное равноправие» [6]. Таким образом, значение принципа процессуального равенства состоит в обеспечении равноправного положения лицам, участвующим в деле, в процессе отстаивания позиции по делу.

Позиции ученых относительно содержания принципа процессуального равенства различны. В.В. Ярков отмечает, что «с учетом более полного действия состязательного начала процесса, основной задачей суда является создание условий для сторон и лиц, участвующих в деле, по равному доступу к судебной защите, использованию процессуальных средств защиты своих законных прав и интересов, т.е. всего того процессуально-правового инструментария, которыми они наделены» [7]. «Вся система гарантий реализации принципов процессуального права (равенства, равноправия участников судопроизводства, доступности правосудия), включая сочетание возможности очного и дистанционного совершения процессуальных действий, должна быть рассчитана на то, чтобы никто из участников судопроизводства не имел каких-либо преимуществ, а равно не подвергался ограничениям исходя из своего фактического (место жительства, имущественное положение, наличие доступа к телекомму-

никационным сетям) или правового (процессуальный статус) положения» [8, с. 63]. По сути, содержание принципа процессуального равенства ученые видят в равном доступе к судебной защите в целом независимо от процессуального положения участника гражданских процессуальных правоотношений.

Несколько ограниченно данный принцип толкует Ю.Л. Матюшенкова, связывая его с равными возможностями в доказывании [9, с. 39]. Схожую позицию высказывает А.В. Ильин: «Принципы состязательности и равноправия сторон задают такую систему разрешения судом дела, при которой именно на стороны возлагаются обязанности по доказыванию суду своей правоты» [10]. Т.В. Сахнова отмечает, что, состязаясь в доказывании, стороны также имеют для этого равные возможности: каждая из сторон имеет право давать объяснения, представлять другие доказательства, оспаривать полноценность представленных противоположной стороной доказательств [11, с. 168]. Иными словами, указанные авторы ограничивают действие принципа процессуального равенства рамками доказательственной деятельности.

Отдельные ученые ставят под сомнение существование принципа процессуального равенства. А.А. Власов говорит о формальном предоставлении истцу и ответчику равных процессуальных возможностей по защите своих прав и законных интересов, поскольку фактически закон не обеспечивает одинаковые стартовые возможности [12]. «Действующее процессуальное законодательство позволяет в полной мере обеспечить права всех сторон, участвующих в гражданском процессе. Между тем защитить права ответчика представляется более сложным в силу объективных причин: ответчик должен доказывать свою невиновность и отсутствие нарушений законодательства в отношениях с истцом. Однако действующее законодательство предоставляет ответчику широкий круг процессуальных прав, которые способствуют его защите» [13].

Пленум Верховного Суда РФ указал, что в целях обеспечения принципа процессуального равенства «суд по каждому делу обеспечивает равенство прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств» [14]. В свою очередь Конституционный Суд РФ отметил, что «суд, осуществляя функцию правосудия (ч. 1 ст. 118 Конституции РФ), должен обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своей позиции» [15]. Кроме того, Конституционный Суд РФ указал, что, исходя из конституционного положения об осуществлении правосудия на основе равноправия сторон, лицам, участвующим в деле, должны быть

предоставлены «в равном объеме процессуальные права, такие как право быть своевременно извещенным о времени и месте рассмотрения дела, право участвовать в судебном разбирательстве, заявлять отводы суду, выступать с заявлениями и ходатайствами, связанными с разбирательством дела, давать объяснения» [16].

По мнению А.Н. Бондаря, обеспечивать принцип процессуального равенства должен суд, создавая такой порядок правосудия, в котором сторонам предоставлены равные возможности по отстаиванию своих интересов [4, с. 76].

Последствием нарушения принципов состязательности и равноправия сторон может выступить отмена итогового судебного постановления при пересмотре дела вышестоящей судебной инстанции, однако Верховный Суд РФ уточнил, что нарушение названных принципов только тогда выступает основанием для отмены судебного акта, когда оно привело к тому, что не были установлены обстоятельства, имеющие значение для дела [17].

Таким образом, суть принципа процессуального равенства в процессе осуществления распорядительных процессуальных прав лицами, участвующими в деле, заключается в предоставлении и обеспечении им равного объема прав. Между тем говорить об абсолютном его проявлении представляется затруднительным. В первую очередь это связано с тем, что, действительно, изначально заявитель требований (в данном случае используется как общее понятие, применимое к исковому, приказному и особому производствам) находится в более благоприятной позиции, т.к. выступает инициатором возбуждения гражданского судопроизводства. Необходимо учитывать, что в различных видах гражданского судопроизводства проявление данного принципа дифференцировано. Так, сторонам в исковом производстве предоставлен равный объем процессуальных прав и на них возложен равный объем обязанностей. В то же время данное правило ограниченно распространяется на взыскателя и должника в приказном производстве, поскольку должник в самом процессе вынесения судебного приказа не участвует, он получает возможность для защиты своих прав уже после получения судебного приказа и реализовать их может только в рамках искового производства, т.е. следует говорить об отсроченном действии принципа процессуального равенства. Процессуальное равенство в отношении заявителя и заинтересованных лиц в особом производстве также ограничено с учетом особенностей указанного вида производства, а именно, отсутствия состязания как такового, ввиду его бесспорности.

Библиографический список

1. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2007. 831 с.

2. *Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: КноРус, 2020. 213 с.

3. Гражданский процесс России: учебник / под ред. М.А. Викут. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. 459 с.

4. *Бондарь А.Н.* Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон: особенности его реализации в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 206 с.

5. *Решетникова И.В.* Состязательная система доказывания: новеллы АПК РФ // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 31–34.

6. *Стуликова Н.В.* Состязательность арбитражного судопроизводства как гарантия эффективной судебной защиты // Российский судья. 2022. № 1. С. 3–8.

7. *Ярков В.В.* Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А.Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 49–66.

8. *Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Незнамов А.В. и др.* Цифровые технологии в цивилистическом процессе: некоторые проблемы и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 4. С. 52–95.

9. *Матюшенкова Ю.Л.* Некоторые аспекты арбитражной практики по налоговым спорам. М., 2002. 169 с.

10. *Ильин А.В.* Нарушение принципов равноправия и состязательности как основание для отмены судебных актов арбитражных судов в кассационном порядке // Закон. 2021. № 7. С. 70–80.

11. *Сахнова Т.В.* Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 784 с.

12. *Власов А.А.* Должен ли суд нести ответственность за доказывание? // Современное право. 2001. № 1. С. 30–34.

13. *Алиев Т.Т., Воробьева Н.А.* Защита субъективных прав ответчика в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2021. № 6. С. 84–87.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

15. Определение Конституционного Суда РФ от 25 октября 2018 г. № 2528-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тихонова Федора Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части 2 статьи 30.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью “Три К” и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы» // СЗ РФ. 2010. № 19, ст. 2357.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 9.

Г.И. Вершинина,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии
Е.А. Лебедева,
магистрант Института магистратуры и заочного обучения
Саратовской государственной юридической академии

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ ПРОКУРОРА В ЗАЩИТУ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ЛИЦ: КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Институт обращения прокурора в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц представляет собой специализированный механизм гражданского и арбитражного судопроизводства, направленный на защиту публичных интересов. Его правовая регламентация основана на системном толковании ряда норм процессуального законодательства.

Статус прокуратуры в конституционной системе власти остается предметом научной дискуссии. Действующее законодательство не содержит прямого отнесения органов прокуратуры к одной из традиционных ветвей власти (законодательная, исполнительная, судебная), что порождает доктринальную неопределенность. Правовая природа данного института выводится семантически из анализа его полномочий, установленных федеральным законодательством.

В научной доктрине сформировались два основных подхода к определению конституционно-правового статуса прокуратуры. Первый подход предполагает ее интеграцию в структуру существующих ветвей государственной власти либо, как альтернатива, конституирование в качестве самостоятельной властной ветви. Второй подход отрицает принадлежность прокуратуры к традиционной триаде властей. Согласно данной позиции прокурорская система представляет собой специфический государственно-правовой институт, занимающий автономное положение в механизме государства [1, с. 98].

В соответствии с Конституцией РФ «прокуратура Российской Федерации обладает статусом надзорного органа, осуществляющего надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями» [2]. Данное определение прокуратуры нашло отражение в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [3] (далее – Федеральный закон № 2202-1).

Правовое положение прокуратуры определяется комплексом целей и функций, закрепленных в Федеральном законе № 2202-1. Анализ ст. 1 данного закона позволяет сделать вывод, что надзорная деятельность не исчерпывает всего объема полномочий органа.

Ключевой целью также является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности. Для ее достижения прокурор наделен правом участия в правотворческом процессе. В соответствии со ст. 9 указанного Федерального закона прокурор уполномочен вносить в органы и представительные (законодательные) органы государственной власти, а также в органы местного самоуправления предложения об изменении, дополнении, отмене или принятии законов и иных нормативных правовых актов. Данное полномочие характеризует прокуратуру как активного субъекта в сфере совершенствования законодательства.

Анализ ст. 1 Федерального закона № 2202-1 свидетельствует, что законодатель закрепил цели, имеющие комплексный характер. Формально они обозначены в контексте надзорной деятельности, однако их содержательное наполнение выходит за ее рамки.

Цели обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, а также защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства являются системообразующими для всего института прокуратуры. Они реализуются не только через надзор, но и посредством иных функций, включая уголовное преследование, координацию деятельности правоохранительных органов и участие прокурора в судебных процессах. Таким образом, названные цели носят сквозной характер, определяя содержание всей многопрофильной деятельности прокуратуры [4, с. 136].

К.Н. Карпов сформулировал задачи прокурорского надзора следующим образом: «...своевременное и полное выявление нарушений закона, их пресечение и предупреждение; установление обстоятельств нарушения закона, и принятие мер по привлечению указанных лиц к установленной законом ответственности; фактическое восстановление по результатам прокурорских проверок нарушенных прав и свобод человека и гражданина и охраняемых

законом интересов общества и государства» [5, с. 136].

Закрепленные процессуальные полномочия прокурора выявляют коллизию в правовом регулировании оснований для обращения в суд в защиту неопределенного круга лиц.

Согласно ч. 1 ст. 35 Федерального закона № 2202-1 и ч. 1 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ [6] прокурор наделен правом на обращение в суд в защиту охраняемых законом интересов общества или государства.

Часть 3 ст. 35 Федерального закона № 2202-1 устанавливает дополнительное условие: такое обращение допустимо лишь в случае, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства. Данная формулировка создает оценочный критерий, ставящий реализацию процессуального полномочия в зависимость от субъективного усмотрения прокурора о наличии «требований» защиты. ГПК РФ оперирует более формальными основаниями, что порождает правовую неопределенность в применении норм.

Сравнительный анализ материального и процессуального законодательства выявляет терминологическое несоответствие в определении предмета защиты. Федеральный закон № 2202-1 оперирует категориями «интересы общества или государства». В свою очередь, ст. 45 ГПК РФ использует иную правовую конструкцию, предоставляя прокурору право на обращение в защиту интересов «неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований».

Таким образом, законодатель осуществляет трансформацию материально-правового понятия «интересы общества» в процессуальную категорию «интересы неопределенного круга лиц». Данное терминологическое расхождение не является тождественным, что создает проблему правоприменительной квалификации оснований для прокурорского вмешательства.

Как отмечает Е.В. Токарева, «в науке как различают, так и отождествляют понятия “общественный интерес” и “интерес неопределенного круга лиц”. Для общественного интереса характерно достижение цели, выгодной всему обществу, получение блага для “всех”, тогда как интерес неопределенного круга лиц – это совокупность различных интересов каждого индивидуума, а устранение потенциальной опасности в виде нарушения закона способно одновременно защитить эти различные интересы» [7, с. 262].

Существует реальная системная коллизия между материальным и процессуальным регулированием полномочий прокурора. Действительно, результатом обращения прокурора в защиту неопределенного круга лиц выступает обеспечение законности в абстрактном ключе, однако правовые основания для таких действий регламентированы противоречиво.

Ключевая проблема заключается в дуализме правовых конструкций. Часть 4 ст. 27 Федерального закона № 2202-1 предусматривает иск в защиту «значительного числа граждан» при реальном нарушении, что по своей природе является групповым иском, поскольку круг пострадавших потенциально индивидуализируем. Это положение конкурирует с процессуальной нормой ст. 45 ГПК РФ, ориентированной на защиту именно неопределенного, неиндивидуализированного круга лиц.

Законодатель не установил четких критериев для разграничения этих процедур. Понятия «значительное число граждан» и «особое общественное значение» остаются оценочными, что порождает правовую неопределенность и ставит реализацию полномочий прокурора в зависимость от субъективного усмотрения правоприменителя. Данная терминологическая и содержательная дивергенция между Федеральным законом № 2202-1 и ГПК РФ нарушает принцип единообразия правового регулирования, создавая практические трудности в определении надлежащего процессуального основания для обращения в суд.

Е.В. Яковенко [8] и другие ученые указывали, что «законодательством понятие неопределенного круга лиц не установлено, в связи с чем в научной литературе возникают дискуссии по данной правовой проблеме. Отсутствие легального закрепления понятий вызывает неопределенность в деятельности правоприменителей: по каким критериям возможно определить нарушение интереса неопределенного круга лиц, и, соответственно, наличие у прокурора права на обращение в суд» [9, с. 47].

Анализ доктрины и судебной практики подтверждает наличие неурегулированной правовой проблемы. Доктринальное понимание неопределенного круга лиц как совокупности потенциально пострадавших субъектов, персональная идентификация которых на момент обращения в суд объективно невозможна, не получило легального закрепления. Отсутствие законодательной дефиниции порождает неединообразную судебную трактовку, что снижает эффективность данного правового инструмента.

Предлагаемые научным сообществом меры по систематизации законодательства носят комплексный характер. Они включают:

- формализацию понятия «неопределенный круг лиц» на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ;
- внесение прямых изменений в материальное и процессуальное законодательство для устранения терминологических коллизий;
- введение для прокурора процессуальной обязанности доказывать в заявлении объективную невозможность идентификации конкретных потерпевших и обосновывать конкретный меха-

низм устранения нарушения со стороны ответчика.

Несмотря на широкое обсуждение в научной литературе, законодательные пробелы сохраняются. Налицо устойчивая правоприменительная потребность в унификации норм, регламентирующих прокурорское обращение в защиту публичных интересов. Текущее состояние регулирования создает риски для последовательной защиты прав неопределенного круга лиц.

Библиографический список

1. *Воронин О.В.* К вопросу о типе и месте отечественной прокуратуры в системе органов государственной власти // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 98–101.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.11.2025).

3. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 3 февраля 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 6, ст. 408.

4. *Ефимова Ю.В.* Реализация прокурором диспозитивных прав в гражданском судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 3 (146). С. 123–132.

5. *Карпов К.Н.* Цели, задачи и объекты прокурорской деятельности // Закон и право. 2018. № 12. С. 135–138.

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // 2002. № 46, ст. 4532; 2025. № 31, ст. 4698.

7. *Токарева Е.*В. Защита прокурором публичного интереса в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. 215 с.

8. *Яковенко Е.В.* Проблемные аспекты понятия «неопределенный круг лиц» в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 9–1 (72). С. 261–264.

9. *Крайнова А.*В. Проблемы защиты неопределенного круга лиц в гражданском процессе // Вестник Пензенского государственного университета. 2017. № 2 (17). С. 46–51.

А.А. Иванюк,
магистр юриспруденции, юрист
ООО «Башук Чичканов, юридическая фирма»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРОКУРОРА КАК ФОРМА УЧАСТИЯ В РАССМОТРЕНИИ И РАЗРЕШЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Заключение прокурора как особая форма участия органов прокуратуры в рассмотрении гражданских дел традиционно изучается как важный элемент процессуальной системы защиты публичных интересов. В свою очередь, публичные интересы – это охраняемые государством интересы общества, государства и неопределенного круга лиц, направленные на обеспечение законности, правопорядка и реализацию конституционных прав граждан. В условиях действия принципов состязательности и равноправия сторон участие прокурора в гражданском процессе имеет особое значение, поскольку обеспечивает соблюдение баланса частных и публичных интересов и способствует достижению законного и обоснованного судебного решения.

Правовая природа понятия «заключение прокурора», назначение, место в структуре гражданского процесса остаются предметом постоянных научных дискуссий. Это объясняется тем, что прокурор не является стороной спора, не вступает в материальное правоотношение и не несет процессуальных обязанностей истца, ответчика, а также третьих лиц, при этом обладая полномочием выражать мнение от имени государства. Суд не связан заключением прокурора в обязательном порядке, однако не вправе его игнорировать: позиция прокурора подлежит обязательному исследованию и оценке наряду с другими доказательствами. Влияние прокурора в гражданском судопроизводстве проявляется через его возможность заявлять ходатайства, участвовать в исследовании доказательств, знакомиться с материалами дела и обжаловать судебные постановления, что позволяет ему активно воздействовать на правовую оценку обстоятельств. Тем самым прокурор выполняет функцию публичного гаранта законности, ориентируя суд на необходимость учета интересов государства, общества и социально

уязвимых групп, но при этом не нарушает принцип независимости суда и не подменяет внутреннее убеждение судьи.

Нормативное основание участия прокурора в гражданском процессе закреплено в ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), где подробно перечислены категории дел, требующие дачи заключения прокурора. К ним относятся дела о выселении, восстановлении на работе, возмещении вреда жизни и здоровью, дела об усыновлении, лишении и ограничении родительских прав, о признании гражданина недееспособным, а также иные дела, прямо установленные законом. Этот перечень отличается направленностью на защиту наиболее уязвимых категорий граждан, чьи права и законные интересы требуют дополнительной защиты со стороны государства. В научной литературе подчеркивается, что участие прокурора в таких делах обусловлено публично-правовым интересом в охране социально значимых благ, включая здоровье, семью, детство и иные фундаментальные гарантии личности.

Ю.В. Королёва отмечает, что прокурор вступает в гражданский процесс «с целью защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц, общества и государства», поскольку его участие направлено на обеспечение вынесения «законного и обоснованного решения суда» [1].

Значимые изменения в правовое регулирование института заключения прокурора внесены Федеральным законом от 7 октября 2022 г. № 387-ФЗ [2], дополнившим ст. 45 ГПК РФ ч. 4. Новая норма существенно расширила основания для вступления прокурора в процесс, включая случаи оспаривания сделок, нарушающих режим специальных экономических мер, дела о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей, а также дела, в которых усматривается использование гражданско-правовых конструкций для сокрытия противоправной деятельности (например, для обхода валютного или налогового законодательства). Эти законодательные новеллы отражают тенденцию повышения роли прокуратуры в обеспечении экономической безопасности государства и демонстрируют превращение заключения прокурора в инструмент реагирования на новые правовые и экономические реалии.

Следует отметить разъяснения высших судебных инстанций, существенно уточнившие подходы к реализации прокурором полномочий по обжалованию судебных актов. Так, постановление Пленума Верховного Суда РФ № 16 [3] актуализировало вопросы апелляционного обжалования и подчеркнуло необходимость обеспечения процессуальных гарантий участия прокурора. В одном из дел Верховный Суд рассмотрел ситуацию, когда кассационный суд отказал в принятии кассационного

представления прокурора субъекта РФ, сославшись на отсутствие поданного им апелляционного представления. При этом важно подчеркнуть, что судебное решение уже было предметом апелляционной проверки по инициативе стороны, обратившейся с апелляционной жалобой, т.е. требование об исчерпании иных способов обжалования, предусмотренное ст. 376 ГПК РФ, было выполнено. Верховный Суд указал, что отсутствие апелляционного обжалования со стороны прокурора не может рассматриваться как препятствие для кассационного вмешательства вышестоящего прокурора, поскольку его полномочия обусловлены необходимостью обеспечения законности и защитой публичных интересов. Бездействие последних не должно ограничивать реализацию прокурором вышестоящего уровня предоставленных законом надзорных полномочий. Данная правовая позиция, изложенная в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 сентября 2025 г. [4], подтверждает тенденцию к усилению гарантий участия прокурора на всех стадиях гражданского процесса и направлена на предотвращение ситуаций, при которых формальное толкование норм процессуального закона препятствует достижению целей правосудия.

Неявка прокурора, надлежащим образом извещенного о времени и месте судебного заседания, не препятствует разбирательству дела (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ). Указанное правило означает, что суд вправе продолжить рассмотрение дела и вынести решение даже при отсутствии прокурора, если тому было своевременно сообщено о процессе. Более того, отсутствие заключения прокурора как такового (например, если прокурор не представил письменного заключения и не явился в заседание) не рассматривается судами в общем случае как безусловное основание для отмены решения. Судебная практика исходит из того, что само по себе отсутствие заключения не нарушает прав сторон, если прокурор был приглашен: апелляционные инстанции отклоняют доводы о том, что непредставление заключения прокурора должно влечь отмену решения. Неприлечение прокурора в делах, где его участие является обязательным в силу ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, образует существенное нарушение норм процессуального права, влекущее отмену судебного решения, поскольку нарушены гарантии защиты публичных интересов и интересов социально уязвимых категорий граждан. Кроме того, хотелось бы отметить, что ГПК РФ не содержит запрета на представление прокурором письменного заключения без его личной явки в судебное заседание. Часть 3 ст. 45 ГПК РФ устанавливает лишь то, что неявка прокурора, надлежащим образом извещенного, не препятствует рассмотрению дела по существу.

Следовательно, прокурор вправе заранее направить в суд письменное

заключение, выражающее его позицию по делу. Суд, рассматривая дело, обязан принять во внимание мнение прокурора в соответствии с ч. 3 ст. 56 ГПК РФ, независимо от того, представлено ли оно в устной или письменной форме. Отсутствие личного участия прокурора при наличии направленного письменного заключения не влияет на допустимость рассмотрения дела и не свидетельствует о нарушении процессуальных норм.

Правовая природа заключения прокурора носит комплексный характер. С одной стороны, оно не относится к доказательствам по смыслу ст. 55 ГПК РФ, поскольку не содержит самостоятельных фактических данных и не влечет формирования новой доказательственной базы: прокурор делает выводы, опираясь на доказательства, исследованные судом. С другой стороны, заключение прокурора является процессуальным мнением, которое суд обязан принять во внимание при разрешении дела. В силу ч. 3 ст. 56 ГПК РФ суд, вынося решение, принимает во внимание мнение прокурора, независимо от согласия или несогласия сторон с изложенной позицией. Следовательно, заключение прокурора не подлежит оценке по правилам ст. 67 ГПК РФ, однако его игнорирование судом квалифицируется как существенное нарушение норм процессуального права, в особенности по делам, в которых участие прокурора обязательно в силу закона.

В правоприменении прослеживается и противоположная тенденция – формализация участия прокурора. Нередко прокуроры представляют короткие, шаблонные заключения, не содержащие анализа обстоятельств и правовой квалификации. В научной литературе справедливо отмечается, что подобная практика нивелирует роль прокурорского заключения и превращает его в формальное действие. Причина этого – отсутствие единых нормативных требований к структуре заключения. В отличие от некоторых зарубежных систем, где заключение (или аналогичный документ) представляет собой полноценное правовое заключение, в России форма заключения остается неопределенной: закон не содержит требований ни к объему, ни к структуре, ни к необходимости письменной формы.

Изучая судебную практику, можно выявить следующую структуру заключения прокурора по гражданскому делу: изложение существа требований; анализ установленных обстоятельств; оценка применимых норм права; выводы о законности требований; аргументация в защиту публичного интереса; рекомендации суду. Такая структура не только повысила бы качество заключений, но и упростила бы их оценку судом.

Для понимания правовой природы заключения прокурора и определения границ его участия в гражданском процессе особое значение

имеет анализ актуальной судебной практики. Так, практика Верховного Суда РФ подтверждает необходимость строгого соблюдения критериев участия прокурора в гражданских делах. В определении Верховного Суда РФ от 27 мая 2025 г. № 18-КГ25-178-К4 [5] Судебная коллегия указала, что прокурор вправе приносить апелляционное представление лишь в случаях, когда он участвовал в деле либо когда его участие обязательно в силу закона. ВС РФ признал незаконным восстановление процессуального срока прокурору, поскольку спор о самовольной постройке не относится к числу категорий, приведенных в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, интересы РФ уже представлял уполномоченный орган, а мнение о незаконности решения не служит уважительной причиной пропуска срока. Суд подчеркнул, что непривлечение прокурора к делу не является процессуальным нарушением, если закон прямо не предписывает его участие, и отменил все судебные акты, принятые по жалобе прокурора. Данное решение демонстрирует необходимость точного соблюдения оснований участия прокурора в гражданском процессе и подтверждает, что расширительное толкование его процессуальных полномочий недопустимо.

Серьезной проблемой остается коллизия между ГПК РФ и Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ») [6]. В ст. 35 данного Закона предусмотрено право прокурора вступать в дело на любой стадии, если этого требует защита прав граждан или интересов государства, однако ст. 45 ГПК РФ содержит закрытый перечень случаев обязательного участия прокурора, суды трактуют его как исчерпывающий. В судебной практике нередко встречаются ситуации, когда прокурор пытается вступить в процесс, руководствуясь ст. 35 ФЗ «О прокуратуре РФ», но суд отказывает, ссылаясь на отсутствие соответствующих оснований в ГПК РФ. Такая неопределенность приводит к неравномерности практики, нарушению целей прокурорского участия и снижению эффективности защиты публичных интересов.

Предметом дискуссий служит и сама целесообразность сохранения института заключения прокурора. Критики указывают, что нередко участие прокурора носит формальный характер и не влияет существенно на исход спора, особенно если права конкретных лиц достаточно защищены самими этими лицами или их представителями. Высказывается мнение, что заключение прокурора дублирует позицию истца или ответчика либо повторяет уже сказанное сторонами, не внося качественно новой информации. Например, С.Г. Бывальцева и А.А. Ковалев, исследовав практику пересмотра судебных актов, пришли к выводу о противоречивости подходов к возможности заключения при пересмотре дел

и предлагают уточнить законодательство, чтобы устранить сложившиеся противоречия [7]. Некоторые ученые ставят вопрос об исключении данной формы участия из ГПК РФ, полагая ее неэффективной. И.В. Бондарева, Н.Н. Жильский на основании анализа эффективности заключения прокурора пришли к выводу о целесообразности исключения этой формы участия прокурора из гражданского процесса [8]. Аргументация сводится к тому, что при современном уровне развития адвокатуры и правосознания граждан прокурорское заключение по большинству дел не влияет на законность решения, а лишь затягивает процесс.

Противоположная точка зрения исходит из признания важной гарантийной функции прокурорского участия. Прокурор представляет публичный интерес, которого могут не учитывать частные стороны спора. Особенно это касается дел, где затрагиваются права несовершеннолетних, недееспособных, социальных групп или неопределенного круга лиц.

В свете изложенного, полагаем, требуется совершенствование правового регулирования заключения прокурора. Во-первых, целесообразно устранить противоречие в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ относительно последствий неявки прокурора. Ряд авторов предлагает скорректировать норму: вместо того чтобы позволять суду рассматривать дело при неявке прокурора без оговорок, закрепить обязанность суда отложить разбирательство, если прокурор не явился по уважительной причине. Это придало бы норме согласованность с требованием об обязательном участии. Во-вторых, стоит указать в законе, что заключение прокурора должно быть мотивированным и основываться на материалах дела, а также определить процессуальный статус письменного заключения (приобщается к делу как пояснение прокурора). В-третьих, можно расширить перечень категорий дел, где участие прокурора признается обязательным, включив туда наиболее социально значимые споры.

Рассматривая перспективы развития института заключения прокурора, можно сделать вывод, что он сохранил свою значимость и не утратил актуальности. Для его дальнейшего развития требуется упорядочить нормативную базу, устранить коллизии законодательства, установить единые требования к форме заключения, определить процессуальные последствия отсутствия заключения прокурора в обязательных категориях дел. Такая модернизация позволит повысить качество судебной защиты и обеспечить надлежащее функционирование механизма прокурорского участия в гражданском судопроизводстве.

Библиографический список

1. *Королева Ю.*В. Участие прокурора в гражданском процессе // Форум молодых ученых. 2021. № 2 (54). С. 54–56.

2. Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 6949.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2021. 2 июля.

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 сентября 2025 г. № 56-КГПР25-15-К9 (УИД 25RS0002-01-2024-004602-46). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 мая 2025 г. № 18-КГ25-112-К4 (УИД 23RS0045-01-2023-000842-60). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 3 февраля 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. 47, ст. 4472; 2025. № 6, ст. 408.

7. *Бывальцева С.Г., Ковалев А.*А. Дача заключения прокурором в гражданском процессе при пересмотре дел // Право и политика. 2020. № 7. С. 114–123.

8. *Бондарева И.В., Жильский Н.*Н. О проблеме эффективности дачи заключения как формы участия прокурора в гражданском процессе // Теория и практика современной науки. 2020. № 5 (59). С. 125–129.

Н.А. Рассахатская,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии

ПРЕТЕНЗИОННЫЙ ПОРЯДОК УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ И ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Одним из видов досудебного порядка урегулирования спора выступает претензионный порядок. В привычном смысле претензионный порядок исследуется в цивилистическом аспекте, как правило, при решении вопросов гражданского права и правовом анализе процессуального порядка рассмотрения споров хозяйствующих субъектов. В правовой доктрине претензионный порядок понимается как регламентированный законом, соглашением сторон порядок по урегулированию спора между сторонами гражданских, иных правоотношений, возникающего в ходе осуществления последними хозяйственной деятельности.

Претензионный порядок урегулирования споров можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, как условие права на предъявление иска. Во-вторых, как основание для завершения процесса, в частности, при заключении мирового соглашения в ходе судебного процесса как итога проведения претензионного порядка урегулирования спора.

Таким образом, названная форма урегулирования споров имеет как досудебный или внесудебный порядок, так и может реализовываться в рамках гражданского либо арбитражного судопроизводства.

Может возникнуть закономерный вопрос: насколько корректно говорить о претензионном порядке в рамках уже возбужденного судопроизводства? Традиционно данный порядок рассматривают как условие, необходимое для реализации права на предъявление иска. Посмеем предположить и сделать попытку выйти за пределы классической позиции, рассмотрев претензионный порядок в том числе как потенциальное условие прекращения гражданского либо арбитражного судопроизводства посредством реализации сторонами своего процессуального правомочия на заключение мирового соглашения по итогам проведения претензионного порядка. Правда, следует быть готовым к четкому обоснованию

таковой идеи. В любом случае рассмотрение претензионного порядка актуально не только с теоретической точки зрения, но и с позиции практической деятельности, в том числе судебной практики.

Изложенную позицию в определенной части подкрепляет указание Верховного Суда РФ, подтвердившего в одном из основополагающих для претензионного порядка постановлений [1], что деятельность по предъявлению и рассмотрению претензий способствует реализации задач судопроизводства, как арбитражного, так и гражданского в том числе. Задача гражданского и арбитражного судопроизводства, на реализацию которой направлен претензионный порядок, – содействие мирному урегулированию споров, развитие деловых отношений в рамках осуществления гражданско-правовых (в широком плане) правоотношений.

Необходимо прежде всего остановиться на понятийной характеристике претензионного порядка урегулирования спора. В нее следует включить характеристику субъектов реализации претензионного порядка, правовое положение этих субъектов, непосредственно процедуру реализации данного порядка, которая будет содержать ряд положений самостоятельного характера. Рассмотрение любой категории нужно начинать с указания и изучения цели данной категории. Не составляет исключение в этом плане и анализ характеристики такого понятия, как претензионный порядок урегулирования спора.

На целевую установку понятия «претензионный порядок» – урегулирование спора между сторонами – указывается непосредственно в обозначении анализируемого понятия.

С этимологической точки зрения, понятие «урегулирование» предполагает действие субъектов по регулированию определенных процессов. Синонимами понятия урегулирования выступают такие понятия, как соглашение, улаживание, упорядочивание, регулирование, регламентация; отрегулирование, утрясение, упорядочение, решение. В любом из представленных вариантов урегулирование включает в себя как итоговый результат – завершение спора, который возникает между сторонами соответствующего правоотношения.

Применительно к исследуемому нами понятию составными элементами категории «урегулирование» будут приведение противоположных интересов и позиций сторон к взаимоприемлемому результату взаимовыгодного характера, устраивающего обе стороны правового конфликта. Именно для реализации данной цели – выработки взаимовыгодного соглашения – определяются общие точки соприкосновения, варианты компромисса и решений. Этим и определяется деятельность по урегулированию спора (конфликта).

Понятие «урегулирование спора (конфликта)» встречается не только и даже не столько в научной и учебной литературе по праву. Вопрос об урегулировании спора (конфликта) стал актуальным также на уровне законодательных инициатив и судебной практики. Особое значение использование данного понятия приобретает в судебных актах.

Обеспечение единообразия практики судов предполагает единообразие в понимании и применении анализируемых категорий. Относительно понятия «урегулирование», как правило, не возникает противоречий. Большинство дискуссий в правовой литературе и на практике складывается вокруг понятия спора или конфликта, на разрешение которого и направлены действия сторон в данном порядке. Более того, отсутствует единое законодательное, нормативное понимание и применение правовых понятий спора о праве (конфликта).

Различное понимание названных категорий приводит к различным способам защиты прав субъектов спора и правового конфликта, применению различных по своему характеру процессуальных и процедурных форм, и, как следствие, к отсутствию эффективности в обеспечении охраны и защиты субъективных прав участников цивилистических правоотношений.

Своеобразие претензионному порядку урегулирования спора придает именно указание на его претензионный характер.

С учетом изложенного представляется возможным вывести определение понятия претензионного порядка. Претензионный порядок – это установленный законом либо предусмотренный соглашением сторон порядок, включающий в себя деятельность субъектов цивилистических правоотношений, направленную на выработку компромиссов, решений по завершению правового спора (конфликта) на взаимовыгодных условиях.

Таким образом, целью претензионного порядка является урегулирование спора о праве (правового конфликта), завершение правового спора (конфликта).

Содержанием претензионного порядка выступает деятельность по выработке точек соприкосновения, компромиссов и решений взаимовыгодного для субъектов спорных правоотношений характера. Деятельность по урегулированию правового спора (конфликта) проводится в форме переговорного процесса конструктивного характера с целью достижения компромисса, погашающего таковой спор (конфликт). Немаловажно подчеркнуть взаимовыгодный характер тех условий, на которых достигается этот компромисс. По своей юридической природе в большинстве случаев таковое соглашение служит новым гражданско-правовым договором (новацией) сторон.

Соблюдение претензионного порядка урегирования спора – необходимое условие реализации права на предъявление иска. В классической теории гражданского процессуального права право на предъявление иска понимается как право заинтересованного субъекта на возбуждение гражданского судопроизводства и получение положительного судебного решения (или судебной защиты) по конкретному материально-правовому спору.

Относительно обращения прокурора, государственных органов, органов местного самоуправления и иных субъектов, обращающихся в суд в порядке ст. 46 ГПК РФ, соблюдение досудебного порядка урегулирования спора не требуется, если закон не предусматривает иного по конкретным правоотношениям.

Говоря о досудебном (внесудебном) порядке урегулирования спора с необходимостью возникает вопрос о соотношении гражданской процессуальной формы и анализируемого порядка. С одной стороны, любой досудебный, внесудебный порядок урегулирования спора – элемент материальных правоотношений, отражающий их специфику в ходе реализации. С другой стороны – тесная взаимосвязь данной правовой процедуры с гражданской процессуальной формой бесспорна.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторые вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».

У.М. Стародубова,
преподаватель кафедры арбитражного процесса,
адвокатуры и нотариата
Саратовской государственной
юридической академии

О БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ УПУЩЕННОЙ ВЫГОДЫ

Институт возмещения упущенной выгоды занимает особое место в системе гражданско-правовых способов защиты, сочетая в себе несколько важных функций в виде компенсации, восстановления и ответственности. Возмещение упущенной выгоды – необходимый механизм обеспечения справедливости в имущественных правоотношениях, однако востребованность такого механизма среди лиц, участвующих в деле, минимальна, поскольку упущенная выгода является сложно доказываемой из-за отсутствия единоустановленной унифицированной формулы для расчетов.

Институт упущенной выгоды берет начало из римского частного права, где убытки рассматривались как «универсальная мера ответственности» за причинение вреда или нарушение обязательства, вместе с тем в советский период возмещение убытков подразумевало под собой исключительно форму ответственности, а не способ восстановления нарушенных гражданских прав [1, с. 495, 497]. В последующем переход к рыночной экономике повлек за собой признание принципов свободы договора и защиты законных интересов, что в свою очередь способствовало переосмыслению роли упущенной выгоды в гражданском праве в системе правовых санкций [2, с. 84].

Вместе с тем современная доктрина указывает, что возмещение упущенной выгоды ориентировано на обеспечение защиты интересов участников правоотношений, мотивируя их к соблюдению законодательства. С.Л. Дегтярев отмечает, что институт упущенной выгоды представляет собой универсальный способ защиты имущественных прав, направленный не только на защиту, но также и на восстановление нарушенных прав, однако эффективность данного института напрямую зависит от качества доказывания [1, с. 505].

В арбитражном процессуальном праве с вопросом о предоставлении доказательств связывают понятие «бремя доказывания». По общему правилу, закрепленному в ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), стороны обязаны подтвердить обстоятельства, на которые они ссылаются [3]. Бремя доказывания представляет собой не просто формальную обязанность, а сложный процессуальный инструмент, который требует от участников активного обоснования своей позиции и предоставления убедительных доказательств.

В спорах о взыскании упущенной выгоды бремя доказывания становится особенно важным, поскольку истец должен доказать не только факт нарушения права и размер неполученных доходов, но и причинно-следственную связь между противоправными действиями ответчика и возникшими убытками. При этом «бремя доказывания» выступает не только обязанностью, но также правом, реализация которого влечет за собой ответственность за злоупотребление правами или неисполнение обязанностей. Учитывая специфичность категорий споров о взыскании упущенной выгоды, особенностью для доказательственного права по данным категориям будет являться возможность перехода бремени доказывания. Такой переход процессуальной обязанности означает, что сторона, на которой лежало бремя доказывания, выполнила свою обязанность по достижению необходимой точности и убежденности [4, с. 110].

Предмет доказывания в спорах о взыскании упущенной выгоды включает в себя определенную совокупность обстоятельств, которая подлежит установлению для качественного и обоснованного разрешения дела [5, с. 120]. Учитывая предмет доказывания, а также категорию спора, по которым может быть взыскана упущенная выгода, бремя доказывания распределяется:

- по корпоративным спорам – истец обязан предоставить финансовую отчетность и экспертные заключения, свидетельствующие о возникшей упущенной выгоде и непосредственной причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникшими убытками, а также расчеты о предположительной возможности получения прибыли [6, с. 105];
- по интеллектуальным спорам – бремя доказывания возлагается на правообладателя (истца), которому требуется доказать конкретную рыночную стоимость лицензии, а также определить, все ли признаки, характеристики, элементы независимого образца, патентной формулы использованы [7, с. 383, 384];
- в спорах с арбитражными управляющими – бремя доказывания возлагается на недобросовестное лицо [8];
- в договорных правоотношениях бремя доказывания распределяется по основному правилу ст. 65 АПК РФ,

где на истца возлагается обязанность в обосновании размера недополученной прибыли [9, с. 110].

В.В. Ярков подчеркивает, что бремя доказывания должно представляться дифференцированным – истец доказывает факт совершенного правонарушения, факт возникновения и размер убытков, а ответчик – доказывает отсутствие причинно-следственной связи или иные обстоятельства, прямо исключающие его ответственность [6, с. 105, 106].

Е.А. Суханов пишет, что, по общему правилу, «на истце лежит бремя доказывания противоправности поведения ответчика, а также размера понесенного вреда, причиненных убытков, включая обоснование причинно-следственной связи, тогда как на ответчика возлагается бремя доказывания правомерности своего поведения либо обстоятельств, в силу которых оно считается допустимой формой реализации принадлежащего ему права» [10, с. 546].

Бытующее суждение о правовой природе бремени доказывания в арбитражном процессе как о «правообязанности» сторон исходит из начал гражданского судопроизводства. Вместе с тем распределение бремени доказывания по делам о взыскании упущенной выгоды хоть и осуществляется по общим правилам, однако специализированные правила такого распределения имеют место только в отношении отдельных правоотношений.

Рассматривая бремя доказывания в аспекте обязанности лиц (ст. 64 АПК РФ) и прав (ч. 2 ст. 9 АПК РФ), стоит сделать акцент на том, что в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) отсутствует аналогичная норма – ч. 2 ст. 9 АПК РФ, отсутствие аналогии может восприниматься как обоснованное и осознанное законодательное решение, поскольку экономическая, предпринимательская и иная хозяйствующая деятельность связана по своей природе с рисками (ч. 1 ст. 2 ГК РФ).

Отсутствие прямого закрепления категории процессуального риска в ГПК РФ не говорит о том, что данная категория присуща исключительно арбитражному судопроизводству и фактически отсутствует в гражданском судопроизводстве. Принцип состязательности имеет универсальный характер для обеих отраслей, имплицитно включает в себя элементы риска, которые связаны с несовременным или неполным исполнением процессуальных обязанностей. Вместе с тем процессуальный риск следует рассматривать не как исключительную прерогативу арбитражного процесса, а наоборот, как общую категорию, вытекающую из состязательной природы судопроизводства, где исход дела напрямую зависит от активности позиций сторон и добросовестности. Следовательно, процессуальный риск можно рассматривать как логическое следствие

принципа состязательности, который требует единообразного подхода к его применению и пониманию в целях обеспечения справедливости.

Здесь принципы добросовестности и пресекательности направлены на ограничение и предупреждение злоупотреблений процессуальными правами и способствуют обеспечению стабильности судопроизводства [12, с. 67]. Несвоевременное предоставление доказательств или изменение процессуальной позиции в дальнейшем может расцениваться судом как злоупотребление правом, что также может привести не только к неблагоприятным последствиям, но и к ответственности [13, с. 40]. Например, в постановлении № 6-П Конституционный Суд РФ закрепил положения о презумпции недобросовестности контролирующих лиц, если их действия привели к невозможности исполнения обязательств перед кредиторами. Это подтверждает тенденцию к ужесточению требований к доказательствам и усилению ответственности за недобросовестное поведение [14].

Фундаментальный принцип состязательности представляет собой не только формальное равенство сторон, но и их активное «противоборство». По своей сущности принцип состязательности включает в себя обоснование, каким образом будет распределено между сторонами бремя доказывания и какая роль при этом отводится суду. Исход судебного разбирательства определяется в значительной степени реализацией участниками своей обязанности по доказыванию. Исходя из этого, процессуальный риск представляет собой не только исключительно последствия осуществления экономической, предпринимательской и иной хозяйствующей деятельности, но и обязательный элемент состязательного процесса, где каждая сторона несет ответственность за свои процессуальные действия и бездействие.

Применение в арбитражном процессе принципов добросовестности и пресекательности направлено на обязывание лиц, участвующих в деле, в соответствии с законом реализовывать свои процессуальные права разумно, добросовестно, а также не допускать злоупотреблений или специального, искусственного затягивания процесса. Нормы процессуального законодательства устанавливают, что стороны равноправно несут риск возникновения неблагоприятных последствий, что напрямую коррелируется с принципом состязательности и равноправия сторон.

Принцип пресекательности выступает процессуальным механизмом, направленным на ограничение возможности заявления сторонами самостоятельных требований, предоставлять новые доказательства или изменять предмет и основание иска на поздних стадиях процесса. Данное положение предупреждает недобросовестное поведение участников, обеспечивая устойчивость и стабильность судопро-

изводства, исключая возможность затягивания процессуальных сроков.

Поскольку современная доктрина исходит из классического определения бремени доказывания (ст. 65 АПК РФ), важное значение оказывает развитие информационно-цифровых технологий. Современные информационно-технологические реалии коренным образом трансформируют подходы к сбору и представлению доказательств, расширяя процессуальные возможности суда и фактически придавая ему новую роль в механизме доказывания. В свою очередь, А.А. Лим предлагает установить на законодательном уровне обязанность заблаговременного раскрытия доказательств, для повышения дисциплины участников судопроизводства и для обеспечения наибольшей эффективности [15, с. 7, 8].

Подводя итог, стоит сказать о том, что бремя доказывания напрямую зависит не только от позиции сторон и от реализации ими своих прав и обязанностей, но и от конкретной категории дел. При рассмотрении дел о взыскании упущенной выгоды важно учитывать специфику категории дела при распределении бремени, поскольку от этого будет зависить позиция сторон.

Бремя доказывания в арбитражном процессе прямо выходит за рамки формальной обязанности сторон и представляет собой комплексный процессуальный механизм, который направлен на обеспечение со стороны лиц, участвующих в деле активного обоснования своих позиций, через предоставление убедительных и достоверных расчетов возникшей упущенной выгоды. В спорах по данной категории дел бремя доказывания приобретает особую важность и значимость, поскольку истец должен подтвердить не только факт понесенных убытков, их размер, предпринятые действия по недопущению их образования, но и причинно-следственную связь между противоправным поведением ответчика и возникшими убытками.

Вместе с тем бремя доказывания стоит рассматривать не только как обязанность, но и как процессуальное право сторон, реализация которого влечет за собой возможность возникновения юридической ответственности за злоупотребление правом или неисполнением обязанностей.

Библиографический список

1. *Дегтярев С.Л.* Процессуальные аспекты возмещения убытков в гражданском и арбитражном процессе // Убытки и практика их возмещения: сб. ст. М.: Статут, 2006. С. 489–521.

2. *Стародубова У.*М. Особенности взыскания упущенной выгоды // Право и управление. 2023. № 10. С. 82–87.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012; 2025. № 14, ст. 1587.

4. *Молчанова И.Б., Шубина О.А.* Определение бремени доказывания и перехода бремени доказывания // Фундаментальные и прикладные научные исследования: инноватика в современном мире: сб. науч. ст. по матер. V Междунар. науч.-практ. конф. (16 февраля 2021 г., г. Уфа). Уфа: Вестник науки, 2021. С. 109–112.

5. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / [О.В. Абознова, Н.Г. Беляева, Т.Л. Вербенко и др.]; под ред. И.В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2022. 480 с.

6. *Ярков В.В.* Арбитражный процесс: учебник. М.: Статут, 2017. 538 с.

7. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. Т. 2. 508 с.

8. *Кашкарова И.*Н. Анализ практики применения арбитражными судами положений ч. 2 ст. 9 АПК РФ о процессуальных рисках участников состязательного процесса // Мониторинг правоприменения СПбГУ. URL: https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawita-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/425-analiz-praktiki-primeneniya-arbitrazhnymi-sudami-polozhenij-ch-2-st-9-apk-rf-o-protsessualnykh-riskakh-uchastnikov-sostyazatelnogo-protsessa.html (дата обращения: 24.11.2025).

9. *Решетникова И.*В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практ. пособие. 8-е изд. М.: Юрайт, 2025. 416 с.

10. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. Т. 4. 606 с.

11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2025. № 31, ст. 4698.

12. *Бегдан О.*Л. Концентрация доказательств в гражданском судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 210 с.

13. *Паращенко В.Н.* Бремя доказывания в гражданском судопроизводстве и его юридическая природа // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2007. № 1. С. 39–41.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля» // СЗ РФ. 2023. № 8, ст. 1414.

15. *Лим А.А.* Распределение обязанности доказывания в арбитражном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.

Н.Н. Ткачева,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ОБРАЩЕНИЯ В СУД ЗА СУДЕБНОЙ ЗАЩИТОЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОТ ПОВЫШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ ЗА ОБРАЩЕНИЕ В СУДЫ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Одним из эффективных институтов, с помощью которого в нашей стране обеспечивается защита нарушенных прав и интересов, является судебная защита, гарантированная Конституцией РФ [1], осуществляемая в порядке гражданского судопроизводства, относящаяся к одной из основных форм защиты субъективных прав [2, с. 225]. Судебное разрешение спора или конфликта гарантировано со стороны государства [3] и, как отмечает А.Н. Кузбагаров, выступает последним способом защиты после использования иных способов, имеющих персональную направленность, осуществляемую в различных правовых формах (самозащита, претензионный способ и т.д.) [4, с. 10]. Судебная защита характеризуется тем, что обладает универсальным (всеобщим) характером и доступна каждому.

Одним из условий реализации права на обращение в суд является оплата государственной пошлины. Это требование закреплено в ст. 132 ГПК РФ. С 9 сентября 2024 г. вступили изменения в НК РФ, согласно которым размер государственной пошлины за обращение в суд общей юрисдикции был увеличен [5]. Например, по искам имущественного характера по гражданским делам она возросла в десять раз – с 400 до 4 тыс. рублей, а по искам неимущественного характера – с 300 до 3 тыс. рублей для граждан, что ставит под сомнение принцип доступности правосудия. Учитывая указанные изменения, полагаем необходимым ответить на вопрос о доступности правосудия и целесообразности в отдельных случаях обращения в суд за защитой нарушенного права и охраняемого законом интереса.

До повышения государственной пошлины в процессуальной доктрине высказывалось мнение о том, что оплата государственной пошлины

выступает препятствием к получению правосудия, преградой в его доступности [6], в связи с чем отдельные ученые в перспективе обосновывали целесообразность снижения и частичной отмены государственной пошлины с учетом благосостояния и экономических возможностей государства, указывая на то, что не следует рассматривать уплату государственной пошлины как плату за правосудие и тем более как инструмент, регулирующий судебную нагрузку и «целенаправленный барьер при обращении в суд» [7, с. 9–10].

Полагаем возможным согласиться с высказанными мнениями, а также отметить, что размер государственной пошлины, которую необходимо оплатить при подаче заявления в суд, непосредственно влияет на доступность правосудия. Льготы, предоставленные законодателем об отсрочке уплаты государственной пошлины, рассрочке ее уплаты или освобождение от уплаты имеют место быть, однако многие граждане не знают о таком праве или же отсрочка или рассрочка уплаты государственной пошлины не влияет на финансовую сторону вопроса, поскольку в конечном результате будет взыскана с лица, обратившегося в суд, например по делам особого производства.

Особую социальную значимость имеет судебная защита таких групп населения, как несовершеннолетние, лица с ограниченными возможностями здоровья, пенсионеры и др. Вместе с тем данные категории лиц нередко испытывают на себе все сложности в реализации права на судебную защиту.

Так, в юридическую клинику ФГБОУ ВО «СГЮА» обратилась гражданка с просьбой оказать ей бесплатную юридическую помощь по вопросу получения пенсии за один месяц, которую не успел получить ее умерший супруг в порядке ч. 3 ст. 26 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [8]. В Пенсионном фонде ей отказали ввиду того, что на день смерти мужа она была зарегистрирована по другому адресу и не смогла предоставить справку о составе семьи. Ей было рекомендовано обратится в суд с заявлением об установлении факта совместного проживания с умершим супругом. В процессе консультации было установлено, что имеются свидетели, готовые дать показания в суде о совместном проживании по одному адресу, а также иные доказательства, которые могли бы убедить суд в факте совместного проживания. После того как зашла речь о том, что за обращение в суд с таким заявлением необходимо оплатить государственную пошлину в размере 3 тыс. рублей, установленную п. 8 ч. 1 ст. 333.19 НК РФ, гражданка приняла решение не подавать заявление в суд и отказаться от права на судебную защиту, аргументируя тем, что это нецелесообразно. Финансовые и временные затраты не принесут удовлетворения, а полученная сумму пенсии не компенсирует указанные затраты. Кроме того, в силу возраста

и имеющихся заболеваний ей трудно будет посещать судебные заседания.

Данная ситуация послужила поводом задуматься над соотношением права на судебную защиту и целесообразностью ее получения. Этот вопрос представляется значимым, поскольку затрагивает гарантированное конституционное право, которого никто не может быть лишен. В ч. 2 ст. 3 ГПК РФ отмечено, что отказ от права на обращение в суд недействителен. Правоприменительная практика подтверждает указанное правило. Суды не принимают различного рода расписки, в которых граждане отказываются от каких-либо претензий к другой стороне [9, 10]. В рассматриваемом случае ситуация складывается иначе. Право закреплено в законе, но гражданин самостоятельно принимает решение не реализовывать его под воздействием определенной ситуации, а именно ввиду высокой ставки государственной пошлины. Решение об отказе от права на судебную защиту принимается осознанно, но не по доброй воле, т.е. практически от безысходности.

Полагаем, что подобных ситуаций не должно быть. Каждому в Российской Федерации гарантируется судебная защита, обязанность государства заключается в создании условий, которые позволили бы гражданам беспрепятственно реализовывать право на судебную защиту. Размеры государственной пошлины за обращение в суд с заявлениями должны быть пересмотрены по отдельным заявлениям, в частности по делам неимущественного характера и особого производства, где отсутствует спор о праве, и гражданин вынужден обращаться в суд, поскольку иным способом не может доказать юридический факт, например смерти и т.д. Размер государственной пошлины за подачу заявлений неимущественного характера и по делам особого производства должен составлять не более пятисот рублей.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. *Шакарян М.С.* Защита прав человека и гражданина в порядке гражданского судопроизводства // Общая теория прав человека / [В.А. Карташкин, Н.С. Колесова, А.М. Ларин и др.]. М.: Норма, 1996. С. 225–277.

3. *Новикова И.В., Новиков Е.В.* Судебная защита как конституционная гарантия права на местное самоуправление // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 2. С. 32–36.

4. *Кузбагаров А.Н.* Примирение сторон по конфликтам частноправового характера. СПб.: Статус, 2010. 318 с.

5. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СЗ РФ. 2024. № 33, ч. 1, ст. 4955.

6. *Афанасьев С.Ф.* Доступность правосудия при обращении в суд общей юрисдикции по гражданским делам // Отчет о НИР 13-33-01003. Российский гуманитарный научный фонд. 2013–2014.

7. *Шмотин К.С.* Судебные расходы в гражданском судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 216 с.

8. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (в ред. от 28 февраля 2025 г.) // СЗ РФ. 2013. № 52, ч. 1, ст. 6965; 2025. № 9, ст. 849.

9. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27 января 2021 г. по делу № 88-1221/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26 июня 2024 г. по делу № 88-14529/2024 (УИД 21RS0006-01-2021-000791-67) // СПС «КонсультантПлюс».

Е.Г. Тришина,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии

ДОСУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ: РОЛЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Принятие в 2013 г. Федерального закона «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» [1] преследовало цель обеспечить защиту прав индивидуальных предпринимателей в сфере предпринимательской деятельности со стороны публичных образований во исполнение задач, поставленных Президентом РФ. В законе, помимо правового статуса уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации, предусмотрено назначение в субъектах РФ уполномоченных по защите прав предпринимателей на уровне соответствующего субъекта РФ, а также определены порядок взаимодействия с Уполномоченным при Президенте РФ и их полномочия. Во исполнение указанного федерального закона субъекты РФ приняли соответствующие законы в целях реализации полномочий таких уполномоченных на региональном уровне. Юрисдикция их деятельности в отличие от Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей ограничена территорией соответствующего субъекта РФ.

Уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах РФ назначаются на должность по согласованию с Уполномоченным при Президенте РФ с учетом мнения бизнес-сообщества. В результате защита прав предпринимателей на уровне субъектов РФ осуществляется на основании федерального законодательства и законодательства соответствующего субъекта РФ. Саратовская область не стала исключением, в 2014 г. был принят закон Саратовской области от 3 декабря 2014 г. № 163-ЗСО «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Саратовской области» [2].

Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей назначается Президентом РФ и осуществляет свои функции в течение пяти лет. Анализ законодательства позволяет в качестве одной

из основных задач деятельности уполномоченных выделить урегулирование гражданско-правовых споров в хозяйственной деятельности индивидуальных предпринимателей. Основным субъектом, осуществляющим защиту прав индивидуальных предпринимателей, в настоящее время является Уполномоченный по защите прав предпринимателей субъекта РФ. Именно к нему в первую очередь обращаются индивидуальные предприниматели в случае нарушения их прав.

Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей относится к альтернативным способам урегулирования споров, наряду с судебными и иными способами защиты прав. Уполномоченный самостоятельно определяет порядок разрешения обращений и применение конкретных мер реагирования на обращения. Непринятие уполномоченным мер реагирования на заявление индивидуального предпринимателя не препятствует ему в дальнейшей защите предполагаемого нарушенного права в судебном или ином предусмотренном законом порядке.

Правозащитный институт бизнес-омбудсменов хорошо известен зарубежным странам, в которых он действует давно и выступает эффективным способом разрешения конфликтов в сообществе предпринимателей. Оказание юридической помощи преимущественно в досудебном порядке в разрешении конфликтов, возникающих между индивидуальным предпринимателем с одной стороны и государством с другой стороны, а также контроль за соблюдением прав и законных интересов индивидуальных предпринимателей служат основной целью деятельности уполномоченных.

Законодательное закрепление за уполномоченным по защите прав предпринимателей более широкого спектра полномочий, чем у других омбудсменов, напрямую транслируется в качественно иной уровень защиты: возможность не просто реагировать, а превентивно и системно разрешать конфликты с участием индивидуальных предпринимателей. Для решения вопросов, связанных с предоставлением кредитных каникул, индивидуальные предприниматели могут обратиться как напрямую в кредитную организацию, так и к уполномоченному по защите прав предпринимателей. Именно обращение к омбудсмену переводит частный диалог с банком в публично-правовое поле. Уполномоченный, в отличие от самого предпринимателя, выступает как легитимный представитель интересов бизнес-сообщества, обладающий правом на взаимодействие с надзорными органами. Его вмешательство создает для кредитной организации дополнительные стимулы к соблюдению законодательства, повышая вероятность законного и справедливого разрешения ситуации в интересах предпринимателя. Не менее значима помощь уполномоченного

и при защите прав предпринимателей, участвующих в закупках [3].

Одним из мероприятий по защите прав индивидуального предпринимателя является возможность участвовать в выездной проверке, проводимой в отношении индивидуального предпринимателя с его письменного согласия, в рамках контроля, реализуемого Федеральной налоговой службой, что представляет собой дополнительную гарантию защиты прав индивидуального предпринимателя [4, с. 56].

Среди преимуществ досудебного урегулирования споров в деятельности индивидуального предпринимателя с участием уполномоченных по правам предпринимателей можно выделить следующие: социально-экономическая эффективность, своевременность, инициативный контроль и проверочные полномочия, взаимодействие и содействие со стороны государственных органов и органов местного самоуправления, возможность инициировать привлечение должностных лиц к ответственности, сохранение деловой репутации.

Важным аспектом эффективности выступает экономическая целесообразность института. Для предпринимателя она выражается в прямом избежании значительных судебных издержек, особенно с учетом возросшего размера государственной пошлины при обращении за судебной защитой, а для государства – в снижении бюджетной нагрузки за счет разгрузки судебной системы, что в долгосрочной перспективе выступает стратегической задачей. Так, при обращении в арбитражные суды (ст. 333.21 НК РФ) [5] размер государственной пошлины варьируется от 10 тыс. до 10 млн рублей. При урегулировании спора с участием уполномоченных по правам предпринимателей государственная пошлина не уплачивается, индивидуальный предприниматель не несет также расходы на оплату услуг представителя для разбирательства дела в суде. Для публичной правовой системы эффективность проявляется в оптимизации работы судов за счет урегулирования части споров в досудебном порядке, что снижает нагрузку на судебный аппарат и связанные с этим государственные расходы.

Существенным преимуществом обращения к бизнес-омбудсмену является и процессуальная быстрота, которая сама по себе выступает гарантией эффективной защиты. В условиях, где временные издержки напрямую конвертируются в финансовые потери, способность института уполномоченного работать в сжатые, законодательно фиксированные сроки создает принципиально иную динамику по сравнению с традиционным судопроизводством. Процессуальная эффективность досудебного механизма наглядно демонстрируется при сравнительном анализе регламентированных сроков. Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» (ч. 2 ст. 4)

устанавливает временные рамки: решение о принятии жалобы к производству принимается в течение десяти дней с обязательным уведомлением заявителя в последующие три дня, с дальнейшим уведомлением не реже раза в два месяца о результатах рассмотрения жалобы. В то же время арбитражное судопроизводство должно быть окончено до истечения шести месяцев со дня поступления заявления в арбитражный суд. Если же дело представляет особую сложность или связано с необходимостью привлечения значительного числа участников арбитражного процесса, срок может быть увеличен до девяти месяцев (ст. 152 АПК РФ) [6], а с учетом возможного обжалования судебного постановления в апелляционной, кассационной, надзорной инстанциях срок принятия окончательного решения и защиты прав индивидуального предпринимателя в судебном порядке значительно увеличивается. Эта диспропорция сроков объективно свидетельствует в пользу досудебного механизма как инструмента быстрого реагирования. Таким образом, уполномоченный обеспечивает не просто урегулирование спора, а своевременное восстановление нарушенного права, что особенно значимо для бизнеса.

Эффективность института бизнес-омбудсмена существенно возрастает благодаря его системной интеграции в механизмы государственного контроля. Ключевым элементом этой интеграции является отлаженное взаимодействие с органами прокуратуры, осуществляющими правозащитную деятельность в соответствии с Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре в Российской Федерации» (в ред. от 3 февраля 2025 г.) [7]. Обращение уполномоченного в прокуратуру автоматически приобретает характер процессуального повода, обязывающего надзорный орган к проведению проверки. Это превращает конфликт предпринимателя из частного спора в предмет официального государственного контроля. Прокурорская проверка, инициированная таким образом, служит инструментом не только восстановления прав конкретного предпринимателя, но и системного воздействия на правоприменительную практику в регионе. Прокуроры всех уровней в пределах своей компетенции должны принимать исчерпывающие меры по укреплению законности в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, в том числе вести прямой и открытый диалог с бизнес-сообществом, с региональными уполномоченными по защите прав предпринимателей. Установленная ведомственными нормативными актами (такими как приказ Генпрокуратуры от 31 августа 2023 г. № 581 [8]) обязанность прокуроров к диалогу с бизнес-омбудсменами формализует этот канал как основной для защиты публичных интересов в бизнес-среде. Уполномоченный в таких ситуациях призван стать «инструмен-

том контактирования государственных органов и гражданского общества, механизмом, восполняющим пробел в отношениях между государственной властью и населением» [9, с. 3].

В отличие от многих посреднических институтов бизнес-омбудсмен наделен полномочиями, обеспечивающими всестороннюю защиту интересов предпринимателя – от имущественных до нематериальных. С одной стороны, его правомочия позволяют проводить проверки и инициировать привлечение недобросовестных должностных лиц к ответственности (п. 7 ч. 5 ст. 4 ФЗ-78), что создает реальный механизм пресечения и предотвращения нарушений. С другой стороны, сама возможность разрешить спор в рамках непубличной, но властной процедуры у уполномоченного является ключевым инструментом сохранения деловой репутации предпринимателя. Избегая длительного и нередко публичного судебного разбирательства, бизнесмен минимизирует репутационные риски, связанные с имиджем «конфликтующей» компании. Тем самым институт обеспечивает защиту не только на правовом, но и на репутационном поле, что особенно ценно для поддержания доверия контрагентов и клиентов.

Таким образом, в рамках досудебного порядка урегулирования институт бизнес-омбудсмена выполняет тройную функцию. Во-первых, он выступает эффективным посредником, восполняя коммуникационный разрыв между бизнесом и властью. Во-вторых, благодаря властным полномочиям (проверки, взаимодействие с госорганами) он действует как инструмент оперативного контроля и реагирования, обеспечивая не просто диалог, а реальное восстановление прав. В-третьих, благодаря экономичности, оперативности и непубличности процедур он служит механизмом минимизации рисков для предпринимателя, как финансовых, так и репутационных. Именно такое сочетание медиативной, контрольной и гарантирующей составляющих делает обращение к уполномоченному на досудебной стадии альтернативой, способной разрешить конкретный спор.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» (в ред. от 14 октября 2024 г.) // СЗ РФ. 2013. № 19, ст. 2305; 2024. № 43, ст. 6300.

2. Закон Саратовской области от 3 декабря 2014 г. № 163-ЗСО «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Саратовской области» // СПС «КонсультантПлюс».

3. *Белов В.* Е. Уполномоченные по защите прав предпринимателей: роль и место в системе защиты прав участников публичных закупок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 4. С. 51–56.

4. *Савостьянова С.* А. К вопросу о роли уполномоченного по защите прав предпринимателей в урегулировании споров // Евразийская адвокатура. 2023. № 5 (64). С. 56–59.

5. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 28 ноября 2025 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340; 2025. № 48, ч. 1, ст. 7236.

6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012; 2025. № 14, ст. 1587.

7. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 3 февраля 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 6, ст. 408.

8. Приказ Генпрокуратуры России от 31 августа 2023 г. № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

9. *Шабанова З.М.* Специализированные уполномоченные по правам человека в России и зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 189 с.

В.В. Ушаков,
ассистент кафедры арбитражного процесса,
адвокатуры и нотариата
Саратовской государственной
юридической академии

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПРАВОМ В КОРПОРАТИВНЫХ СПОРАХ

Классики российской цивилистики, такие как Г.Ф. Шершеневич, обосновывали недопустимость использования субъективных прав в противоречии с их социальным назначением, однако именно в сфере корпоративного управления злоупотребление правом приобретает наиболее изощренные формы, поскольку часто маскируется под законные корпоративные действия [1, с. 124].

Как отмечает И.А. Хаванова, актуальность проблемы взаимоотношений юридического лица и его участников для различных отраслей права обусловлена тем, что базовые корпоративные принципы (автономия и ограничение ответственности) потенциально могут служить инструментом для разнообразных злоупотреблений в корпоративных спорах [2, с. 112].

Ю.М. Елизарова рассматривает проблему более узко, как злоупотребление в рамках «корпоративной вуали», т.е. с применением аффилированного лица, отмечая как плюс перспективы развития доктрины на практике для разрешения споров с недобросовестными лицами, как минус – отсутствие в российском праве четких законодательных норм, прямо закрепляющих эту доктрину [3].

М.В. Антонов в более поздней работе отмечает, что доктрина утратила свой первоначальный смысл и актуальность, и правоприменитель имеет достаточно инструментов, чтобы разрешать споры [4, с. 36].

К.С. Кондратьева, И.А. Стериягов придерживаются скептической, но конструктивной позиции относительно прямого заимствования и применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в том виде, в котором она существует в англо-саксонской системе права, отмечая, что в России отсылки к доктрине бессистемны, а инструменты правоприменителя при рассмотрении споров требуют доработок [5].

Анализ научных дискуссий и судебной практики позволяет констатировать, что актуальность проблемы злоупотреблений в корпоративных спорах напрямую связана с их латентным характером, который и составляет основную сложность при выявлении и доказывании злоупотребления.

Латентность злоупотребления правом проявляется не в самой форме действий, а в их истинной цели. Следовательно, ключевая задача доказывания смещается с установления факта совершения действия на обоснование недобросовестности поведения, скрытого за формально законной «корпоративной ширмой». Это требует от суда и сторон не просто реконструкции всей цепи взаимосвязанных событий и их конечных неблагоприятных последствий для общества или кредиторов.

Таким образом, анализ научных позиций демонстрирует, что, несмотря на расхождения в оценках доктрины «снятия корпоративной вуали», правоприменитель сталкивается с единым вызовом – необходимостью выявления и доказывания недобросовестного поведения, которое по своей природе является латентным.

Ярким примером латентного злоупотребления, где реальная цель была скрыта за формально правомерными требованиями, служит постановление арбитражного суда, в котором суд установил, что истец, став единоличным контролирующим лицом общества, не предпринял мер к восстановлению утраченной документации, но при этом неоднократно обращался в суд с исками о взыскании с бывшего участника начисленной за этот период судебной неустойки. Подобное поведение было квалифицировано как недобросовестное, поскольку убытки причинялись собственным бездействием управомоченного лица, что свидетельствует о сложности доказывания истинной цели в подобных корпоративных конфликтах [6].

Современное понимание злоупотребления правом базируется на системном толковании ст. 10 и ст. 53.1 ГК РФ [7]. Значительный вклад в развитие доктрины внесен правоприменительной практикой. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» дало ключевые ориентиры для оценки недобросовестности, указав, что поведение может быть признано таковым, если лицо действует вне установленных законом границ осуществления права [8]. В корпоративном контексте это означает, что действия участника или директора, формально соответствующие уставу и закону, но совершенные с целью, например, вывода активов, могут быть переквалифицированы как злоупотребление.

Классическим примером злоупотребления правом со стороны мажо-

ритарного участника является дело, отраженное в обзоре практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2014 № 127. В этом деле решение о переносе места проведения общего собрания акционеров в город, находящийся в другом государстве, было признано недействительным. Суд квалифицировал данное действие как злоупотребление, указав, что оно создавало неоправданные препятствия для реализации миноритарными акционерами их права на участие в управлении обществом [9].

Несмотря на эти важные разъяснения, на практике суды сталкиваются с трудностью применения общих принципов к конкретным корпоративным конфликтам. Данные разъяснения оставляют открытым центральный для правоприменителя вопрос: какой именно совокупности доказательств достаточно для констатации о наличии недобросовестной цели? Отсутствие четкого «чек-листа» или системы критериев приводит к тому, что в сходных ситуациях разные суды могут приходить к противоположным выводам либо, напротив, отказывать в удовлетворении исков ввиду формального подхода, требуя от истца таких доказательств, предоставление которых невозможно по объективным причинам.

Это свидетельствует о существовании пробела в области разграничения дозволенного, желательного и нежелательного поведения при доказывании недобросовестного поведения, пробела в части правового механизма ответных действий на такое поведение, что в свою очередь порождает проблему – отсутствие предсказуемости. Участники корпоративных отношений не могут достоверно оценить правовые последствия своих действий, а суды лишены единого «камертона» для оценки их добросовестности.

Существование этой проблемы можно обнаружить при анализе определения Верховного Суда РФ. Суд отказался признавать сделку дарения доли в квартире между двоюродными сестрами злоупотреблением, подчеркнув, что для этого необходим доказываемый умысел обоих участников на причинение вреда кредиторам [10]. Суд отметил, что для квалификации сделки как злоупотребления правом необходимо установить явный и очевидный умысел каждой из сторон на причинение вреда кредиторам. При этом такие обстоятельства, как родство сторон или наличие неисполненных обязательств у одной из них, сами по себе не могут служить бесспорным доказательством недобросовестности. Данная правовая позиция указывает на высокий стандарт доказывания и дефицит процессуальных критериев для оценки умысла.

Системная проблема заключается не в отсутствии общего запрета, а детализированного методологического инструментария для квалификации недобросовестного поведения. Это обусловливает ситуацию, при которой суды при рассмотрении нового дела

вынуждены формировать правовую позицию, основываясь преимущественно на индивидуальной оценке конкретных обстоятельств, без опоры на унифицированные критерии. Подобный подход закономерно порождает правовую неопределенность: участники корпоративных отношений лишены возможности достоверно прогнозировать последствия своих действий, а судебная практика испытывает затруднения в выработке единых способов доказывания распространенных форм злоупотребления правом, таких как блокирование деятельности общества или вывод активов.

Таким образом, центральная проблема доказывания злоупотреблений правом в корпоративных спорах заключается не в отсутствии общего запрета такого поведения, а в дефиците эффективных процессуальных механизмов и четких критериев для выявления и оценки недобросовестности. Латентный характер злоупотреблений, маскирующихся под законные корпоративные действия, и высокий стандарт доказывания создают для судов и сторон непреодолимые трудности. Восполнение пробела в части доказывания видится в разработке и закреплении на уровне руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ широко сформулированного алгоритма рассмотрения наиболее частых случаев злоупотребления. Такой алгоритм должен включать в себя систему индикаторов недобросовестности и разъяснения по распределению бремени доказывания, что позволит унифицировать судебную практику и сделать процесс доказывания более предсказуемым и эффективным.

Библиографический список

1. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). М.: Спарк, 1994. 335 с.

2. *Хаванова И.А.* Взаимозависимые лица: корпоративные покровы и фискальные проблемы // Журнал российского права. 2018. № 7 (259). С. 112–122.

3. *Елизарова Ю.М.* Доктрина «снятия корпоративной вуали» в российской правовой действительности // Научные итоги 2013 года: достижения, проекты, гипотезы: сб. матер. III междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 27 декабря 2013 г.) / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2013. С. 258–262.

4. *Антонов М.В.* Перспективы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в российском правопорядке // Право и экономика. 2015. № 3 (325). С. 36–43.

5. *Кондратьева К.С., Стерлигов И.А.* Перспективы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в Российской Федерации: сравнительно-правовой подход // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 224–231.

6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 3 сентября 2025 г. по делу № А45-25906/2022 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: https://sudrf.cntd.ru/document/1313844089 (дата обращения: 17.11.2025).

7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2025. № 26, ч. 1, ст. 3508.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

9. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2014 г. № 127 «Обзор практики Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по корпоративным спорам» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2015. № 1.

10. Определение Верховного Суда РФ от 25 апреля 2025 г. № 305-ЭС23-24052(3) по делу № А40-231308/2020 // ЮИС «Легалакт». URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25042025-n-305-es23-240523-po-delu-n-a40-2313082020/ (дата обращения: 10.11.2025).

И.А. Шананин,
ассистент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной
юридической академии

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ ДВИЖИМОЙ ВЕЩИ БЕСХОЗЯЙНОЙ И ПРИЗНАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА БЕСХОЗЯЙНУЮ НЕДВИЖИМУЮ ВЕЩЬ В ОСОБОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Положение имущества в рамках гражданского оборота определяется прежде всего на основании критерия устойчивой связи между ним и владельцем. В свою очередь отсутствие таковой связи позволяет говорить о бесхозяйной вещи [1, с. 105]. На основании положений ч. 2–4 ст. 225, ч. 2 ст. 226 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) признание права собственности на бесхозяйные вещи в судебном порядке осуществляется в отношении тех брошенных вещей, которые не подпадают под норму ч. 2 ст. 226 ГК РФ о простом завладении, а также в отношении бесхозяйной недвижимости [3, с. 507]. Данные дела рассматриваются в порядке особого производства (гл. 33 ГПК РФ) [4]. Это обусловлено прежде всего невозможностью предъявления иска по двум причинам: на момент подачи заявления заявитель не является собственником имущества, а также собственник вещи, который должен иметь статус противоборствующей стороны, отсутствует или неизвестен как заявителю, так и суду, соответственно, отсутствует и спор о праве [5].

Практика обращения в суд в целях признания имущества бесхозяйным и приобретения права собственности на него имеет свое распространение, а также высокую долю решений, вынесенных в пользу заявителя. Несмотря на это, есть определенная статистика отказа в удовлетворении требований заявителя, в 2024 г.– 281 отказ из 32 782 решений, в 2023 г. – 355 из 35 348, в 2022 г. – 279 из 33 150, в 2021 г. – 257 из 26 005, в 2020 г. – 278 из 24 580, в 2019 г. – 499 из 22 902 [6]. Отказы в удовлетворении требований прежде всего обусловлены особенностями процесса доказывания по данным делам.

Представляется возможным выделить отдельное обстоятельство, входящее в предмет доказывания, имеющее определенные проблемные аспекты – действительно ли вещь является брошенной и имеется ли факт отказа собственника от данного имущества. Вопрос процесса доказывания данного факта можно раскрыть с трех сторон: проблема доказывания факта бесхозяйности вещи и отказа собственника со стороны заявителя, возможность умышленного сокрытия заявителем определенной информации, а также отдельные проблемы оценки (в особенности на предмет достоверности) судом доказательств, представляемых заявителем по данной категории дел.

Раскрывая первую составляющую – доказывание факта бесхозяйности вещи и отказа собственника со стороны заявителя, стоит отметить, что основная часть решений, в которых отказывается в удовлетворении требований, мотивируется именно в недоказанности данного аспекта. Если заявителем не будут представлены доказательства, всесторонне подтверждающие факт точного отказа собственников от права собственности на вещь, то указанные обстоятельства признаются недоказанными заявителем [7, с. 196].

Как отмечается в Апелляционном определении СК по гражданским делам Московского городского суда от 16 июля 2019 г. по делу № 33-23363/2019, отказ собственника от вещи может быть выражен в совершении действий или бездействия, которые прямо свидетельствуют об устранении собственника от права собственности на имущество и неимении намерения сохранить его на данную вещь [8]. Кроме того, Кировский городской суд Мурманской области в решении от 28 октября 2025 г. по делу № 2-632/2025, указал, что отказ собственника от вещи должен быть безусловным, в свою очередь материалы дела не имеют сведений об отказе заинтересованного лица от права собственности на автомобиль. Наоборот, на основании акта осмотра, а также приложенных к нему фотографий, автомобиль не имеет признаков разукомплектованности, значительных повреждений, на нем имеются государственные регистрационные знаки. Исходя из данных материалов не представляется возможным сделать вывод об отказе от вещи собственника и оснований для признания автомобиля бесхозяйным не имеется [9]. Приведенные доводы позволяют сделать вывод, что имеются некоторые сложности и проблемы в определении факта бесхозяйности вещи и отказа собственника со стороны заявителя, отсутствуют определенные признаки, позволяющие определить достаточность доказательств по данной категории дел.

Раскрывая второй элемент – возможность умышленного сокрытия заявителем определенной информации, стоит отметить, что особенностью рассмотрения дел особого производства является отсутствие спора о пра-

ве, а также особый субъектный состав (отсутствие истца и ответчика как противоположных сторон), имеется лишь заявитель и заинтересованные лица. Таким образом, заявитель, в том числе по рассматриваемой категории дел, преследуя собственную правовую цель (в данном случае получение права собственности на вещь), может сокрыть отдельные сведения, в том числе о данном имуществе. Данный факт в основном подтверждается при обнаружении собственника и подачи им соответствующей жалобы в рамках производства в проверочных инстанциях.

Судебная коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда вынесла определение от 20 мая 2025 г. по делу № 33-5255/2025 – отказать заявителю в удовлетворении требований. В определении указывается об информации, сообщенной собственником автомобиля, подтверждающей факт того, что заявителем были похищены государственные регистрационные знаки, а также умышленно не указано в заявлении никаких идентификационных данных автомобиля, с помощью которых имеется возможность обнаружить владельца, хотя на лобовом стекле автомобиля имелся читаемый VIN номер [10].

Раскрывая третий вопрос – отдельные проблемы оценки (в особенности на предмет достоверности) судом доказательств, представляемых заявителем по данной категории дел, стоит обратить внимание на свидетельские показания. При оценке достоверности сведений, изложенных в свидетельских показаниях, суду стоит учитывать осведомленность свидетеля как источника получения данного доказательства и возможность искаженного восприятия им отдельной информации.

Из решения Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 22 сентября 2025 г. по делу № 2-3296/2025 о признании движимой вещи бесхозяйной, признании права собственности следует, что при оценке достоверности свидетельских показаний судом обращается внимание, что свидетелем даны показания, основанные исключительно на пояснениях иных лиц, он не мог обладать информацией о нахождении автомобиля на территории организации с 2009 г. ввиду того, что был трудоустроен в нее только в декабре 2021 г. В свою очередь, сведения о наличии у данного транспортного средства собственника подтверждены ответом на запрос суда из соответствующего территориального УГИБДД [11].

Соответственно, имеются отдельные процессуальные проблемы доказывания факта бесхозяйности вещи и отказа собственника от нее. Прежде всего это выражается в сложности определения достаточности доказательств, представляемых заявителем по данной категории дел, отсутствии конкретных параметров для такового определения. Кроме того, суду необходимо учиты-

вать возможность сокрытия заявителем отдельной информации ввиду особого субъектного состава дел особого производства. Необходимо учитывать и особый характер оценки (в том числе на предмет достоверности) отдельных доказательств, в особенности личных (показания свидетелей).

Библиографический список

1. *Рыбалка Е.*А. Институт бесхозяйного имущества в Российской Федерации: аспекты теории и практики // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 105–109.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2025. № 26, ч. 1, ст. 3508.

3. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2018. 832 с.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2025. № 31, ст. 4698.

5. *Аргунов В.*В. Порядок рассмотрения дел о признании имущества бесхозяйным // СПС «Гарант». URL: https://internet.garant.ru/#/document/5308425/paragraph/1/doclist/3567/1/0/0/ (дата обращения: 02.12.2025).

6. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 02.12.2025).

7. *Плотников Д.А.* Неисковые производства в гражданском судопроизводстве: в таблицах, схемах, комментариях: учеб. пособие / под ред. О.В. Исаенковой. М.: Проспект, 2025. 264 с.

8. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 16 июля 2019 г. по делу № 33-23363/2019 // Официальный сайт Московского городского суда. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/248a19ac-6727-466e-97d2-c596c6041a6d?caseNumber=33-23363/2019 (дата обращения: 02.12.2025).

9. Решение Кировского городского суда Мурманской области от 28 октября 2025 г. по делу № 2-632/2025 // Официальный сайт Кировского городского суда Мурманской области. URL: https://kir--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=191529764&case_uid=5e048439-951d-4e0f-8fb0-9559cd9b00cd&delo_id=1540005 (дата обращения: 02.12.2025).

10. Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 20 мая 2025 г. по делу № 33-5255/2025 // Официальный сайт Санкт-Петербургского городского суда. URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=87627948&case_uid=46d07582-32b3-43c8-b719-af3124ddc3d0&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 02.12.2025).

11. Решение Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 22 сентября 2025 г. по делу № 2-3296/2025 // Официальный сайт Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области. URL: https://oktiabrsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=525942193&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.12.2025).

К.А. Ширяева,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Поволжского института управления
имени П.А. Столыпина –
филиала РАНХиГС при Президенте РФ

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В ФОРМЕ ДАЧИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу реализуется в соответствии со ст. 45 ГПК РФ. Однако в процессе анализа правоприменения возникает множество вопросов, не урегулированных законодателем.

В первую очередь вызывает вопрос момент вступления прокурора в процесс для дачи заключения. Формулировки ст. 45 и 189 ГПК РФ позволяют говорить о промежутке с момента возбуждения гражданского судопроизводства и вплоть до перехода к судебным прениям.

Закрепляя данную форму участия, думается, законодатель предполагал, что прокурор вступает уже в начавшийся процесс, т.е. не инициированный им, но, предположительно, в самом его начале. Здесь следует отметить обязанность суда привлекать прокурора к участию в процессе посредством направления судебных извещений по делам, где такое участие обязательно. При этом ГПК РФ содержит положение о том, что неявка прокурора не препятствует разбирательству дела, что свидетельствует об отсутствии правовых последствий в случае неисполнения судом обязанности привлечения прокурора. Некоторые авторы считают, что «в таком случае прокурору остается самому “отслеживать” заявления, поступающие в суд» [1, с. 132].

Однако в данном случае хотелось бы обратить внимание на следующее важное положение. Исходя из смысла ст. 113 ГПК РФ, суд обязан известить прокурора только о первом судебном заседании. Дальнейшее отслеживание хода разбирательства дела возлагается на государственные органы, которым надлежит самостоятельно изучать информацию на официальных сайтах судов в сети Интернет.

Ввиду этого ссылка прокурора в апелляционном представлении на неизвещение о дате и времени судебного разбирательства, в котором было принято судебное решение, подлежит отклонению судом апелляционной инстанции. Данное положение подтверждается материалами судебной практики [2].

В отношении формы и содержания заключения прокурора по делу ГПК РФ тоже не устанавливает никаких правил. Согласно единственному нормативному ориентиру, который дается в приказе Генпрокуратуры России от 11 января 2021 г. № 2, заключение прокурора должно быть мотивированным, а в случае упрощенного производства – иметь письменную форму.

В связи с этим в науке существует несколько позиций:

1) дача заключения устно обосновывается сторонниками данной формы обязательным протоколированием судебного заседания, которое происходит на текущий момент в аудиоформате. Ранее такое положение было закреплено в отношении письменной формы протокола [3, с. 8]. Сейчас заключение прокурора вносится в письменный протокол судебного заседания только в случае закрытого разбирательства дела.

Авторами также подчеркивается, что составление заключения прокурора заранее может быть неактуальным с точки зрения возможности установления в судебном заседании новых обстоятельств, а откладывание разбирательства для формирования прокурором заключения по делу приведет к необоснованному затягиванию процесса [4, с. 52];

2) дача заключения письменно, аргументированная, например, повышением персональной ответственности прокурора [5, с. 116].

Стоит отметить вызывающее критику предложение о детальной регламентации содержания заключения прокурора по делу, которое включает в себя «оценку рассмотрения судом того или иного вопроса, разрешение которого, по мнению прокурора, может повлиять на законность и обоснованность принимаемого решения, а также мнение о порядке распределения судебных расходов» [6, с. 199].

Мы разделяем точку зрения, в соответствии с которой «заключение прокурора, состоящее лишь из лаконичных и общих фраз об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении заявления, является бесполезным и не отвечает целям участия прокурора в процессе» [7, с. 63].

Вызывает сомнение позиция Р.В. Габеева относительно того, что «содержание заключения прокурора должно отвечать требованиям, предъявляемым к содержанию решения суда» [8, с. 51], т.к. прокурор своими действиями не подменяет суд, единственный орган, согласно Конституции РФ, осуществляющий функцию правосудия. Не согласны также с О.Н. Комаровой

и В.С. Комаровым, которые считают, что «фактически по своему содержанию заключение прокурора состоит из тех же частей, что и решение суда» [9, с. 21].

По мнению А.А. Власова, заключение должно быть «обоснованным, содержать оценку исследованных в суде доказательств, указание на установленные с помощью этих доказательств существенные фактические обстоятельства; давать полный анализ норм материального права, подлежащих применению к установленным судом фактическим обстоятельствам, и квалификацию спорного правоотношения» [10, с. 106].

Полагаем, что заключение прокурора должно быть выражено устно с занесением в протокол судебного заседания. Вместе с тем ведомственным актом устанавливается, что в наблюдательное производство подшиваются заметки, тезисы или план речи в суде, заключения, справки и другие документы прокурора об участии в рассмотрении дела в суде, копии исков (заявлений) в суд, копии постановлений и других решений суда по делу, обращения граждан или организаций и копии ответов на них, а также другие документы по усмотрению прокурорского работника [11]. В данном случае, на наш взгляд, возможно оформление заключения прокурора в письменной форме после окончания разбирательства по существу с направлением в суд для приобщения к материалам дела и для формирования наблюдательного производства.

Определенные сложности в правовом регулировании участия прокурора в форме дачи заключения по делу вызваны несостыковками и противоречиями между положениями ГПК РФ и ведомственными актами. ГПК РФ имеет большую юридическую силу, однако приказы Генеральной прокуратуры РФ являются обязательными для прокурора.

Так, согласно ст. 45 ГПК РФ неявка прокурора не препятствует рассмотрению дела, но предполагает осведомленность о ходе данного процесса. При этом в приказе Генеральной прокуратуры РФ от 11 января 2021 г. № 2 установлена обязанность такого участия.

Кроме того, принципы единства и централизации системы органов прокуратуры предусматривают участие в различных судебных заседаниях и инстанциях разных сотрудников органов прокуратуры, что не может быть нарушением, т.к. отвечает целям деятельности и структурной организации прокуратуры.

Непривлечение прокурора к участию в деле с точки зрения процессуального законодательства также не урегулировано. Судебная практика подтверждает, что суды первой и апелляционной инстанций часто аргументируют свое решение тем, что отсутствие в деле заключения прокурора не является свидетельством незаконности принятого решения и не влечет его отмену [12].

ВС РФ устраняет данные нарушения посредством отмены судебных актов по мотиву нарушения норм процессуального права, однако в совокупности с нарушениями норм материального права [13]. Учитывая положения ст. 330, 379.7, 390.14, 391.9 ГПК РФ, можно утверждать, что непривлечение прокурора в процесс по обязательным категориям дел не является безусловным основанием для отмены судебного акта.

Вместе с тем М.С. Арсанукаева и В.М. Капицын говорят о незаконности и необоснованности судебного решения, принятого в отсутствии прокурора по тем категориям дел, где законом предусмотрено его участие [14, с. 313]. В связи с чем авторами предлагается закрепить в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ в качестве препятствия к рассмотрению дела неявку прокурора в судебное заседание [15, с. 106].

Таким образом, большое количество вопросов, связанных с участием прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения прокурора по делу, требует нормативного регулирования в первую очередь в нормах гражданского процессуального законодательства. Приказы Генеральной прокуратуры РФ должны конкретизировать положения ГПК РФ для обеспечения деятельности прокуратуры, но не судопроизводства.

В связи с этим предлагаем закрепить обязательность участия прокурора в гражданском судопроизводстве и необходимость отложения судебного заседания в случае его неявки. Кроме того, в случае непривлечения прокурора к участию в деле по обязательным категориям дел необходимо закрепить правовые последствия в виде отмены судебного постановления в безусловном порядке.

Библиографический список

1. *Дондоков Т.Ц.* Заключение прокурора как форма осуществления надзорных функций по делу о защите прав в гражданском процессе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 1 (80). С. 132−135.

2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 14 июня 2022 г. по делу № 33-21226/2022 // Суды общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://www.mos-gorsud.ru/fastsearch?q (дата обращения: 10.11.2025).

3. *Григорьев А.Н., Исаенкова О.В.* Участие прокурора в исковом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 3. С. 6–10.

4. *Извеков Ю.Н.* Заключение прокурора по гражданскому делу // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 51–54.

5. *Гадиятова М.В.* Участие прокурора при рассмотрении гражданских дел судами: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 212 с.

6. *Токарева Е.В.* Защита прокурором публичного интереса в гражданском процессе: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2014. 215 с.

7. *Ерохина Т.П., Бахарева О.А.* Участие прокурора в гражданском судопроизводстве: курс лекций / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2007. 104 с.

8. *Габеев Р.*В. Участие прокурора в гражданском процессе // Бюллетень Владикавказского института управления. 2006. № 17. С. 50–57.

9. *Комарова О.Н., Комаров В.*С. Заключение прокурора по гражданскому и административному делу: проблемы формы и содержания // Искусство правоведения. The Art of Law. 2024. № 1. С. 18–23.

10. *Власов А.А.* Гражданский процесс: учебник и практикум для академического бакалавриата. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 504 с.

11. Приказ Генпрокуратуры России от 29 декабря 2011 г. № 450 «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» (в ред. от 5 июня 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 октября 2024 г. № 33-43258/2024 (УИД 77RS0009-02-2023-011031-71) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Определение Верховного Суда РФ от 28 октября 2019 г. № 25-КГ19-9 // СПС «КонсультантПлюс».

14. *Арсанукаева М.С., Капицын В.*М. Прокурор и защита прав и законных интересов граждан в гражданском судопроизводстве // Судебная реформа и проблемы развития гражданского и арбитражного процессуального законодательства: матер. междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 18 февраля 2011 г.). М.: Изд-во Рос. акад. правосудия, 2012. С. 312−318.

15. *Коростелёв И.В.* Процессуальные последствия отсутствия прокурора при рассмотрении и разрешении судом гражданских дел, по которым его участие является обязательным: противоречия гражданского процессуального законодательства и судебной практики // Молодой ученый. 2019. С. 106–108.

А.Г. Блинов,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ АНТИОБЩЕСТВЕННОГО И ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Понятие «механизм правового регулирования» в российской юриспруденции относится к числу базовых. Им часто оперируют ученые, представляющие разные отрасли юридической науки, для иллюстрации процесса воздействия права на общественные отношения, посредством которого претворяются в жизнь нормативные предписания. Так, в конституционно-правовых отношениях анализируемая фундаментальная категория призвана оказать содействие реализации норм Конституции РФ на практике [1, с. 96–148; 2].

В гражданском праве к рассматриваемому термину исследователи прибегают главным образом для придания упорядоченности имущественным и личным неимущественным отношениям. Представители цивилистической науки под механизмом гражданско-правового регулирования понимают «единство основных (нормы гражданского права) и вспомогательных (ненормативные регуляторы и цивилистическо-догматические конструкции) элементов, при помощи которых обеспечивается воздействие на имущественные и личные неимущественные отношения» [3, с. 11].

Доктрина административного права к феномену «механизм правового регулирования» обращается в рамках регламентации публичных отношений, складывающихся в секторе государственного управления. В частности, «механизм административно-правового регулирования представляет системное образование юридических средств, закрепленных в нормах административного права, с помощью которых достигается упорядоченность общественных отношений в публичной сфере» [4, с. 12]. К числу его основных структурных компонентов автор относит административно-правовые нормы, административно-правовые отношения, акты применения норм административного права, способы регулирования (дозволение, разрешение и запрет).

В теории уголовного права сфера применения категории «правовой механизм» связана с удержанием физических лиц от совершения общественно опасных действий (актов бездействия), запрещенных уголовным законом под угрозой применения наказания. Принимая во внимание специфику функционирования охранительной отрасли законодательства, сущность уголовно-правового механизма определяется как совокупность норм и положений, регламентирующих статусы субъектов уголовно-правовых отношений, необходимые и достаточные для решения задач уголовного законодательства [5]. Назначение анализируемой правовой конструкции усматривается в охране интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств и их предупреждении [6, с. 120].

Таким образом, механизм правового регулирования в той или иной отрасли права выстраивается с учетом особенностей предмета ее воздействия. Одна часть отраслей законодательства РФ призвана упорядочивать общественные отношения (например, конституционное, гражданское, административное), а другая – обеспечивать их сохранность (административно-деликтное, уголовное и др.).

Наполняя категорию «механизм правового регулирования» определенным содержанием, представители отраслевых наук исходят из понимания его сущностных свойств в общей теории права. При этом за основу выстраиваемой конструкции они берут научную позицию С.С. Алексеева, который характеризовал суть механизма правового регулирования как «взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения» [7, с. 30].

Близкую по смыслу точку зрения высказывают другие теоретики. Так, В.Л. Кулапов под механизмом правового регулирования понимает «взятую в единстве систему правовых средств, с помощью которых осуществляется комплексное регулятивное воздействие на поведение людей с целью достижения общественно полезного результа-

та» [8, с. 366]. Исходя из содержания процитированного определения, можно выделить признаки, положенные в основание исследуемого правового феномена. Первый из них предполагает, что механизм правового регулирования включает в себя взятую в единстве систему правовых средств. К их числу автор относит: нормы права, правоотношение как юридический факт, акты субъектов по реализации принадлежащих им субъективных прав и юридических обязанностей, правоприменительный акт. Второй признак уточняет, что перечисленные правовые средства призваны оказать регулятивное воздействие на поведение людей, ставших участниками конкретных правоотношений. Третий признак определяет, что выстраиваемая правовая конструкция нацелена на достижение общественно полезного результата.

Представленная совокупность элементов механизма правового регулирования достаточна для понимания его сущности. С некоторыми корректировками их можно использовать при конструировании механизма правового регулирования социальных отношений, складывающихся в сфере профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защиты их прав.

Деятельность по предупреждению преступлений и иных правонарушений входит в число приоритетных направлений государственной политики РФ. Претворяя ее в жизнь, публичная власть сформировала органы и учреждения системы профилактики противоправных деяний, приняла ряд нормативных актов, составляющих правовую основу их деятельности. Содержание охранительных отраслей законодательства перманентно пополняется новыми нормами, предусматривающими уголовную или административную ответственность за совершение общественно опасных либо противоправных действий (актов бездействия), направленных против личности, общества и государства. Весьма эффективно реализуются федеральные, региональные и муниципальные программы по противодействию преступности и профилактике правонарушений. Подтверждением тому служит значительное снижение показателей совершенных на территории страны общественно опасных деяний и административных правонарушений. Так, согласно данным МВД России, в 2024 г. число зарегистрированных преступлений по сравнению с 2014 г. уменьшилось на 12,75 % [9]. По информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ, количество поступивших в суды общей юрисдикции дел об административных правонарушениях в 2024 г. по сравнению с 2014 г. сократилось на 7,63 % [10].

Особое внимание государство уделяет профилактике антиобщественных поступков и противоправных деяний, исходящих от несовершеннолетних. Ее содержанием охватываются факторы,

предопределяющие уязвимое положение указанной категории субъектов и их попадание в так называемую группу риска. Превентивная работа, проводимая в подростковой среде, предполагает выявление и нейтрализацию причин и условий деструктивного поведения, коррекцию антисоциальных установок личности, пресечение антиобщественных или противоправных проявлений. Результативность реализуемых профилактических мероприятий во многом зависит от качества правовых инструментов, призванных оказать позитивное воздействие на адресатов и образующих содержание правового механизма профилактики антиобщественного и противоправного поведения лиц, не достигших возраста 18 лет.

Под механизмом правового регулирования профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защиты их прав предлагаем понимать систему взаимосвязанных и взаимообусловленных юридических норм, регламентирующих правовые статусы участников профилактических отношений и формы их реализации, совокупность которых обеспечивает решение задач профилактического законодательства. Исходя из представленной дефиниции, основу механизма правового регулирования профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защиты их прав составляют следующие структурные элементы. Первый из них акцентирует внимание на том, что анализируемая правовая конструкция включает в свое содержание совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных юридических норм. Последние обладают единой правовой природой и самостоятельным предметом регулирования, в качестве которого выступают отношения, возникающие по поводу профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защиты их прав. Оказывая воздействие на сознание и волю их участников, нормы профилактического права формируют у адресатов социально ориентированную позицию. Одновременно они призваны нейтрализовать антиобщественную либо противоправную мотивацию детей и подростков.

Юридические нормы подобной направленности получили отражение в федеральных законах от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Указанные нормативные правовые акты решают близкие по смыслу задачи, основываются на смежных принципах и оперируют единым инструментарием. Зафиксированные в них правила поведения оказывают упорядочивающее воздействие на участников профилактических отношений. В частности, образующие содержание Федерального закона «Об основах системы про-

филактики правонарушений в Российской Федерации» юридические нормы закрепляют правовую и организационные основы системы профилактики правонарушений; основные принципы, направления, виды профилактики правонарушений и формы профилактического воздействия; полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений.

В сфере профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних наряду с нормативными актами федерального значения функционируют документы регионального уровня. В них получают отражение юридические нормы, составляющие основу превентивной деятельности деструктивных явлений с учетом экономических, природно-географических, этноконфессиональных и иных особенностей определенного субъекта РФ. Так, система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Республике Крым регламентирована Законом от 1 сентября 2014 г. № 63-ЗРК [11]. На территории Саратовской области действуют законы, упорядочивающие отношения в сфере организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также профилактики правонарушений в указанном регионе [12, 13]. Близкие по наименованию и содержанию нормативные правовые акты действуют на территориях других субъектов РФ [14–16].

Совокупность правовых норм, оказывающих регулирующее воздействие на участников профилактических отношений, не может оставаться неизменной. Их набор обусловлен объективной необходимостью упорядочивания социальных связей в исследуемом секторе жизнедеятельности общества и государства. Изложенное свидетельствует о том, что механизм правового регулирования профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних нельзя воспринимать как статичное образование. Составляющие его содержание юридические предписания надлежит расценивать как реально работающий правовой инструментарий, отражающий результаты проводимой государством политики по профилактике отклоняющегося поведения.

Второй элемент в предложенной нами модели механизма правового регулирования составляют правовые статусы участников профилактических отношений, формы реализации их прав и обязанностей. Содержание нормативных правовых актов, упорядочивающих исследуемую сферу социальной жизни, позволяет дифференцировать участников профилактических правоотношений на две группы. Первая объединяет субъектов, непосредственно осуществляющих или участвующих в профилактике антиобщественного либо противоправного поведения несовершеннолетних и защите их прав. Вторую группу образуют физические

лица, подвергаемые профилактическому воздействию.

Материалы нормотворческой и правоприменительной практики свидетельствуют о том, что в процесс профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защиты их прав вовлечены:

а) комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (например, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, осуществляющие деятельность на территории субъекта РФ, муниципальных районов, муниципальных округов, городских округов, городских округов с внутригородским делением, внутригородских районов либо внутригородских территорий городов федерального значения);

б) субъекты, осуществляющие профилактику антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защиту их прав (например, органы, осуществляющие управление в сфере образования; организации, осуществляющие образовательную деятельность, в том числе специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типа; органы внутренних дел и их подразделения; органы опеки и попечительства; органы, осуществляющие управление в сфере молодежной политики);

в) субъекты, участвующие в профилактике антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защите их прав (например, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации; уполномоченные по правам человека в субъектах РФ; органы прокуратуры РФ; следственные органы Следственного комитета РФ).

Обращаем внимание на то, что в юридической литературе исследователи предлагают также иные критерии классификации субъектов профилактики правонарушений [17, с. 83; 18, с. 31–40].

В рамках решения стратегически важных задач по профилактике антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защите их прав названные субъекты претворяют в жизнь правореализационные функции. При этом они наделены определенными полномочиями, которые официально закреплены в содержании упомянутых нами ранее нормативных правовых актов. Осуществление данных задач способствует своевременному купированию детерминант отклоняющегося поведения детей и подростков, а также формированию у них социально полезной либо приемлемой в современном обществе жизненной позиции.

Содержание профилактического законодательства обнаруживает, что в нем уделяется преимущественное внимание закреплению юридических обязанностей за субъектами системы профилактики антиобщественного либо противоправного поведения несовершеннолетних. В частности, на ко-

миссии по делам несовершеннолетних и защите их прав возложены обязанности принимать меры, направленные на защиту и восстановление прав лиц, не достигших совершеннолетия; защиту их от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, жестокого обращения, оскорбления, сексуальной и иной эксплуатации; защиту подростков от вовлечения в совершение преступлений, противоправных или антиобщественных действий; выявление и устранение причин и условий, порождающих антисоциальное либо противоправное поведение и т.д. Возлагая на соответствующего субъекта обязанность действовать определенным образом, юридические нормы закладывают модель его поведения в конкретной жизненной ситуации и приводят в действие механизм правового регулирования профилактических отношений.

В процессе реализации своих полномочий субъекты системы профилактики обладают определенными правами. Например, должностное лицо подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел уполномочено посещать несовершеннолетних, проводить с ними или их родителями (законными представителями) беседы, применять меры воздействия в отношении должностных лиц, не исполнивших или ненадлежащим образом исполняющих обязанности по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних и т.д.

Вторую группу участников профилактических отношений образуют субъекты, подвергаемые превентивному воздействию. К числу таковых относятся несовершеннолетние и иные лица, с которыми проводится общая, индивидуальная или специальная профилактическая работа. Так, адресатами общей профилактической работы выступают несовершеннолетние, их родители (законные представители), а также лица, совместно проживающие с несовершеннолетними. Индивидуальная профилактическая работа проводится в отношении несовершеннолетних, которые занимаются бродяжничеством или попрошайничеством, подвергаются систематическому психическому насилию, являются потерпевшими по уголовным делам либо делам об административных правонарушениях, ранее совершали суицидальное действие или несуицидальное самоповреждение, употребляют наркотические средства или психотропные вещества, участвуют в деятельности деструктивных сообществ и т.д. Индивидуальная профилактическая работа может проводиться в отношении родителей (законных представителей) несовершеннолетних, если они не исполняют или ненадлежащим образом исполняют свои обязанности по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних и (или) отрицательно влияют на их поведение. Адресатами специальной профилактической работы выступают несовершен-

нолетние: обвиняемые или подозреваемые в совершении преступлений, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу; отбывающие наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях; находящиеся в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа; находящиеся в центрах органов внутренних дел по профилактике правонарушений несовершеннолетних.

По смыслу профилактического законодательства указанные субъекты обладают правом на гуманное обращение, индивидуальный подход к организации профилактической работы, конфиденциальность информации, восстановление нарушенных прав, обеспечение целостности семьи в интересах несовершеннолетнего, получение информации об основаниях проведения профилактической работы, обжалование действий и решений субъектов, осуществляющих профилактику антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защиту их прав и т.д. Если во время проведения профилактических мероприятий будут нарушены права несовершеннолетнего, то последний может самостоятельно либо через родителей (законных представителей) обратиться за их защитой в суд или иные компетентные органы.

Одновременно на физических лиц, подвергаемых профилактическому воздействию, действующее законодательство возлагает ряд юридических обязанностей. Так, несовершеннолетние должны выполнять предписания профилактических программ, реализуемых в отношении них. На них возлагается обязанность по воздержанию от совершения антиобщественных и противоправных действий. От подростков, помещенных в учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, требуется соблюдение установленных правил внутреннего распорядка. Несовершеннолетние, отбывающие уголовное наказание в виде лишения свободы, обязаны вежливо относиться к персоналу воспитательной колонии. В отличие от субъективных прав, юридические обязанности профилактируемых лиц получили отражение не только на нормотворческом уровне, но и в индивидуальных правовых актах, изданных уполномоченными субъектами профилактики правонарушений, с учетом конкретной ситуации и личностных особенностей правонарушителя [19, с. 36].

Субъективные права и юридические обязанности участников профилактических отношений, обусловленные их правовым статусом, реализуются в рамках конкретных правоотношений. При этом порядок взаимодействия субъектов, осуществляющих профилактическую деятельность и подвергаемых профилактическому воздействию, чаще всего строится на принципе субординации, т.е. власти и подчинения.

Третий элемент в структуре механизма правового регулирования профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защиты их прав акцентирует внимание на том, что данная правовая конструкция направлена на решение вполне конкретных задач. Принимая ту или иную юридическую норму, наделяя участников профилактических правоотношений набором юридических обязанностей и субъективных прав, законодатель преследует социальный позитивный результат, который будет достигнут в процессе функционирования выстроенной правовой конструкции. Предлагаемое нами нормативное образование призвано решать задачи по предупреждению антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, выявлению и устранению их детерминант, обеспечению безопасности детей и подростков от внешнего негативного воздействия, а также развитию у них социальных и духовных качеств.

Подытоживая изложенное, следует констатировать, что механизм правового регулирования профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защиты их прав представляет собой системное правовое явление, включающее определенный набор взаимосвязанных и согласованных между собой элементов. Его функционирование продиктовано необходимостью упорядочивания действий субъектов профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних в конкретных жизненных обстоятельствах, а также защитой интересов детей и подростков. Содержание анализируемого механизма составляет правоотношение, в границах которого его участники реализуют права и обязанности, обусловленные их юридическим статусом.

Библиографический список

1. *Вахрамеева Л.*Н. Конституционно-правовой механизм охраны и защиты абсолютных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. 209 с.

2. *Нурмагамбетов Р.Г.* Элементы механизма конституционного регулирования общественных отношений: анализ теоретико-правовых подходов // Вестник Удмуртского университета. 2017. № 3. С. 149–154.

3. *Родионова О.М.* Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. 53 с.

4. *Шергин А.*П. Понятие и содержание механизма административно-правового регулирования // Научный портал МВД России. 2009. № 1. С. 3–12.

5. *Блинов А.Г.* Понятие уголовно-правового механизма и его назначение // Современное право. 2012. № 11. С. 98–103.

6. *Блинов А.Г.* Правовой статус пациента и уголовно-правовой механизм его обеспечения: учеб. пособие. Саратов: Наука, 2016. 231 с.

7. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.

8. *Кулапов В.Л.* Теория государства и права: учебник. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2019. 448 с.

9. Состояние преступности // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 25.05.2025).

10. Судебная статистика // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 25.05.2025).

11. Закон Республики Крым от 1 сентября 2014 г. № 63-ЗРК «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Республике Крым» // Официальный сайт Правительства Республики Крым. URL: https://docs.cntd.ru/document/413901843/titles/3PIKJ1S (дата обращения: 25.05.2025).

12. Закон Саратовской области от 5 августа 2014 г. № 89-ЗСО «Об организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Саратовской области и наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по созданию и организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/467703847 (дата обращения: 25.05.2025).

13. Закон Саратовской области от 3 октября 2016 г. № 112-ЗСО «О профилактике правонарушений в Саратовской области» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/467711017 (дата обращения: 25.05.2025).

14. Закон Республики Саха (Якутия) от 11 февраля 1999 г. 3 № 69-II «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Республике Саха (Якутия)» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/423845510 (дата обращения: 25.05.2025).

15. Закон Калининградской области от 9 апреля 2004 г. № 382 «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/802011266 (дата обращения: 25.05.2025).

16. Закон Хабаровского края от 21 декабря 2016 г. № 232 «О регулировании отдельных вопросов профилактики правонарушений в Хабаровском крае» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/465339050 (дата обращения: 25.05.2025).

17. *Яковлева М.А.* Авторский взгляд на систему субъектов профилактики правонарушений в современной России // Юридическая наука. 2019. № 8. С. 81–87.

18. *Симонова С.С.* Теория и практика профилактики преступлений: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгогр. ин-та управления – филиала РАНХиГС, 2022. 76 с.

19. Основы профилактического права: монография / под общ. ред. О.В. Зайцевой. Саратов: КУБиК, 2024. 200 с.

А.А. Балабанов,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры педагогики и валеологии,
проректор по комплексной безопасности
Северо-Восточного государственного университета

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ БЕЗОПАСНОЙ СРЕДЫ ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Университеты в современном обществе играют ключевую роль не только в подготовке квалифицированных и востребованных кадров, но и в реализации глобальной повестки устойчивого развития. Благодаря уникальному положению между государством, бизнесом и обществом именно образовательные организации становятся пространством, где формируется новая система ценностей.

Концепция устойчивого развития образовательных организаций формировалась и развивалась вместе с эволюцией международной повестки в области устойчивого развития. Одним из основных этапов такого развития является принятие в 2015 г. Организацией Объединенных Наций (далее – ООН) 17 целей устойчивого развития (далее – ЦУР), которые закреплены в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [1]. ЦУР предопределили вызовы, стоящие перед мировым сообществом, и задали социальные, экологические и экономические ориентиры для национальных политических элит при принятии стратегических решений и разработке национальных проектов.

В 2019 г. по итогам V молодежного межвузовского фестиваля в области экологии и устойчивого развития «ВузЭкоФест-2019» был опубликован «Сборник кейсов и методических рекомендаций по институционализации устойчивого развития в вузах Российской Федерации и Республики Беларусь» [2], в котором сформировано системное видение и даны методические рекомендации по переходу вузов к устойчивому развитию.

По мнению представителей Министерства науки и высшего образования РФ, образовательные организации высшего образования вправе самостоятельно разрабатывать образовательные программы в соответствии с государственными образовательными стандартами высшего об-

разования и с учетом соответствующих примерных основных образовательный программ (при наличии), что позволяет реализовывать компетенции в области устойчивого развития [2].

Таким образом, перед образовательными организациями сегодня стоит стратегическая задача – они должны соответствовать требованиям устойчивого развития, а также соблюдать ESG-принципы при подготовке кадров.

ESG-концепция включает три основных направления: экология (Environment), социальная политика (Social) и корпоративное управление (Governance). ESG в широком смысле – это устойчивое развитие коммерческой деятельности, строящееся на таких принципах, как ответственное отношение к окружающей среде, высокая социальная ответственность и эффективное корпоративное управление.

В настоящее время современные университеты, реализующие принципы ESG в образовательном процессе, не ограничиваются лишь передачей профессиональных знаний в данной сфере, они становятся центрами формирования системы ценностей, основанной на ответственном отношении к окружающей среде, социальной справедливости и принципе устойчивого корпоративного управления. В мировой академической среде неуклонно возрастает количество исследований в области реализации университетами ESG-повестки [3].

Кроме того, не стоит забывать и о цифровой трансформации как неотъемлемой части ESG-повестки, которая неминуемо затрагивает содержание образовательных программ, поскольку цифровизация всех сфер жизни предъявляет требования к освоению «цифровых» тем и дисциплин обучающимися не только технических специальностей, но и иных, приводит к появлению новых дисциплин [4]. Вместе с тем подготовка высококвалифицированных кадров в сфере ESG требует от профессорско-преподавательского состава междисциплинарного подхода, интеграции знаний из областей экономики, права, экологии, социологии, информатики и др.

Однако в настоящее время среди образовательных организаций не сложилось единой практики внедрения и реализации указанных принципов. Не выработано устоявшихся и общепринятых определений понятий «устойчивый вуз», «образование в интересах устойчивого развития». Анализ содержания (перечня дисциплин) образовательных программ продемонстрировал, что в российских образовательных программах высшего образования преобладают такие понятия, как «управление», «устойчивость», «развитие», «деятельность», «бизнес», «экологический», «риски», «безопасность», «инвестирование», «изменения», «проекты» [5]. В этой связи одни университеты ставят перед собой задачу формального соответствия

целям устойчивого развития, другие – подготовку высококвалифицированных и востребованных специалистов на рынке труда, отвечающих современным стандартам и требованиям.

Кроме того, в условиях стремительной трансформации экономической и геополитической обстановки в Российской Федерации повестка устойчивого развития претерпевает серьезные изменения, в частности в ней пересматриваются приоритеты и интересы бизнеса и государства, что требует от системы образования адекватного и стратегического ответа, например формирования образовательных программ, ориентированных на развитие у обучающихся компетенций, позволяющих гибко реагировать на вызовы времени и решать «устойчивые» задачи.

Очевидно, что внедрение принципов ESG в образовательный процесс предполагает комплексную трансформацию целей и задач обучения. Прежде всего среди приоритетных направлений такой трансформации следует выделить не только воспитание у обучающихся бережного отношения к природной среде, но и формирование у них устойчивых социальных компетенций.

Не менее важной задачей становится создание в образовательных учреждениях благоприятных социальных условий, которые способствуют гармоничному развитию личности обучающегося. Это подразумевает активное содействие формированию и развитию таких качеств, как эмпатия, толерантность, способность к коллективной работе, а также укрепление навыков коммуникации и разрешения конфликтов.

Формирование безопасной образовательной среды становится важнейшей частью ESG-повестки. Это подразумевает не только защиту обучающихся от экологических угроз, но и создание соответствующей образовательной инфраструктуры (современное техническое оснащение, экологически чистые и безопасные помещения, эффективные системы мониторинга состояния здоровья, обеспечение инклюзивности и доступности образовательных пространств для всех обучающихся), способствующей профилактике различных социальных и психологических рисков.

Особое внимание следует уделять предотвращению конфликтов между участниками образовательного процесса, организации антибуллинговых мероприятий, развитию культуры взаимодействия и поддержке эмоционального благополучия студентов.

Обеспечение безопасности в образовательных организациях рассматривается как неотъемлемый элемент принципа социальной ответственности. В рамках указанного принципа подразумевается повышение качества образовательной среды, предотвращение любых угроз здоровью обучающихся, а также обеспечение инклюзивности и равных возможностей для всех участников образовательного процесса.

Нельзя не отметить, что в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [6] предусмотрена обязанность образовательной организации создавать безопасные условия обучения и воспитания обучающихся, обеспечивать охрану и укрепление их здоровья. Так, согласно п. 6 ст. 28 данного Закона образовательная организация обязана осуществлять свою деятельность в соответствии с законодательством об образовании, в том числе создавать безопасные условия обучения, в частности при проведении практической подготовки обучающихся, а также безопасные условия воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися, их содержания в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся, работников образовательной организации.

Однако при внедрении принципов ESG обязанности образовательных учреждений в части обеспечения безопасности и охраны здоровья обучающихся расширяются. Помимо соблюдения установленных законодательством требований, вузы берут на себя дополнительные обязательства по созданию условий, способствующих устойчивому развитию, социальному благополучию и эффективному управлению.

Вместе с тем университеты, действующие в рамках повестки ESG, должны рассматривать безопасность не просто как выполнение нормативных требований, а как проактивный элемент социальной политики, направленный на предотвращение рисков и формирование благоприятной образовательной среды.

Кроме того, ESG-принципы ориентируют образовательные организации на долгосрочную перспективу: создание безопасной образовательной среды сегодня напрямую влияет на имидж университета, его способность привлекать новых студентов и партнеров завтра. Формирование безопасной инфраструктуры и корпоративной культуры – это инвестиция в будущее как самого образовательного учреждения, так и общества в целом.

Таким образом, в условиях современного образовательного пространства безопасность выступает в качестве ключевого стратегического показателя социальной эффективности, отражая степень ответственности университетов перед обществом. Обеспечение безопасной среды обучения становится важным аспектом реализации социальной ответственности и способствует устойчивому развитию образовательных учреждений.

Библиографический список

1. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» //

Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/420355765 (дата обращения: 27.09.2025).

2. Сборник кейсов и методических рекомендаций по институционализации устойчивого развития в вузах Российской Федерации и Республики Беларусь // Цифровая библиотека МГИМО в сфере ЦУР/ESG. URL: https://esg-library.mgimo.ru (дата обращения: 27.09.2025).

3. *Марголин А.М., Вякина И.*В. ESG-трансформация системы управления высшим учебным заведением // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16, № 1. С. 26–42.

4. *Боярская Ю.Н., Шкрябина А.*Е. Цифровая трансформация образовательных организаций: обзор научных публикаций // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сб. матер. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11 июля 2022 г.) / [редкол.: Л.К. Гуриева и др.]. М.: ИРОК, 2022. С. 353–358.

5. Краткий отчет по проекту «Образование в области устойчивого развития и ESG» // ESG Альянс. URL: www.esg-a.ru (дата обращения: 27.09.2025).

6. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 15 октября 2025 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; 2025. № 42, ст. 6086.

Ю.Н. Боярская,
кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии

ИНТЕГРАЦИЯ ESG-ПРИНЦИПОВ В СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Термин «устойчивое развитие» впервые получил широкое признание в 1987 г. после опубликования доклада Всемирной комиссии ООН по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее», в котором были обозначены основные направления в области окружающей среды в целях достижения устойчивого развития.

В 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила Цели устойчивого развития, ставшие основой международной повестки в области устойчивого развития до 2030 года. Данный комплекс целей включает 17 ведущих направлений, объединенных тремя ключевыми составляющими: социальной, экономической и экологической, баланс которых формирует основу и базовые ориентиры для устойчивого развития.

Российская Федерация, как и многие другие государства, поддержала Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года, включающую 17 целей устойчивого развития. Указанные цели были интегрированы во внутреннюю политику нашего государства через национальные проекты и другие стратегические и программные документы, в том числе доктрины, государственные программы и концепции. Так, для обеспечения устойчивого экономического и социального развития РФ, укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, увеличения численности населения страны и повышения уровня жизни граждан, основываясь на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма, приоритета человека, социальной справедливости и равенства возможностей, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности, открытости внешнему миру, экономического развития, основанного на честной конкуренции, предпринимательстве и частной инициативе, высокой эффективности

и технологичности, необходимо определить следующие национальные цели развития на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; комфортная и безопасная среда для жизни; экологическое благополучие; устойчивая и динамичная экономика; технологическое лидерство; цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

В современной практике значительное число компаний активно внедряют в свою деятельность ESG-принципы (Environmental – экология, Social – социум, Governance – корпоративное управление), ориентируясь на концепцию устойчивого развития. Данная концепция наглядно отражает стремление организаций к ответственному осуществлению хозяйственной деятельности, предполагающему снижение негативного воздействия на окружающую среду, усиление позитивного социального эффекта и формирование результативной системы корпоративного управления.

Влияние ESG-принципов рассматривается как один из ключевых показателей устойчивого развития, поскольку учет экологических рисков, обеспечение справедливых условий труда и внедрение прозрачных механизмов корпоративного управления формируют основу долгосрочной стратегии компании. Интеграция ESG-повестки в корпоративную стратегию способствует укреплению деловой репутации организации и созданию дополнительных ценностей для стейкхолдеров, что находит отражение в повышении качества корпоративной отчетности и инвестиционной привлекательности.

ESG-принципы не только предопределяют стратегическое направление корпоративного управления, но и формируют ориентиры для последующих поколений специалистов. Именно поэтому вопросы устойчивого развития и институционализации ESG-подхода приобретают особую значимость для образовательной среды, где формируются компетенции, необходимые для реализации повестки устойчивого развития.

Кроме того, нельзя не отметить, что одной из ключевых целей устойчивого развития является обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех (цель 4). В этой связи к 2030 г. требуется обеспечить, чтобы все обучающиеся приобретали знания и навыки, необходимые для содействия устойчивому развитию, в том числе посредством обучения по вопросам устойчивого развития и устойчивого образа жизни, прав человека, гендерного равенства, пропаганды культуры

мира и ненасилия, гражданства мира и осознания ценности культурного разнообразия и вклада культуры в устойчивое развитие (задача 4.7).

Министерство науки и высшего образования РФ, ознакомившись с содержанием видения устойчивого развития университета, сформированным по итогам V ежегодного молодежного фестиваля в области экологии и устойчивого развития «ВузЭкоФест-2019», отметило, что образовательные организации высшего образования вправе самостоятельно разрабатывать образовательные программы в соответствии с государственными образовательными стандартами высшего образования и с учетом соответствующих примерных основных образовательных программ (при наличии), что позволяет реализовывать компетенции в области устойчивого развития.

В этой связи многие университеты начали активно включать в свои образовательные программы новые дисциплины, реализуя концепцию «зеленого» университета, интегрируя принципы устойчивого развития в различные направления деятельности – научно-исследовательскую, образовательную, инфраструктурную, тем самым институционализируя устойчивое развитие в вузе. Данная тенденция отражает усилия образовательных организаций по адаптации учебных планов к актуальным вызовам глобального и национального развития, а также стремление к формированию у обучающихся необходимых компетенций в области экологии, социального взаимодействия и совершенствования корпоративного управления.

Однако, несмотря на широкое распространение концепции устойчивого развития и ESG-стандартов в глобальных стратегических документах и национальных программах, сегодня университеты сталкиваются с такой проблемой, как несформированность целостной методологической базы интеграции ESG-принципов в деятельность университетов, а также отсутствие единых критериев оценки результативности соответствующих трансформаций.

В научной доктрине указанный вопрос также не получил однозначного решения. Одни исследователи акцентируют внимание преимущественно на экологическом принципе, предполагая его внедрение в образовательный процесс [1, 2]. Другие отмечают, что при реализации данной концепции необходимо учитывать все три ее компонента (экологический, социальный и корпоративный) [3, 4].

Кроме того, представляется справедливым упомянуть о том, что в Российской Федерации отсутствует национальная стратегия образования для устойчивого развития, несмотря на то, что ее проект неоднократно разрабатывался. Таким образом, одной из основных проблем интеграции концепции устойчивого развития в деятельность образовательных организа-

ций является прежде всего отсутствие нормативных правовых актов, определяющих порядок реализации указанных инноваций, а также методических рекомендаций и иных официальных документов.

Следует отметить, что в настоящее время Правительством РФ формируется стратегия развития образования до 2036 г. и на перспективу до 2040 г. (далее – стратегия), которая ориентирована на повышение качества образования, развитие потенциала каждого человека, воспитание патриотичной и социально ответственной личности, а также на содействие устойчивому развитию общества и экономики. Данная стратегия разрабатывается в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Так, одним из приоритетных направлений стратегии выступает обеспечение равного доступа к качественному образованию, развитие профессионального потенциала педагогических работников, формирование цифровой образовательной среды и системы психолого-педагогической поддержки участников образовательного процесса. Такие меры направлены на воспитание граждан, готовых к практической реализации концепции устойчивого развития.

Таким образом, университеты занимают особое место в реализации концепции устойчивого развития, поскольку в рамках образовательной деятельности способны обеспечивать междисциплинарный подход, охватывающий различные аспекты устойчивого развития в образовательной и научно-исследовательской сферах.

В современных условиях ESG-принципы рассматриваются как одно из базовых направлений стратегической трансформации образовательных организаций, что предполагает включение соответствующей повестки в содержание образовательных программ и организацию образовательного процесса. Интеграция этих принципов позволяет пересматривать стандарты образовательных программ, оптимизировать управленческие процессы и формировать новые модели взаимодействия с внешними и внутренними стейкхолдерами.

В настоящее время основными направлениями реализации политики ESG в образовательных организациях представляются:

- развитие необходимых компетенций у обучающихся в области устойчивого развития на основе включения указанной повестки в содержание образовательных программ;
- проведение научных исследований, направленных на развитие концепции устойчивого развития;
- реализация мер социальной поддержки и стимулирования для обучающихся, обеспечение равенства возможностей для них, создание инклюзивной среды;

▪ формирование у обучающихся профессиональной и поведенческой ориентации на систематическое соблюдение стандартов экологической устойчивости в ходе образовательного процесса;

▪ адаптация вертикальных и горизонтальных связей между субъектами устойчивого развития (администрация вуза, профессорско-преподавательский состав, обучающиеся и др.) под политику ESG-стандартов с использованием лучших существующих практик, в том числе и мировых, с учетом специфики образовательной организации и др.

На основании изложенного можно сделать вывод, что внедрение ESG-принципов в образовательный процесс выступает не только отражением глобальных трендов, но и необходимым условием успешного развития образовательной среды, ориентированной на повышение качества подготовки кадров для экономики будущего и устойчивого развития.

Формирование системы образования, обеспечивающей устойчивое развитие, предполагает переход от традиционной модели обучения к модели, основанной на междисциплинарных знаниях и комплексном рассмотрении таких аспектов, как состояние окружающей среды, экология, социально-экономическое развитие, этические и культурные проблемы [5]. Переход к устойчивому развитию в сфере образования предполагает фундаментальные перемены в мировоззрении, приоритетах, ценностях и этических нормах сотрудников, профессорско-преподавательского состава и обучающихся. Новая образовательная модель должна быть ориентирована на подготовку специалистов, способных обеспечивать устойчивое развитие общества в интересах будущих поколений.

Библиографический список

1. *Каверин А.В., Массеров Д.А.* Роль экологического образования в устойчивом развитии общества // Интеграция образования. 2014. № 3. С. 46–52.

2. *Трещев А.М.* Экологическое образование студентов университета в интересах устойчивого развития // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2022. Т. 16, № 4. С. 104–110.

3. *Сяглова Ю.В., Четин А.*М. Применение ESG-факторов в системе образования вследствие изменяющихся условий цифровой экономики // Экономика. Налоги. Право. 2023. № 16 (2). С. 68–76.

4. *Краковецкая И.В., Воробьева Е.С., Далибожко А.И.* Устойчивое развитие университетов: концепции и подходы к оценке. Часть 1. Теоретические аспекты // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 2. С. 207–224.

5. *Шимова О.С.* Глобальная программа действий по образованию для устойчивого развития в контексте «зеленой» экономики // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Минск: Изд-во Белорус. гос. экон. ун-та, 2017. Вып. 10. С. 471–476.

А.М. Герасимов,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА И ИХ СИСТЕМА

Рассматривая сущность и систему преступлений, сосредоточенных в гл. 27 УК РФ, необходимо заострить внимание на используемом при их характеристике терминологическом аппарате. Активно развивающаяся транспортная система со временем вносит в него свои коррективы.

По логике законодателя, каждое деяние, предусмотренное упомянутой структурной составляющей уголовного закона, оказывает негативное воздействие на безопасность движения и эксплуатации транспорта. В литературе она нередко ассоциируется с транспортной безопасностью. Однако полное отождествление формулировок «безопасность движения и эксплуатации транспорта» и «транспортная безопасность» будет не совсем корректным. По смыслу Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» последняя из упомянутых категорий интерпретируется как защищенность транспортной инфраструктуры и транспортных средств от противоправных деяний, в том числе террористических актов, угрожающих безопасной деятельности транспортного комплекса, влекущих за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материального ущерба либо создающих угрозу наступления таких последствий [1]. Речь идет о деяниях, оказывающих разрушительное воздействие на транспортную инфраструктуру и транспортные средства, нередко сопровождающихся наступлением тяжких последствий. Их оценка дается на основе норм уголовного законодательства, обеспечивающих транспортную безопасность в представленном ключе (ст. 205, 263.1 УК РФ).

Безопасность движения и эксплуатации транспорта как видовой объект преступлений, предусмотренных гл. 27 УК РФ, истолковывается в несколько ином виде. Как отмечает А.И. Коробеев, «безопасность

функционирования (движения и эксплуатации) транспорта включает в себя довольно широкий круг общественных отношений, связанных не только с осуществлением безаварийной работы транспортных средств, но и с охраной жизни и здоровья людей, ценного имущества, окружающей природной среды. Правильнее поэтому было бы именовать всю совокупность указанных отношений "безопасностью транспортопользования"» [2, с. 29].

Н.И. Пикуров верно подчеркивает, что «безопасность работы транспорта обеспечивается, прежде всего, нормами позитивного регулирования» [3, с. 4]. Сегодня действует огромное количество нормативных правовых актов и иных ведомственных документов, создающих основу безопасного функционирования транспорта. В уголовно-правовых аспектах они способствуют определению четких юридических границ объекта, нуждающегося в охране ресурсами уголовного закона. На основании этого видовым объектом анализируемой группы преступлений выступает комплекс упорядоченных регулятивным законодательством отношений, формирующих и поддерживающих защищенность транспортной системы, ее отдельных субъектов, а также сопутствующих интересов от внутренних и внешних угроз.

Транспортная система страны образована за счет всех видов транспорта, обеспечивающих социально-экономические потребности общества и государства в перевозках. К ним относится железнодорожный, автодорожный, водный, воздушный, трубопроводный транспорт. Здесь сразу необходимо оговориться, что преступное воздействие на безопасность эксплуатации трубопроводного транспорта сегодня получает оценку не на базе норм, объединенных в гл. 27 УК РФ. Запреты на самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность (ст. 215.3 УК РФ), нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ (ст. 216 УК РФ), нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов (ст. 217 УК РФ), а также нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса (ст. 217.1 УК РФ) размещены в главе уголовного закона о преступлениях против общественной безопасности (гл. 24 УК РФ). Между тем не так давно гл. 27 УК РФ располагала нормой, под угрозой уголовного наказания запрещавшей допускать нарушения правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов (ст. 269 УК РФ – утратила силу в 2018 г.). Принятые решения законодатель обосновал необходимостью оптимизации и приведения в соответствие

с действующим законодательством составов преступлений в области промышленной безопасности на опасных производственных объектах.

Помимо самого транспорта в транспортную систему страны входят объекты транспортной инфраструктуры. Речь идет о технологическом комплексе, включающем в себя: железнодорожные вокзалы и станции, автовокзалы и автостанции; тоннели, эстакады, мосты; морские терминалы, акватории морских портов; искусственные острова, установки, сооружения; аэродромы и аэропорты; объекты систем связи, навигации и управления движением транспортных средств и т.д.

Таким образом, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта представляют собой общественно опасные посягательства на комплекс урегулированных позитивным законодательством отношений, формирующих и поддерживающих защищенность транспортной системы в целом, ее отдельных субъектов, а также сопутствующих интересов от внутренних и внешних угроз.

Классификация преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта может быть осуществлена по ряду оснований. Так, *в зависимости от источника угрозы транспортной системе* их можно подразделить на преступления, представляющие внутреннюю угрозу и преступления, представляющие внешнюю угрозу. Например, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена (ст. 263 УК РФ), а также нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) допускается субъектом, являющимся непосредственным участником отношений в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта. Поэтому указанные деяния справедливо отнести к внутренним угрозам транспортной системе. В свою очередь, приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ) или действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ), могут быть совершены лицами, не имеющими непосредственного отношения к функционированию транспортной инфраструктуры и транспортных средств. На основании этого их логично признать внешними угрозами транспортной системе.

В зависимости от уровня общественной опасности преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта предполагают такую дифференциацию: а) преступления, представляющие повышенную опасность (тяжкие преступления). Таковых деяний немного (ч. 2.1, 4 ст. 263, а также ч. 4, 6 ст. 264 УК РФ); б) преступления, опасность которых не преодолевает средний уровень (преступления небольшой и средней

тяжести). Обращает на себя внимание тот факт, что большинство деяний, включающихся в гл. 27 УК РФ, относятся ко второй группе. Кроме того, для рассматриваемой главы уголовного закона не характерны посягательства с максимальным уровнем общественной опасности – особо тяжкие преступления.

По форме вины, свойственной соответствующим составам преступлений, выделяются: а) умышленные посягательства на безопасность движения и эксплуатации транспорта (ст. 264.1, 264.2, 264.3, ч. 1 ст. 267, 267.1, 270, 271 УК РФ); б) неосторожные деяния в сфере движения и эксплуатации транспорта (остальные деяния, не вошедшие в первую группу). Большинство преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта являются неосторожными.

В зависимости от конструкции составов преступлений, предусмотренных гл. 27 УК РФ, представляется возможным подразделить их на следующие виды: а) деяния с формальным составом (ст. 264.1, 264.2, 264.3, ч. 1 ст. 267, 267.1, 270, 271 УК РФ); б) преступления с материальным составом (остальные деяния, не вошедшие в первую группу). Несложно заметить, что большинство преступлений анализируемой структурной составляющей уголовного закона включаются во вторую группу.

Вполне возможно найти и другие критерии дифференциации преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Однако интерес представляют основания не только классификации данных преступлений, но и их систематизации. Если классификация предполагает группировку деяний в соответствии с их общими признаками и свойствами, то систематизация подразумевает взаимосвязь между ними иного категориального ряда – системы, подсистемы и элемента. При этом в основу системы рассматриваемой совокупности преступлений может быть положена сущностная специфика воздействия запрещенных уголовным законом деяний на безопасность движения и эксплуатации транспорта. Исходя из нее система преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта выглядит следующим образом:

1. Преступления, связанные с нарушением специальных предписаний в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта:

а) общественно опасные нарушения требований к движению и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта и метрополитена (ст. 263, 270, 271, 271.1 УК РФ);

б) общественно опасные нарушения правил дорожного движения или эксплуатации автомобиля, трамвая либо другого механического транспортного средства (ст. 264, 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ).

2. Преступления, нарушающие безопасность функционирования транспортной инфраструктуры и транспортных средств:

а) общественно опасные нарушения требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 УК РФ);

б) общественно опасные деяния, препятствующие безопасной работе и эксплуатации транспорта (ст. 266, 267, 267.1, 268 УК РФ).

На основе данной системы формируются отдельные группы и виды преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (в ред. от 21 апреля 2025 г.) // СЗ РФ. 2007. № 7, ст. 837; 2025. № 17, ст. 2128.

2. *Коробеев А.И.* Транспортные преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 406 с.

3. *Пикуров Н.И.* Квалификация транспортных преступлений: науч.-практ. пособие. М.: Изд-во Рос. акад. правосудия, 2011. 168 с.

Д.А. Ковлагина,
кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии

ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ ОТСЫЛКУ К ДРУГИМ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМ НОРМАМ (НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ 296 УК РФ)

Сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Таджикистан позволяет выявить сходства и различия в нормативном регулировании уголовно-правовых отношений, что, в свою очередь, обеспечивает преемственность опыта законотворческой деятельности в определенных направлениях уголовной политики. Запретительная норма уголовного закона представляет собой центральный элемент механизма уголовно-правового регулирования. От точности установления уголовно-правового запрета и изложения его в диспозиции нормы зависит эффективность уголовно-правового воздействия на преступность. Использование отсылок при конструировании отдельных составов преступления является востребованным приемом юридической техники, посредством которого осуществляется дифференциация уголовной ответственности, а также обеспечивается экономия нормативного материала. Однако отсылочный способ конструирования уголовно-правовых норм не является унифицированным. Законодатель по-разному его использует при изложении объективных и субъективных признаков составов преступлений, тем самым осложняя процесс их интерпретации и правоприменения.

Анализ статистических сведений по количеству осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 296 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), свидетельствует о достаточной востребованности указанной нормы. Количество осужденных за различные виды угроз (ч. 1–2 ст. 296 УК РФ) стабильно более чем в два-три раза выше, чем за насильственные действия (ч. 3–4 ст. 296 УК РФ), что видно из содержания таблицы 1. В целом же статистика свидетельствует о по-

следовательном снижении числа осужденных за угрозы (ч. 1–2 ст. 296 УК) с 2016 по 2020 г., однако затем мы наблюдаем резкое увеличение этих показателей почти в два раза в 2021 г. В свою очередь, статистика по количеству осужденных за насильственные действия (ч. 3–4 ст. 296 УК РФ) скачкообразная, преимущественно без какой-либо выявленной тенденции (за исключением периода 2018–2020 гг., характеризующегося небольшим последовательным снижением количества осужденных с 20 до 15 человек) (табл. 2).

Таблица 1

Количество осужденных (абсолютные цифры) по ч. 1–4 ст. 296 УК РФ за период 2015–2024 гг.

ст. 296	**2015**	по доп. квалиф-и	**2016**	по доп. квалиф-и	**2017**	по доп. квалиф-и	**2018**	по доп. квалиф-и	**2019**	по доп. квалиф-и	**2020**	по доп. квалиф-и	**2021**	по доп. квалиф-и	**2022**	по доп. квалиф-и	**2023**	по доп. квалиф-и	**2024**	по доп квалиф-и
Ч. 1	**12**	1	**19**	2	**20**	2	**16**	3	**16**	0	**9**	3	**10**	3	**12**	3	**14**	0	**8**	3
Ч. 2	**18**	7	**23**	3	**18**	5	**24**	1	**14**	6	**12**	1	**22**	6	**31**	6	**19**	14	**13**	7
Ч. 3	**9**	2	**6**	2	**11**	1	**11**	2	**12**	1	**11**	2	**14**	2	**13**	1	**11**	2	**13**	0
Ч. 4	**2**	1	**1**	0	**2**	0	**7**	0	**3**	0	**2**	0	**1**	0	**2**	0	**2**	0	**4**	0

Таблица 2

Суммарное число осужденных с учетом лиц, осужденных по дополнительной квалификации по составам угроз (ч. 1–2 ст. 296 УК РФ) и по составам насильственных действий (ч. 3–4 ст. 296 УК РФ) за период 2015–2024 г.

Год	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
Составы угроз (ч. 1–2 ст. 296 УК РФ)	38	47	45	44	36	25	41	52	47	31
Составы насильственных действий (ч. 3–4 ст. 296 УК РФ)	14	9	14	20	16	15	17	16	15	17

Название ст. 296 УК РФ не охватывает все виды деятельности потерпевшего, в связи с которыми могут быть совершены угроза или насильственные действия; в ч. 2 предусмотрена еще одна ее разновидность – рассмотрение дел или материалов в суде либо исполнение приговора, решения суда или

иного судебного акта. Если рассмотрение дел или материалов в суде может охватываться деятельностью по осуществлению правосудия, то исполнение судебных актов выходит за рамки этой деятельности. Аналогичная ситуация наблюдается и в действующей редакции ст. 356 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ): перечень видов деятельности, в связи с которыми совершаются угрозы и насилие, в отношении указанных в статье потерпевших шире, чем предусмотрено в ее наименовании.

О проблеме использования отсылочных приемов при конструировании диспозиций запретительных уголовно-правовых норм. Представляя собой правовой текст, характеризующийся использованием юридической терминологии, запретительная уголовно-правовая норма должна быть верно истолкована в целях уяснения ее содержания и дальнейшего правоприменения. От того, каким образом сконструирована та или иная запретительная норма, зависит ее интерпретация [1, с. 36]. Выбор приемов юридической техники, которые используются при формулировании уголовно-правовых запретов, должен учитывать потребности в уголовно-правовой охране отдельных правоотношений. Статья 296 УК РФ предусматривает ответственность за угрозы, дифференцированные в зависимости от признаков потерпевшего (ч. 1 и 2). В свою очередь, в диспозициях ч. 3 и 4 настоящей статьи предусматривается ответственность за деяния, где насилие выступает составообразующим признаком. Обратим внимание на то, какой именно отсылочный прием использует в данном случае законодатель. Запретительная норма уголовного права может содержать отсылку к отдельным объективным или субъективным признакам преступлений, предусмотренных другими нормами (например, в диспозиции ч. 1 ст. 117 УК РФ – к последствиям, указанным в ст. 111 и 112 УК РФ; в ч. 2 ст. 318 УК РФ – к потерпевшим, указанным в ч. 1 этой же статьи; в ч. 2 ст. 279 УК РФ – к целям, указанным в ч. 1 этой же статьи) либо отсылку к конкретному составу преступления (например, в диспозиции ст. 280.2 УК РФ – к признакам преступлений, предусмотренных ст. 278, 279 и 280.1 настоящего Кодекса). Таким образом, объем отсылки может быть разным. Использование отсылок является сигналом к необходимости установления связи между положениями, содержащимися в нескольких нормах. По тому, каким образом сконструирована отсылка в составе исследуемого преступления, мы можем понять, какие объективные и (или) субъективные признаки другого преступления подлежат учету в процессе его квалификации. В ч. 3 и 4 ст. 296 УК РФ содержится отсылка к деяниям, предусмотренным ч. 1 или 2. В связи с этим ст. 296 УК РФ в квалифицированном и особо квалифицированном составах устанавливает от-

ветственность за угрозу, совершенную с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч. 3), а также за угрозу, совершенную с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 4). Наличие ссылочной диспозиции в ч. 3 и 4 ст. 296 УК РФ ограничивает их применение определенным контекстом – насилие (опасное и не опасное) всегда сопровождает угрозы, предусмотренные ч. 1 и 2 этой же статьи.

Статья 356 УК РТ трехчастная, где первая часть охватывает совершение угрозы (без дифференциации ответственности в зависимости от признаков потерпевшего в отличие от УК РФ), а вторая и третья части, на первый взгляд, устанавливают ответственность за две разновидности насилия, однако в ч. 3 насилие выступает только составообразующим признаком.

Как показал системный анализ ст. 296 УК РФ, в гл. 31 УК РФ отсутствует состав преступления, предусматривающий ответственность за применение насилия в связи с осуществлением правосудия, совершенного без угроз [2, 3], что подтверждает и правоприменительная практика [4, 5]. Содержание исследуемой статьи свидетельствует о том, что уголовная ответственность наступает только за угрозу, а насилие – составообразующий признак ч. 3 и 4 ст. 296 УК РФ. Это приводит к тому, что суд в приговоре обязан доказать, что насильственные действия подсудимого подкрепляли угрозу убийством, причинением вреда здоровью и т.д. Так, Б. при ознакомлении с материалами исполнительного производства схватил лежащий на столе нож и нанес один удар в область груди судебному приставу-исполнителю П., отчего последний испытал физическую боль. Затем Б., высказывая потерпевшему угрозу убийством, держа в руке нож, снова попытался подойти к П., однако тот выбежал из квартиры. Судом установлено, что агрессивное поведение Б., отсутствие препятствий для осуществления угрозы дали основание П. опасаться реализации высказанной угрозы [6].

В обвинительном приговоре в отношении К. доказано, что он, находясь в кабинете следователя К.С.В., являясь подозреваемым по уголовному делу, высказал в отношении следователя К.С.В. угрозу причинением вреда здоровью и ударил его кулаком по лицу, причинив К.С.В. физическую боль [7].

Е.Н. Терехова приводит практические примеры вынужденной переквалификации насильственных действий, не сопровождающихся угрозой, с ч. 3 или 4 ст. 296 УК РФ на ч. 1 или 2 ст. 318 УК РФ. Иными словами, ст. 318 УК РФ «стала резервной» для таких случаев [7, с. 134–135]. Однако ч. 1 ст. 318 УК РФ не сможет охватить случаи совершения насильственных действий, не подкрепленных угрозой, в отношении эксперта, защитника, специалиста, которые представителями власти не являются.

В отличие от законодательной регламентации состава насильственных действий в ч. 3 и 4 ст. 296 УК РФ, ч. 2 ст. 356 УК РТ предусматривает ответственность не за угрозы, сопровождающиеся насильственными действиями, а за «применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, к лицам, указанным в части первой…». Однако для ч. 3 ст. 356 УК РТ характерны те же особенности законодательного конструирования, что и для ч. 3 и 4 ст. 296 УК РФ. Исходя из буквального толкования диспозиции ч. 3 ст. 356 УК РТ, уголовно наказуемым является только такое насилие, опасное для жизни или здоровья, которое сопровождает «угрозы (отсылка на деяние, предусмотренное ч. 1) либо применение насилия, не опасного для жизни или здоровья (отсылка на деяние, предусмотренное ч. 2)». И если теоретически насилие может выступать составообразующим признаком угроз, то в установлении уголовной ответственности за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, отсутствует какой-либо смысл. Тогда обнаруживается явная техническая ошибка, обусловленная неправильным использованием отсылочного приема, создавшего неверный контекст, ограничивающий интерпретацию признаков состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 356 УК РТ, что препятствует правоприменению. Принцип правовой определенности не позволяет в процессе интерпретации и квалификации произвольно толковать запретительные уголовно-правовые нормы, содержащие отсылки.

В отличие от УК РФ и УК РТ, в УК Республики Казахстан (далее – УК РК) конструкция аналогичного состава преступления в ст. 409 иная – строго дифференцирована ответственность за два самостоятельных деяния – угрозу (ч. 1–3) и две разновидности насилия (ч. 4–7). В свою очередь, диспозиция в ч. 4 и 6 отсылает исключительно к признакам потерпевших и мотивам, указанным в ч. 1 и 2 исследуемой статьи, что позволяет избежать ограничивающего интерпретацию контекста, который создан законодателем при конструировании ч. 3 и 4 ст. 296 УК РФ и ч. 3 ст. 356 УК РТ.

Отсылочные приемы, используемые законодателем при конструировании основных или квалифицированных составов преступлений, являются базовыми и широко используются в целях экономии нормативного материала [2, с. 67]. Содержание такой отсылки, сформулированной законодателем, ограничивает контекст, в пределах которого выявляются объективные и субъективные признаки другого преступления, подлежащего учету в процессе квалификации деяний, содержащих такую отсылку. Наличие контекста обеспечивает соблюдение принципов законности, справедливости и принципа правовой определенности в процессе правоприменения.

Проведенный системный и сравнительно-правовой анализ норм об уголовной ответственности за угрозы и насилие в отношение лиц, осуществляющих отправление правосудия, производство предварительного расследования, исполнение судебных актов, и их близких в УК РФ, УК РТ и УК РК позволил выявить проблемы, связанные с конструированием ссылочных диспозиций, использование которых должно упрощать понимание объективных и субъективных признаков составов преступлений, а не ограничивать их правоприменение.

Ввиду допущенных законодателем неточностей в изложении отдельных признаков составов преступлений, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 296 УК РФ и ч. 3 ст. 356 УК РТ, за пределами уголовно-правовой квалификации остаются такие деяния, как применение насилия, не опасного (или опасного) для жизни или здоровья, не сопровождающегося угрозами, в отношении эксперта или специалиста (в процессе применения ст. 296 УК РФ), а также применение насилия, опасного для жизни или здоровья, к эксперту, специалисту, переводчику, секретарю суда, и т.д. (в процессе применения ст. 356 УК РТ).

В связи с изложенным предлагаем внести изменения в ст. 296 УК РФ.

1. В наименовании ст. 296 УК РФ указать на еще один вид деятельности потерпевших, в связи с которым могут совершаться угрозы или насильственные действия: «исполнение судебного акта».

2. Часть третью ст. 296 УК РФ изложить следующим образом: «3. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в частях первой или второй настоящей статьи, – наказывается…»

3. Часть четвертую ст. 296 УК РФ изложить следующим образом: «4. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в частях первой или второй настоящей статьи, – наказывается…».

Систематический анализ уголовно-правовых норм и особенностей их конструирования позволяет выявить закономерности изложения уголовно-правовых запретов и на этой основе сформировать предложения по изменению уголовного закона в целях повышения его качества.

Библиографический список

1. *Горелик А. С., Лобанова Л. В.* Преступления против правосудия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 491 с.

2. *Соловьев О.* Г. Место и значение приемов законодательной техники в процессе конструирования норм уголовного законодательства // Юридическая наука. 2015. № 3. С. 65–68.

3. *Ларионов П.* А. Контекстные ограничения уголовно-правовой интерпретации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 35–44.

4. Определение Верховного Суда РФ от 7 ноября 2007 г. № 21-007-16 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Верховного Суда РФ от 27 декабря 2001 г. № 43-кпО01-92 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Приговор Октябрьского районного суда г. Омска от 3 апреля 2017 г. по делу № 1-55/2017 в отношении Б. // Интернет-портал «Судебная практика». URL: https://sud-praktika.ru/precedent/298580.html (дата обращения: 04.11.2025).

7. Приговор Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 13 апреля 2017 г. по делу № 1-103/17 в отношении К. // Сайт Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай. URL: https://gorno-altaisky--ralt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15451595&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 04.11.2025).

Р.А. Комягин,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ НА ЭТАПЕ КВАЛИФИКАЦИИ

Состав такого преступления, как злоупотребление полномочиями, предусмотрен в ст. 201 УК РФ. Законодательное решение о его закреплении в гл. 23 УК весьма неоднозначно воспринято представителями уголовно-правовой науки [1, с. 9–10]. Ввиду того, что деятельность коммерческих и иных организаций складывается в экономике, рассматриваемое преступление, как и другие, предусмотренные в данной главе, оказывает негативное воздействие на экономические отношения. Однако, поскольку объектом злоупотребления полномочиями выступают отношения, обеспечивающие законный порядок управления и интересы службы в коммерческих и иных организациях, более логичным было бы закрепить указанное преступление в гл. 30 УК «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» [2, с. 271].

На наш взгляд, именно указание на невозможность выполнения лицом своих полномочий в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных или муниципальных учреждениях позволяет разграничить субъекта преступлений гл. 23 УК и должностных лиц, преступные деяния которых квалифицируются по нормам гл. 30 УК. В этой связи следует признать верным местоположение злоупотребления полномочиями в структуре уголовного закона.

Поскольку субъект рассматриваемого преступления специальный, то способ его совершения представляет собой использование лицом своего служебного положения, т.е. тех полномочий, которыми он обладает в силу занимаемой должности в коммерческой или иной организации [3, с. 24–26].

Б.В. Волженкин указывал на большое количество возможных форм злоупотребления полномочиями управленческими работниками коммерческих и иных организаций [4, с. 255]. К схожему выводу приходит И.А. Клепицкий, который полагает, что «нередко злоупотребление полномочиями выражается в совершении убыточных сделок. Однако возможны и иные виды злоупотреблений, например, неправомерное использование имущества организации, изъятие доходов организации, целенаправленная бесхозяйственность в интересах конкурентов, использование служебных полномочий во вред инвесторам при дополнительной эмиссии ценных бумаг и т.д.» [5, с. 392].

Именно установление признаков объективной стороны злоупотребления полномочиями создает наибольшее количество проблем в правоприменительной практике.

При этом виновным совершаются *действия*, вытекающие из его служебного положения, основанные на его авторитете или связанные с осуществляемыми им функциями. Между тем они не вызваны служебной необходимостью, противоречат законным интересам организации, а также тем целям и задачам, для достижения которых это лицо было наделено соответствующими полномочиями. Хотя внешне поведение виновного может выглядеть законно [6].

Под законными интересами организации Д.А. Кононов предлагает понимать «баланс интересов ее инвесторов, работников и общественных интересов при превалировании интересов инвесторов или интереса, вытекающего из цели деятельности некоммерческой организации» [7, с. 9].

В частности, как злоупотребление полномочиями должны квалифицироваться *деяния лица*, когда оно совершает входящие в круг его полномочий действия при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения, если эти деяния повлекли общественно опасные последствия, предусмотренные ст. 201 УК [8, с. 32–34].

Из судебной практики:

Верховный Суд РФ, рассматривая кассационную жалобу, установил, что С., выполняющий управленческие функции, состоящий в должности директора некоммерческой унитарной организации, являющийся ее учредителем, используя свои полномочия вопреки интересам организации и Правительства Удмуртской Республики, с целью извлечения прибыли заключил с подконтрольным ему юридическом лицом ООО ТД «Б.» несколько договоров аренды трех нежилых помещений, которые оплачивались за счет фонда некоммерческой организации. При этом договоры аренды были оформлены с существенным превышением арендной платой ее рыночных размеров, а также был подписан ряд дополнительных соглашений к ним о дальнейшем увеличении размера арендной платы. Кроме того, С. скрыл от выс-

шего коллегиального органа фонда конфликт интересов и обеспечил одобрение названным органом смет расходов на административно-хозяйственную деятельность фонда, которые и были осуществлены.

Вышеназванные помещения не имели отделки и внутренних перегородок, т.е. не были пригодны для использования в качестве офисных помещений. В связи с чем С. организовал проведение непредусмотренных договорами аренды работ, направленных на завершение строительства и перепланировку нежилых помещений, а затем организовал компенсацию ООО ТД «Б.» расходов по проведению такого ремонта за счет средств фонда некоммерческой организации.

В результате преступных действий С. извлечена выгода в общей сумме 20 293 017,54 рубля, чем причинен существенный вред правам и законным интересам некоммерческой организации и Правительства Удмуртской Республики, являющегося его учредителем [9].

Из приведенного примера следует, что, заключая договоры аренды, С. действовал исключительно в рамках своих полномочий, поскольку выполнял управленческие функции в некоммерческой организации. Однако совершение указанных действий противоречило ее интересам, т.к. арендуемые помещения были не приспособлены для использования в качестве офисных помещений, имели иную планировку и находились в состоянии, требующем ремонта, о чем С. было заведомо известно. В пользу данного суждения также свидетельствует завышенная стоимость арендной платы, а также факт сокрытия заключения указанных договоров от высшего коллегиального органа организации. Как итог, организация понесла убытки на сумму более 20 млн рублей. Важно отметить, что ее учредителем являлось Правительство Удмуртской Республики, поэтому общественно опасные последствия данного преступления охватывают и государственные интересы.

Злоупотребление полномочиями может быть совершено в виде как действия, так и бездействия. При бездействии лицом не совершаются действия управленческого характера, которые оно было обязано и могло совершить по своему служебному положению.

В случае совершения преступления путем действия оно может осуществляться в рамках законных полномочий лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также с превышением их пределов, т.е. быть заведомо незаконными для данного лица действиями [10, с. 92–93]. Поскольку уголовным законом не предусмотрен состав превышения полномочий применительно к преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях, указанное деяние надлежит квалифицировать по ст. 201 УК. По этому поводу Б.В. Волженкин от-

мечал, что превышение полномочий является частным случаем злоупотребления полномочиями [4, с. 257–258].

Злоупотребление полномочиями признается оконченным в момент причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Существенный вред выступает последствием совершения преступления и является оценочным признаком [10, с. 107–109]. При его установлении учитывается:

- степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба;
- какие именно права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества или государства были нарушены;
- число потерпевших граждан, а также тяжесть причиненного им физического, морального или имущественною вреда и т.п.;
- характер прав и законных интересов гражданина (например, когда злоупотребление полномочиями повлекло нарушение конституционных прав гражданина) [6].

Если в результате злоупотребления полномочиями вред причинен только интересам организации, в которой лицо выполняет свои управленческие функции, он может быть связан как с утратой имущества, так и упущенной выгодой.

И.А. Клепицкий усматривает противоречие в том, что деяние должно быть совершено «вопреки законным интересам» той организации, в которой лицо выполняет свои обязанности, но вред может быть причинен и иным лицам, в частности гражданам, обществу и государству. В этой связи он указывает на необходимость осторожно относиться к широкому пониманию последствий, проверяя наличие причинно-следственной связи деяния с наступившими последствиями в виде существенного вреда как обязательного признака объективной стороны состава данного преступления [5, с. 390–391].

Из судебной практики:

Судебной коллегией Верховного Суда РФ по уголовным делам оставлен без изменения приговор Краснодарского краевого суда от 4 октября 2013 г. в отношении Т. и Х.

Согласно материалам дела, с октября 2008 г. по февраль 2010 г. Т. являлся директором ООО, т.е. лицом, выполнявшим управленческие функции в коммерческой организации. Единственным учредителем общества выступал Е., в собственности которого было недостроенное здание торгового центра.

Поскольку на завершение строительства не хватало денежных средств, Т. договорился с индивидуальным предпринимателем Г., не имевшим достаточных оборотных средств,

о получении тем в банке под залог имущества ООО в виде недостроенного здания торгового центра кредита в размере … рублей, из которых Г. должен был часть денег предоставить в качестве беспроцентной ссуды Т.

Для этих целей Т. без ведома Е. предоставил банку поддельное согласие Е. на залог здания. Получив кредит, Г. передал Т. часть денежных средств. Однако после систематического неисполнения Г. обязательств по кредиту банк обратил взыскание на незаконно заложенное Т. имущество ООО и Е., вследствие чего был причинен материальный ущерб в размере … рублей, а также и ООО, и Е. лишились права на аренду земельного участка.

Поскольку действиями Т. был причинен ущерб не только ООО, но и непосредственно Е. как единственному учредителю и собственнику здания, он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК, т.е. злоупотребление полномочиями, повлекшее тяжкие последствия [11].

Как следует из приведенного примера, имущественный ущерб в виде обращения взыскания со стороны банка на недостроенное здание вызван действиями Т., который предоставил его в качестве залога, заведомо не намереваясь выплачивать проценты по кредиту. При этом собственником залогового имущества а также единственным учредителем данной организации являлся Е. Действия Т. очевидно противоречили интересам организации и стали возможными исключительно ввиду того, что совершались без согласия и в тайне от Е. Как итог, последствия в виде имущественного ущерба причинены не только организации, но и гражданину Е. как собственнику утраченного имущества.

Таким образом, анализ признаков объективной стороны злоупотребления полномочиями позволяет сделать вывод о том, что преступление имеет материальную конструкцию состава преступления. Поскольку обязательным признаком состава является наличие специального субъекта, то совершаемое деяние обусловлено служебным положением виновного, основано на его авторитете или связано с осуществляемыми им функциями. Однако оно не вызвано служебной необходимостью, противоречит законным интересам организации, а также тем целям и задачам, для достижения которых это лицо было наделено соответствующими полномочиями. Помимо того, что преступное деяние может быть совершено в форме как действия, так и бездействия, в ходе квалификации следует учитывать многообразие форм его выражения в каждом конкретном случае. Обязательным признаком объективной стороны являются общественно опасные последствия, выраженные в причинении существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций, а также охраняемым законом интересам общества или государства.

Библиографический список

1. *Гришин Д.А.* Уголовная ответственность за преступления в сфере интересов службы в коммерческих и иных организациях: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 23 с.

2. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. М.: Проспект, 2022. 976 с.

3. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях: научно-практический комментарий к главе 23 Уголовного кодекса Российской Федерации / отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М.: Проспект, 2022. 136 с.

4. *Волженкин Б.*В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 558 с.

5. *Клепицкий И.*А. Новое экономическое уголовное право: монография. М.: Проспект, 2022. 984 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях» // Российская газета. 2021. 16 июля.

7. *Кононов Д.А.* Злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп: уголовно-правовая характеристика: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 27 с.

8. *Аснис А.Я.* Уголовная ответственность за служебные преступления в России: проблемы законодательного закрепления и правоприменения: автореф. дис… д-ра юрид. наук. М., 2005. 60 с.

9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2023 г. № 43-УД23-1-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

10. *Крылова А.*В. Злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях: проблемы уголовно-правовой квалификации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 266 с.

11. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 6 марта 2014 г. № 18-АПУ14-8 // СПС «КонсультантПлюс».

М.М. Лапунин,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

Е.В. Лапунина,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОЕ ДРОППЕРСТВО КАК ВТОРИЧНАЯ ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В последние годы наряду с другой терминологией, связанной с дистанционными мошенничествами, в русский язык вошло слово «дроппер» (от англ. dropper – «сбрасыватель», «бомбометатель»). Следует оговориться, что под дроппером понимается семейство вредоносных программ [1, с. 6] (упрощенно – разновидность троянской программы), предназначенных для несанкционированной и (или) скрытой от пользователя установки на компьютер потерпевшего иного вредоносного программного обеспечения. Другое значение слова «дроппер» – это лицо, чья банковская карта используется для транзитного перевода или обналичивания похищенных у потерпевшего денег [2, с. 181]. Таким образом, дроппер – это всегда условный посредник, подставное лицо, будь то человек (в некоторых случаях юридическое лицо [3]) или компьютерная программа. В настоящей статье речь будет вестись о дропперах-людях, причем о той категории людей, которые не являются соучастниками в преступлениях, средствами от которых помогают распоряжаться.

Схемы, используемые дропперами, могут меняться от преступления к преступлению. В одних случаях злоумышленники для отмывания денег нуждаются в том, чтобы дроппер внес на свой счет («залил») наличные деньги, например полученные от продажи наркотиков, и перевел

их на иной счет. В других случаях речь идет о транзите, запутывании следов (дропперу на карту поступают преступно добытые средства, которые он переводит на указанный преступником счет). В иных ситуациях у преступников есть потребность в обналичивании денег, и они просят дроппера снять для них в банкомате заранее переведенные ему на счет деньги. Существуют также курьеры-дропперы, которых преступники под разными предлогами направляют к жертвам за имуществом.

Наиболее опытные преступники используют сразу несколько видов «дропа», максимально запутывая следы, ведущие к похитителю денежных средств или их легализатору.

Согласно оценкам Сбербанка, на середину 2025 г. в Российской Федерации действовало примерно 2 млн дропперов [4]. Очевидно, что такая деятельность объективно способствует совершению различных преступлений (чаще всего это мошенничество, но также торговля оружием и наркотиками, легализация преступных доходов и иные общественно опасные деяния, в том числе террористические акты). Из-за масштабов распространения дропперства и социальных последствий такого рода занятий законодатель путем принятия Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» [5] дополнил указанную в его названии статью частями 3–6.

Две из этих частей посвящены случаям совершения незаконных операций клиентами оператора по переводу денежных средств (далее для упрощения – Банк). Еще две части (пятая и шестая) в качестве субъекта преступления рассматривают только лиц, не являющихся стороной договора об использовании этого электронного средства платежа, заключенного с оператором по переводу денежных средств.

Остановимся подробнее на более «классических» вариантах дропа, когда в качестве дропперов выступают именно клиенты Банка.

Часть 3 ст. 187 УК РФ устанавливает ответственность за передачу из корыстной заинтересованности клиентом Банка предоставленных ему Банком электронного средства платежа и (или) доступа к нему другому лицу для осуществления таким лицом неправомерных операций. Максимальное наказание – до трех лет лишения свободы (таким образом, законодатель расценивает подобные деяния в качестве преступлений небольшой степени тяжести).

Согласно ч. 4 той же статьи преступлением признается и осуществление из корыстной заинтересованности клиентом Банка неправомерных операций с использованием электронного средства платежа, предоставленного ему Банком, по указанию другого лица и (или) в интересах такого лица (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ.

Санкция за данное деяние полностью совпадает с предыдущей, закрепленной в ч. 3. Соответственно, с точки зрения законодателя, абсолютно равной степенью общественной опасности обладают как передача банковской карты чужому человеку, так и собственноручное осуществление незаконных операций с использованием такой карты. В таком случае не понятно, зачем вообще было дробить сходные деяния по разным частям ст. 187 УК РФ. Разве только из-за желания не перегрузить диспозицию сложными речевыми оборотами? Либо из-за указания в ч. 4 ст. 187 УК РФ на отсутствие признаков преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ? В последнем случае ст. 172 УК РФ и без подобной оговорки оставалась бы специальной по отношению к ч. 4 ст. 187 УК РФ в силу а) указания на крупный ущерб/крупный размер, б) «профессиональной», систематической деятельности, аналогичной банковской, чего не должно быть в ситуациях, описываемых в ч. 4 ст. 187 УК РФ. Поэтому логично, что наказание даже по ч. 1 ст. 172 УК РФ выше наказания, предусмотренного в ч. 3 и 4 ст. 187 УК РФ. Отметим, что в последних закреплены конструкции составов преступлений, сконструированные как формальные – общественно опасные последствия в них не прописаны. Более того, отсутствуют и квалифицированные составы преступлений для дропперов, в которых речь бы шла о крупном или особо крупном размере сделок.

Показательно, что с учетом повышенного общественного резонанса и масштабов распространения дистанционного мошенничества в современном мире законодатель установил за передачу банковских карт более строгую ответственность, чем даже за передачу паспорта (по ч. 1 ст. 173.2 УК РФ за предоставление документа, удостоверяющего личность, для внесения в Единый государственный реестр юридических лиц либо Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей сведений о подставном лице, нормотворец вообще не предусмотрел лишения свободы в качестве наказания).

Оговорка об отсутствии признаков ст. 172.3 УК РФ наталкивает на мысль о том, как тогда соотносить рассматриваемые случаи совершения деяний, подпадающих под ст. 187 УК РФ, с иными преступлениями.

Прежде всего речь идет о мошенничестве. Дроппер в том смысле, который закладывается в него уголовно-правовой новеллой, – не соучастник (в силу отсутствия субъективных признаков соучастия) хищения, полученные средства от которого проходят через счет дроппера. В противном случае, нарушая принцип бритвы Оккама, будет лишь дублироваться понятие пособника.

С точки зрения уголовно-правовой доктрины и буквы уголовного закона есть четыре основных варианта, когда используется банковский счет физиче-

ского лица для перевода преступно добытых средств.

1. Владелец счета никому не предоставляет возможности пользоваться счетом, полностью соблюдает закон, а виновное лицо, например, взламывает программное обеспечение Банка и осуществляет переводы. В таком случае можно вести речь о классическом совершении (исполнении) преступления, владелец счета не подлежит никакой ответственности (логично, что не только уголовно-правовой).

2. Владелец счета знает, для каких преступных целей предоставляет другому лицу свой счет, причем в данном случае не имеет значения наличие корыстной заинтересованности. Такое участие в совершении умышленного преступления укладывается в понимание соучастия в преступлении – ч. 5 ст. 33 УК РФ. Это пособничество, в частности, в хищении. Применять в данном случае ч. 3 или 4 ст. 187 УК РФ бессмысленно, поскольку соучастие даже в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину), наказывается строже, не говоря уже о деяниях, подпадающих под ч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ). Вместе с тем возникает вопрос: следует ли в подобных случаях вменять совокупность преступлений (соответствующие части ст. 187 и 159 УК РФ)? Полагаем, что на этот вопрос следует ответить отрицательно: предоставление доступа к своему банковскому счету здесь выступает объективной стороной пособничества в хищении и не подлежит двойной оценке. Кроме того, законодатель сам исключил совокупность, например, со ст. 172.3 УК РФ.

3. Лицо не участвовало в самом мошенничестве, заранее не обещало помощь исполнителю хищения, но к моменту совершения операций по карте было осведомлено о преступном характере такой операции. В данном случае логично применять положения ст. 174 УК РФ («Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем») либо ст. 175 УК РФ («Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем») при отсутствии цели легализации. Ситуация усложняется тем, что по ч. 1 ст. 174 и ч. 1 ст. 175 УК РФ наказание предусмотрено мягче, чем наказание по ч. 4 ст. 187 УК РФ, а квалифицированные либо особо квалифицированные составы легализации и сбыта, напротив, строже. В подобных ситуациях остается простор для деятельности правоприменителя. Как представляется, необходимо уточнение этого вопроса в постановлении Пленума Верховного Суда РФ [6]. Считаем правильным подход, согласно которому под ч. 4 ст. 187 УК РФ должны подпадать случаи, описанные ниже (вариант 4), но и здесь будет нарушать-

ся принцип справедливости: человек, который осознает лишь неправомерный, но не преступный характер происхождения переводимых денежных средств, наказывается строже, чем виновный со знанием преступного характера отмываемого или сбываемого имущества.

4. Лицо передает доступ к своему счету, банковской карте из корыстной заинтересованности (как правило, за денежное вознаграждение), но при этом понятия не имеет, кому и в каком именно преступлении (и преступлении ли – возможно, административно наказуемом деянии или вовсе аморальном поступке) помогает «контрагенту». Представляется, что именно на такую категорию лиц, которые не являются соучастниками хищений, рассчитаны рассматриваемые уголовно-правовые новеллы. Если же говорить предметно про ч. 4 ст. 187 УК РФ, то там подразумевается ситуация с частным случаем посредственного причинения вреда: руками дроппера совершается иное преступление, причем он не подлежит ответственности (за первичное, предикатное) преступление в силу отсутствия у него вины. Разумеется, с учетом изменений уголовного закона дроппер подлежит ответственности, но, подчеркнем, не за мошенничество, например, а именно за неправомерную операцию: в отношении этого деяния вина дроппера будет иметь место. Таким образом, речь можно вести о применении положений ч. 2 ст. 33 УК РФ, касающихся посредственного причинения вреда (исполнителем признается также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или иных обстоятельств, предусмотренных УК РФ).

Приведенный анализ показывает, что с точки зрения уголовного права дропперство – фактически вторичная преступная деятельность (одновременно и прикосновенность к преступлению) [7]. Такая деятельность приобрела общественную опасность не сама по себе (ведь собственно передача банковской карты не вредит обществу в большинстве бытовых ситуаций), а в связи с иным, основным, предикатным преступлением. Если трактовать дроппера как любого посредника в преступлении, независимо от его психического отношения с содеянному, то понятие будет размываться, ассоциироваться с соучастием в преступлении.

Хотя законодатель, в отличие, например, от ст. 174 УК РФ, прямо не указывает на связь деятельности дроппера с другим преступлением, фактически без нее ответственность по ч. 3–6 ст. 187 УК РФ крайне маловероятна. Это следует из понятия «неправомерная операция», раскрытого в примечании 3 к ст. 187 УК РФ, из процессуальных особенностей возбуждения уголовных дел, а также из самого понятия преступления, закрепленного в ст. 14 УК РФ (признак обществен-

ной опасности). Сама по себе передача карты, пусть и из корыстной заинтересованности, другому лицу не всегда общественно опасна. Так, один брат А. одалживает банковскую карту другому брату Б. для покупки какого-то товара в тайне от супруги (например, украшение в подарок на юбилей свадьбы), при этом взяв с брата Б. за услугу тысячу рублей. В силу трактовки неправомерной операции законодателем здесь таковой не будет, т.к. операция совершена с согласия клиента Банка – брата А. и из денег, которыми брат А. владеет законно.

Несмотря на то, что уголовные дела о преступлениях, связанных с неправомерным оборотом средств платежей, признаются делами публичного обвинения (ст. 20 УПК РФ), перспективы возбуждения такого дела при отсутствии хоть какого-то потерпевшего (реального или потенциального) стремятся к нулю, особенно в силу толкования неправомерной операции.

Необходимо также учитывать тот факт, что согласно примечанию 4 к ст. 187 УК РФ возможно освобождение от уголовной ответственности по ч. 3–4 ст. 187 УК РФ лиц, которые активно способствовали раскрытию и (или) расследованию преступления и добровольно сообщили о лицах, совершивших другие преступления (!) с использованием предоставленного им оператором по переводу денежных средств электронного средства платежа. Логично предположить, что законный интерес быть освобожденным от уголовной ответственности есть в равной степени как у лица, которое передачей банковской карты способствовало совершению другого преступления, так и у лиц, которые потворствовали чьему-то административному или финансовому проступку. Однако, как видим, законодатель ведет речь именно про «другие преступления», что подчеркивает вторичный характер «дропперской» преступной деятельности.

Можно предположить, что в диспозиции ч. 3–4 ст. 187 УК РФ упоминание о других преступлениях не сделано лишь для облегчения доказывания вины дропперов.

Особо следует подчеркнуть, что перечень преступлений, к которым оказывается прикосновенным дроппер, законодатель не ограничивает. Несмотря на то, что внесение изменений в уголовный закон было связано с усилением борьбы с дистанционными мошенничествами в России, фактически под действие ч. 3–6 ст. 187 УК РФ в равной мере могут подпадать и лица, своей деятельностью способствующие отмыванию преступных доходов, контрабанде, торговле наркотиками или налоговым преступлениям. В последнем случае возможны варианты, когда в целях уклонения от уплаты налогов работодатель может обязать работников пользоваться личными банковскими картами для денежных переводов (например, сфера торговли, услуг).

В этом случае привлечение к уголовной ответственности работников будет хоть в какой-то степени логичным, когда действия самого инициатора незаконных операций (работодателя) подлежат уголовной ответственности. Если же последний привлекается лишь к налоговой или административной ответственности, то крайне нелогично привлекать прикосновенное лицо к уголовной ответственности (лишается сам смысл прикосновенности к преступлению). В таком случае возможно применение к деянию работников положений ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности.

Согласно п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ имущество, полученное в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, подлежит конфискации. В данном случае, разумеется, речь идет не об имуществе, подлежащем возврату законному владельцу (об этом подробно сказано и в ст. 104.3 «Возмещение причиненного ущерба» УК РФ), а о вознаграждении, которое, например, получило виновное в неправомерном обороте средств платежей лицо от похитителя имущества. В абсолютном большинстве случаев дропперы действуют за тот или иной гонорар, поэтому законодатель и упомянул в качестве признака субъективной стороны состава преступлений, предусмотренных в ч. 3–5 ст. 187 УК РФ, такой мотив, как корыстная заинтересованность.

Обобщая изложенное, следует отметить, что, несмотря на имеющиеся недостатки в законодательной регламентации новых составов преступлений, уголовно-правовое противодействие дропперству – важный шаг в сфере уголовной политики России, который позволит подорвать экономическую базу, прежде всего, организованной и профессиональной преступности.

Библиографический список

1. *Усеинова К.Р., Жапарбек А.*М. Дропперы как феномен цифрового правонарушения: границы понятий в теории права // Роль суда в формировании современной системы публично-правовых отношений: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., 25 апреля 2025 г. СПб.: Астерион, 2025. С. 5–9.

2. *Самсина Е.Е.* Мошенничество с использованием дропперов, меры противодействия // Вестник Национального института бизнеса. 2025. № 1 (57). С. 180–185.

3. Методические рекомендации о порядке действий в случае выявления хищения денежных средств в системах дистанционного банковского обслуживания, использующих электронные устройства клиента: разраб. Рабочей группой Ассоциации российских банков и НП «Национальный платежный совет» по предотвращению мошенничества в платежных системах, утв. Ассоциацией российских банков // Вестник Ассоциации российских банков. 2013. № 1-2.

4. Сбербанк подсчитал количество дропперов в России // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7715971 (дата обращения: 11.11.2025).

5. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 26, ч. 1, ст. 3506.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

7. *Лапунин М.*М. Вторичная преступная деятельность: понятие, виды, проблемы квалификации, криминализации и пенализации / науч. ред. Н.А. Лопашенко. М.: Волтерс Клувер, 2006. 240 с.

Т.Г. Мальцева,
преподаватель кафедры гражданского права
Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПО ДОГОВОРУ ПОМИНУТНОЙ АРЕНДЫ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА (КАРШЕРИНГА)

Цифровизация, оказавшая трансформирующее воздействие на сферу услуг, способствовала популяризации подписных сервисов. По этому поводу в научной литературе справедливо отмечается: «...коливинг вместо жилья, каршеринг вместо авто, фриланс вместо работы, стриминг вместо телевидения и т.п.» [1]. Каршеринг нередко именуется сервисом, обеспечивающим удовлетворение потребности в мобильности [2–4], что следует в целом признать справедливым. При этом приоритет, отдаваемый потребителями в пользу цифровых сервисов, предопределяет развитие каршеринга, радшеринга и устройств персональной мобильности именно в цифровом ключе [5].

Считается, что отечественный каршеринг достаточно молод, поскольку появился в нашей стране только в 2015 г. Однако по темпам роста занимает лидирующие позиции в мировом рейтинге. Очевидно, что обозначенные социально-экономические предпосылки предопределяют важность смещения законодательного фокуса на каршеринг.

Современное состояние отечественного правового регулирования каршеринговых отношений отличается отсутствием специального корпуса норм, что предопределяет правовую неопределенность по поводу договорной модели, опосредующей соответствующие отношения, ее квалифицирующих признаков, а также ее места в пандектной системе российского гражданского законодательства. Ученые, исследовавшие эту проблематику, обращают внимание на то, что «в России мало нормативных документов по каршерингу, не наработана и обширная судебная практика» [6]. В аналогичном смысловом ключе высказалась и А.Н. Тарасенкова: «Нет ни федерального закона о каршеринге, ни достаточной судебной практики. Есть лишь заявления о том, что это полноценный вид общественного транспорта, да ряд актов регионального уровня» [7].

Одной из самых обсуждаемых в научной литературе проблем, сформировавшихся вокруг каршеринговых отношений, остается поиск договорной конструкции, наиболее подходящей для них. Подавляющее большинство исследователей частного права придерживаются мнения, что каршеринг следует рассматривать через призму либо проката, либо аренды транспортных средств без экипажа. Значительно реже договор, опосредующий каршеринг, предлагается квалифицировать возмездным оказанием услуг или смешанной договорной конструкцией. Еще реже встречаются несмелые заявления о том, что каршерингу нужна иная договорная конструкция, однако не уточняется, какая именно.

Вопрос о допустимости квалификации каршеринга в качестве потребительской сделки относится к числу дискуссионных, в том числе по причине отсутствия законодательного регулирования в этой предметной сфере. Представляется, что каршеринг порождает сложные правоотношения, предполагающие заключение нескольких гражданско-правовых договоров, в числе которых договор аренды и лицензионный договор. Договор аренды, входящий в структуру каршеринговых отношений, обладает рядом специфических черт, позволяющих сделать вывод о его нетождественности с поименованными арендными договорными конструкциями. С учетом этого нами выдвинуто предложение о включении в ГК РФ новой договорной конструкции, опосредующей каршеринговые отношения, – договора поминутной аренды транспортного средства. Кроме того, поскольку каршеринг предназначен для предоставления легкового транспортного средства (автомобиля) за плату во временное владение и пользование физическому лицу для потребительских целей, на возникающие в связи с этим отношения распространяется законодательство о защите прав потребителей.

Противниками обозначенного подхода к пониманию каршеринговых отношений выступают каршеринговые компании, которые, пользуясь свободой договора и неурегулированностью отношений в данном транспортном сегменте, формулируют условия предлагаемых к заключению договоров таким образом, чтобы из них однозначно явствовал непотребительский характер сделки. Так, один из крупных игроков российского рынка каршеринговых услуг, работающий под брендом «Яндекс Драйв», неоднократно обращался в суд с просьбой о рассмотрении исков по месту нахождения каршеринговой компании, а не по месту жительства пользователя-истца, поскольку отношения, возникающие из каршеринговой сделки, не подчиняются правилам о защите прав потребителей, однако суд не принял эти доводы во внимание и справедливо отклонил их [8].

Представляется, что каршеринговые компании подпадают под право-

вое регулирование законодательства о защите прав потребителей прежде всего потому, что являются владельцами агрегатора информации о товарах (услугах). Правовой статус указанного участника потребительских правоотношений получил нормативное закрепление чуть больше пяти лет назад в связи с принятием поправочного Федерального закона от 29 июля 2018 г. [9], внесшего изменения в законодательство о защите прав потребителей. При этом законодатель пошел по пути включения в указанное законодательство легальной дефиниции владельца агрегатора информации о товарах (услугах).

Наиболее резонансными следует признать условия каршеринговых договоров, направленных на установление штрафов за различные нарушения договорных условий, например за участие в ДТП, передачу управления третьим лицам, передачу учетной записи в приложении. Вместе с тем такие условия следует признать не соответствующими законодательству о защите прав потребителей, а также правоприменительной практике, связанной с его применением [10]. Размер штрафов, предусмотренных условиями каршеринговых договоров, подлежит дифференциации в зависимости от различных факторов, в частности, типа подписки (тарифа) или класса транспортного средства, взятого в каршеринг. При этом размер штрафов следует признать необоснованно высоким, особенно с учетом потребительского характера соответствующей сделки[1] [11]. Квалифицируя эти штрафы договорной неустойкой, следует признать их явную несоразмерность последствиям нарушения обязательства [12].

Среди представителей цивилистической доктрины есть ученые, отстаивающие необходимость признания за пользователями каршеринга статуса потребителя услуги. Так, М.О. Сокович, квалифицируя каршеринг в качестве особого проката, подчеркивает важность защиты пользователей как потребителей каршеринговой услуги. Т.А. Бубновская и Ю.Б. Суворов, рассуждая в аналогичном смысловом ключе, предлагают аргументы в поддержку занятой ими позиции. Они пишут о том, что каршеринговые компании обычно обозначают свой вид предпринимательской деятельности по ОКВЭД как «Услуги по аренде и лизингу легковых автомобилей и легких автотранспортных средств». Кроме того, названные ученые связывают потребительский характер каршеринговой сделки с прямым указанием на это в постановлении Правительства Москвы от 17 мая 2013 г. № 289-ПП [13].

[1] Например, по условиям договора присоединения, предлагаемого к заключению каршеринговым сервисом «Белкакар», за участие в ДТП, возникшем по вине пользователя, обоюдной вине обоих участников дорожного движения или в ситуации, когда вина участников ДТП установлена быть не может, пользователь уплачивает штраф в размере 240 000 рублей, если он управлял Porsche Macan, и в размере 400 000 рублей, если он управлял Tesla Model 3.

В контексте изучения особенностей защиты прав потребителей каршеринговых услуг трудно обойти вниманием проблему квалификации каршеринговой сделки как публичного договора. Этот вопрос неоднократно становился предметом судебных разбирательств. Так, подобный спор возник в связи с инцидентом, произошедшим в Свердловской области, где Управление Роспотребнадзора выдвинуло предписание ООО «Каршеринг Руссия», известному как «Делимобиль», в связи с тем, что в договоре, предлагаемом к заключению этой компанией, содержались условия, ущемляющие права потребителя (например, порядок расчетов только в безналичной форме). Свердловский областной суд [14], а вслед за ним и Семнадцатый арбитражный апелляционный суд [15] пришли к выводу, что спорные договоры, оформляющие каршеринговые правоотношения, являются публичными. Однако Арбитражный суд Уральского округа пришел к прямо противоположному выводу [16].

Анализ договоров, оформляющих каршеринг и имеющихся в арсенале ныне действующих каршеринговых компаний, позволяет сделать однозначный вывод о том, что они являются договорами присоединения. Это, в частности, означает, что пользователь-потребитель еще и ограничен в возможности формирования договорных условий, поскольку пользование каршеринговым сервисом предполагает безоговорочное принятие условий соответствующих договоров.

Учитывая, что каршеринг порождает правоотношения, в которых одна сторона – каршеринговая компания – является профессиональным участником оборота, систематически осуществляющим подобную деятельность [17], а вторая сторона – физическим лицом-потребителем, очевидно, что все возникающие в ходе этих отношений вопросы должны рассматриваться также через призму доктрины «слабой стороны» сделки.

Таким образом, особенности защиты прав потребителей по договору поминутной аренды транспортного средства (каршеринга) находятся в прямой зависимости от юридической квалификации соответствующей сделки. По нашему мнению, указанный договор является публичным договором и при этом сконструирован как договор присоединения. Участие в каршеринговых отношениях потребителя как слабой стороны сделки с необходимостью ставит вопрос о создании дополнительных гарантий защиты потребительских прав, включая запрет на включение в договор условий о штрафах, их безакцептном списании и т.п.

Библиографический список

1. *Дмитрик Н.*А. Частное, публичное, цифровое: в поисках системы координат для права // Закон. 2023. № 12. С. 15–28.

2. *Мищенко Е.В., Филиппова Е.О.* Криминологическая характеристика дорожно-транспортных происшествий с участием несовершеннолетних // Российский следователь. 2022. № 11. С. 60–63.

3. *Хугаева Д.И.* Правовое регулирование коммерческого посредничества цифровых платформ и экосистем // Юрист. 2022. № 6. С. 22–28.

4. *Митрошин Д.В., Баканов К.С., Исаев М.*М. Перспективы правового и технического регулирования использования средств индивидуальной мобильности // Безопасность дорожного движения. 2024. № 1. С. 11–30.

5. *Емельянцев В.*П. Цифровизация экономики и ее влияние на реновацию институтов гражданского права // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 36–53.

6. *Бубновская Т.А., Суворов Ю.Б.* К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // Юрист. 2018. № 7. С. 32–36.

7. *Тарасенкова А.Н.* Движимое имущество: что, где и как арендовать // Библиотечка «Российской газеты». 2021. Вып. 6.

8. Материалы гражданского дела № 2-5259/2020 Приморского районного суда Санкт-Петербурга // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 290-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О защите прав потребителей”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.10.2025).

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 30 июня.

11. См.: Сайт каршерингового сервиса «Белкакар». URL: https://belkacar.ru/legal/contract.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 января 2019 г. № 25-КГ18-8 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Правительства Москвы от 17 мая 2013 г. № 289-ПП «Об организации платных парковок в городе Москве» (в ред. от 15 ноября 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 7 октября 2020 г. по делу № А60-33607/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 января 2021 г. № 17АП-14949/2020-АК // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29 апреля 2021 г. № Ф09-1188/21 по делу № А60-33607/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 ноября 2023 г. № 88-23968/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Н.И. Насиров,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии

СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ И ФОРМЫ ИХ ПОДДЕРЖАНИЯ

Забота о несовершеннолетних и их духовно-нравственное воспитание на основе российских традиционных ценностей входят в число приоритетных направлений политики государства в сфере защиты детства. Публичная власть формирует правовую базу и создает социальную инфраструктуру, ориентированные на гармоничное развитие подрастающего поколения. В целях комплексного обеспечения безопасных условий развития детей Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. утверждена Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года [1]. Образующие ее структуру положения содержат основные направления реализации политики государства в указанной сфере и эффективные меры по защите детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие.

В целях нейтрализации детерминантов аутоагрессивного, девиантного, противоправного и иного отклоняющегося поведения несовершеннолетних принято отдельное профилактическое законодательство [2]. Уголовный кодекс РФ включает в свою структуру раздел V, посвященный уголовной ответственности лиц, не достигших совершеннолетия, – «Уголовная ответственность несовершеннолетних» [3]. В числе уголовных наказаний, применение которых допускается в отношении лиц данной возрастной группы, лишение свободы занимает особое место. Оно является самым строгим видом наказания и заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в воспитательную колонию. По официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. суды приговорили к лишению свободы 2 222 лица, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте [4].

Они отбывали наказания в 13 воспитательных колониях [5].

Порядок исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, не достигших совершеннолетия, регламентирован уголовно-исполнительным законодательством России [6]. Несовершеннолетние осужденные составляют отдельную группу адресатов пенитенциарного воздействия. В частности, процесс исполнения данного вида наказания в отношении несовершеннолетних, условия их содержания, порядок организации с ними воспитательной работы, стимулирование у них законопослушного поведения регламентированы нормами гл. 17 УИК РФ «Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях».

Пенитенциарное воздействие на сознание и волю несовершеннолетних осужденных включает широкий спектр воспитательных и реабилитационных мер. Его осуществление, с одной стороны, ориентировано на купирование общественной опасности личности несовершеннолетнего осужденного, а с другой стороны – на формирование у последнего социально ориентированных ценностей, позволяющих ему успешно реинтегрироваться в социум после освобождения от отбывания лишения свободы. Немаловажную роль в обеспечении указанного результата играет социально полезная связь несовершеннолетнего осужденного с близкими родственниками. На администрацию воспитательной колонии возложена обязанность по содействию осужденным в восстановлении и укреплении социальных связей с обществом, в том числе с близкими родственниками. Следует обратить внимание на то, что к восстановлению и сохранению семейно-родственных связей осужденных к лишению свободы призывают и международные документы пенитенциарного характера. В частности, Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) гласят: «Особое внимание следует уделять поддержанию и укреплению связей между заключенным и его семьей, которые представляются желательными и служат интересам обеих сторон» (правило 106). Более того, ч. 2 правила 88 указанного международного акта рекомендует ратифицировавшим его государствам «при каждом тюремном учреждении... иметь социальных работников, заботящихся о поддержании и укреплении желательных отношений заключенного с его семьей и могущими принести ему пользу социальными организациями» [7].

Уголовно-исполнительное законодательство России предусматривает возможность поддержания осужденными непосредственной или опосредованной коммуникации с родственниками. К числу опосредованной коммуникации можно отнести свидание с родственниками, выезды за пределы воспитательной колонии для встречи с ними.

Опосредованная коммуникация несовершеннолетнего осужденного с родственниками предполагает телефонные переговоры, получение посылок, переписку с близкими людьми и т.д.

Виды свиданий осужденных к лишению свободы и порядок их предоставления регламентированы ст. 89 УИК РФ. Действующее законодательство предусматривает три вида свиданий осужденных: краткосрочное свидание продолжительностью четыре часа, которое предоставляется на территории исправительного учреждения; длительное свидание продолжительностью трое суток, которое предоставляется на территории исправительного учреждения; особо длительное свидание продолжительностью пять суток, которое предоставляется за пределами территории исправительного учреждения.

Свидание предоставляется с родственниками (супругом/супругой, родителями, детьми, усыновителями, усыновленными, родными братьями и сестрами, дедушками, бабушками и т.д.), а с разрешения начальника воспитательной колонии – с иными лицами. Количество свиданий несовершеннолетних осужденных к лишению свободы зависит от вида условий их содержания. Например, в обычных условиях воспитательной колонии несовершеннолетним осужденным к лишению свободы разрешается четыре длительных свидания на территории колонии в течение года. В облегченных условиях содержания несовершеннолетних осужденных разрешается шесть длительных свиданий за пределами колонии в течение года (п. «б» ч. 1, п. «б» ч. 3 ст. 133 УИК РФ).

Уголовно-исполнительное законодательство России предусматривает возможность выезда несовершеннолетним осужденным за пределы воспитательной колонии. Он разрешается в сопровождении совершеннолетнего родственника (родители, законные представители, братья, сестры, дедушки, бабушки и т.д.). Законодатель дифференцировал выезд на три вида:

- краткосрочные выезды – продолжительностью до семи суток, не считая времени на проезд в прямом и обратном направлениях. Такие выезды допускаются в связи с исключительными личными обстоятельствами (смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного, стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье);
- длительные выезды – продолжительностью до пятнадцати суток, не считая времени на проезд в прямом и обратном направлениях. На данный выезд может рассчитывать несовершеннолетняя осужденная, имеющая ребенка;
- особо длительные выезды – продолжительностью от восемнадцати до двадцати четырех рабочих дней, предоставляются работающим несовершеннолетним осужденным на вре-

мя ежегодного оплачиваемого отпуска (ст. 97 УИК РФ).

Выезд за пределы воспитательной колонии разрешается несовершеннолетним осужденным в сопровождении совершеннолетнего родственника или иного лица (родители, братья, сестры, дедушки, бабушки, лица, замещающие родителей, и т.д.).

Поддерживать связь со своими родственниками несовершеннолетний осужденный к лишению свободы может посредством телефонных переговоров (ст. 92 УИК РФ). По общему правилу, количество телефонных разговоров не ограничено. Вместе с тем законодатель уточняет, что при отсутствии технических возможностей количество телефонных разговоров может быть ограничено до двенадцати в год. Телефонные переговоры осуществляются в специально оборудованных пунктах или выделенных для этих целей помещениях исправительного учреждения, оснащенных абонентскими устройствами с технической возможностью обеспечения контроля проводимых переговоров. В последние годы в отечественной пенитенциарной системе широко реализуется практика осуществления телефонных разговоров с использованием средств видеосвязи. Продолжительность каждого разговора, в том числе с применением систем видеосвязи, не должна превышать пятнадцать минут. Телефонные переговоры оплачиваются осужденными за счет собственных средств либо за счет средств их родственников или иных лиц [8].

Несовершеннолетним осужденным к лишению свободы разрешается получать и отправлять за счет собственных средств письма без ограничения их количества. Такая опосредованная коммуникация между родственниками, отбывающими наказание в исправительных учреждениях, возможна только с разрешения администрации. В последние годы осужденным разрешается отправление родственникам электронных писем. Для этих целей исправительные учреждения оснащаются соответствующими информационными терминалами.

Уголовно-исполнительное законодательство России предусматривает возможность участия членов семьи несовершеннолетнего осужденного к лишению свободы в его воспитании в период отбывания им наказания. Так, согласно ст. 142 УИК РФ, «в целях повышения эффективности воспитательного воздействия на осужденных и оказания помощи администрации воспитательных колоний при отрядах колоний могут создаваться родительские комитеты из родителей, лиц, их заменяющих, и других близких родственников осужденных». Деятельность данного коллегиального органа регулируется утвержденным начальником исправительного учреждения положением. Председатель родительского комитета одновременно является членом учебно-воспитательного

совета воспитательной колонии. Комитет оказывает помощь администрации воспитательной колонии в вопросах взаимодействия несовершеннолетнего осужденного к лишению свободы с семьей, закрепления результатов воспитательного воздействия на лиц, освобожденных из воспитательной колонии, и т.д. [9].

Изложенное позволяет констатировать, что Российская Федерация уделяет особое внимание безопасности несовершеннолетних, профилактике правонарушений с их участием, уголовному и пенитенциарному воздействию на их личность. В числе исправительных и реабилитирующих мероприятий, реализуемых в отношении несовершеннолетних осужденных к лишению свободы, ключевое место занимает их семейно-родственная связь. Оказание помощи несовершеннолетнему осужденному к лишению свободы в восстановлении и укреплении связей с родственниками входит в число непосредственных обязанностей администрации воспитательной колонии. Такой законодательный подход представляется оправданным, поскольку семья играет важную роль в жизни любого человека. Как отмечают по этому поводу Ф.А. Мустаева, З.Л. Сизоненко и О.Н. Юлдашева, от семьи «зависит физическое, эмоциональное и социальное развитие индивида на протяжении всей жизни» [10, с. 143]. В режимных условиях несовершеннолетний осужденный испытывает глубокие переживания и нередко утрачивает социально полезные связи с обществом, включая родственников. Изменение социального окружения и утрата контактов с близкими людьми в отдельных случаях порождает депрессивное состояние у осужденного подростка, создает почву для вовлечения его в деструктивную деятельность. По этой причине восстановление и укрепление контактов несовершеннолетнего осужденного с близкими родственниками должно занимать ключевое место в деятельности администрации воспитательной колонии. Сохранение и укрепление семейно-родственных связей осужденных рассматриваемой возрастной группы поможет, во-первых, компенсировать негативные последствия социальной изоляции, во-вторых, успешно адаптироваться в обществе после освобождения от отбывания наказания.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 21, ст. 3696.

2. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 1 апреля 2025 г.) // СЗ РФ. 1999. № 26, ст. 3177; 2025. № 14, ст. 1588.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 17 ноября 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2025. № 47, ст. 7048.

4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 12.10.2025).

5. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Официальный сайт ФСИН России. URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (дата обращения: 12.10.2025).

6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 7 апреля 2025 г.) // СЗ РФ. 1997. № 2, ст. 198; 2025. № 15, ст. 1797.

7. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы): приняты Резолюцией Генеральной Ассамблии ООН 17 декабря 2015 г. // Советская юстиция. 1992. № 2. С. 19.

8. *Насиров Н.И.* Обеспечение поддержания семейных связей несовершеннолетних осужденных к лишению свободы как средство их ресоциализации // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: матер. XIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Тамбов, 18–19 апреля 2024 г.). Тамбов: ИД «Державинский», 2024. С. 317–320.

9. Приказ Минюста России от 21 июня 2005 г. № 91 «Об утверждении Инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний» // СПС «КонсультантПлюс».

10. *Мустаева Ф.А., Сизоненко З.Л., Юлдашева О.Н.* Исследование роли семьи в жизни пожилого человека // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 10. С. 143–147.

Г.Б. Петрова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии

Е.Э. Стародубцев,
студент 4 курса Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии

ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1] [далее – УПК РФ] определяет одним из принципиальных назначений российского уголовного процесса защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод наравне с собственно защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6).

Одним из существующих в системе российского уголовного судопроизводства механизмов реализации этой задачи уголовного процесса является отказ государственного обвинителя от обвинения в его части или полностью, санкционированный ч. 7 ст. 246 УПК РФ. Данная норма позволяет государственному обвинителю на основании его собственного убеждения в том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленного подсудимому обвинение, отказаться от обвинения с изложением суду мотивов такого решения. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения влечет прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по отдельным основаниям.

Системный анализ норм уголовно-процессуального права обнаруживает отсутствие четкой законодательной регламентации различных материальных и процедурных аспектов исследуемого института. И, как справедливо отмечала Н.А. Жумаканова, «меры, принимаемые Пленумом ВС РФ, Генеральной прокуратурой РФ, которые пытаются решить

эти проблемы путем дачи разъяснений, явно недостаточны» [2, с. 4].

Прежде всего действующая система уголовно-процессуальных норм не разрешает вопрос о том, является отказ гособвинителя от обвинения его правом или обязанностью. Отсутствие формально-определенного указания видится существенным пробелом в регулировании данного института.

Законодательное разрешение этого концептуально значимого вопроса является, на наш взгляд, крайне необходимым: позиционирование отказа от обвинения как меры дозволенного процессуального поведения гособвинителя ввиду субъективной вариативности действий попирает императивность принципов и верховенство задач уголовного процесса в части защиты личности от незаконного или необоснованного обвинения. А.А. Михайлов утверждает, что изменение прокурором обвинения или отказ от него в суде при наличии указанных законом оснований должно являться его обязанностью [3, с. 9]. Однако, если оценивать отказ от обвинения как меру должного поведения гособвинителя, неразрешенным остается вопрос об уголовно-процессуальных и иных правовых последствиях, в том числе о юридической ответственности обвинителя и как субъекта уголовно-процессуальной деятельности, и как служащего органов прокуратуры.

В соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ отказ от государственного обвинения влечет прекращение уголовного дела или преследования полностью или в части по основаниям отсутствия события преступления, отсутствия состава преступления, непричастности обвиняемого, а также по основаниям истечения сроков давности преследования, смерти обвиняемого, отсутствия заявления потерпевшего по делам частного обвинения и прочим (пп. 1–6 ст. 24, п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), т.е. как по реабилитирующим, так и нереабилитирующим основаниям. Соглашаясь с позицией Н.А. Жумакановой, подчеркнем, что данная буква закона обнаруживает противоречие «самой сути отказа от обвинения» [2, с. 9], возможного, по мнению автора, только по реабилитирующим основаниям. Схожей позиции придерживается А.А. Михайлов, справедливо замечая, что «основаниями отказа прокурора от обвинения следует считать только обстоятельства, указанные в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ» [3, с. 9].

«Стоит заметить, что, согласно ст. 17 УПК, суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, причем формирование этого убеждения происходит постепенно, по мере исследования доказательств, в ходе судебного следствия и прений. К моменту, когда гособвинитель принял решение отказаться от обвинения, суд, возможно, тоже сформировал свое мнение. И возникает вопрос о том, как же быть, если это мнение не совпадает с мнением государственного обвинителя» [4, с. 56]. Гособвинитель

должен изложить суду мотивы отказа от обвинения, однако их состоятельность, исходя из положений ч. 7 ст. 246 УПК РФ, не образует предмет судебной дискреции. В то же время Конституционный Суд РФ разъяснил, что мотивированность решения гособвинителя предполагает возможность его последующей проверки, но только в рамках апелляционного рассмотрения судебного решения, принятого на основании отказа от обвинения [5].

«При этом в силу прямого указания закона анализировать и давать какую-либо оценку правильности позиции государственного обвинителя, отказавшегося от обвинения, суд апелляционной инстанции не уполномочен», – следует из апелляционного постановления Фрунзенского районного суда г. Саратова № 10-9/2020 от 11 ноября 2020 г. по делу № 10-4/2020 по жалобе адвоката В.Д. Холоденко [6].

В своей жалобе адвокат, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии кандидат юридических наук, доцент В.Д. Холоденко, будучи представителем потерпевшего, указал, что считает отказ государственного обвинителя от обвинения незаконным, необоснованным и немотивированным, поскольку выводы, изложенные в отказе, противоречат материалам уголовного дела и исследованным в процессе рассмотрения дела доказательствам. По его мнению, государственный обвинитель при отказе от обвинения не оценил показания потерпевшего, а также показания свидетелей и письменные доказательства по делу; что в нарушение требований ч. 4 ст. 7 и ч. 7 ст. 246 УПК РФ суд не потребовал от государственного обвинителя изложить мотивы отказа от обвинения по каждому вмененному эпизоду, изложить мотивы, по которым тот отверг каждое из исследованных в судебном заседании доказательств предъявленного обвинения. «Данный немотивированный отказ от обвинения не мог иметь для суда обязательной силы», – отмтил В.Д. Холоденко.

Обязательность прекращения судом уголовного дела или преследования полностью или в его части при отказе гособвинителя от обвинения, о чем свидетельствует правовая позиция Верховного Суда РФ [7], также вызывает дискуссию в доктрине. Так, В.Ю. Стельмах подчеркивает, что императивность отказа от обвинения «в определенной мере нарушает самостоятельность суда, поскольку обязывает выполнять волю одного представителя стороны без учета мнений других представителей этой же стороны» [8, с. 59]. Заслуживает внимания и позиция М.А. Лавнова, согласно которой при отказе гособвинителя от обвинения «уголовно-правовой конфликт разрешается постановлением о прекращении уголовного дела, которое по своей сущности и правовым свойствам не может быть тождественно оправдательному приговору» [4, с. 56]. «Лицо,

которое к этому моменту прошло достаточно долгий и непростой этап досудебного производства, – отмечает Лавнов, – лишается своего конституционного права на доступ к правосудию», т.е. права на правосудное разрешение собственного уголовно-правового положения в форме государственного-волевого акта – приговора от имени Российской Федерации.

Помимо этого, неразрешенным остается вопрос о возможности отказа гособвинителя от обвинения в производстве судов апелляционной и вышестоящих инстанций. Доктрина и практика российского уголовного процесса обнаруживают по данной проблематике явный дуализм.

Положения ст. 246 УПК РФ в системе с другими нормами образуют общие условия судебного разбирательства, регламентирующие его базисные процедурные аспекты вне зависимости от инстанции, что позволяет сделать вывод о возможности применения положений ч. 7 ст. 246 УПК РФ в судебном разбирательстве как в суде первой, так и вышестоящих инстанций, что находит подтверждение и в официальной правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в определении от 23 июня 2016 г. № 1260-О [9].

Разрешение вопроса о возможности отказа прокурора от обвинения в суде апелляционной инстанции представляется целесообразным искать в аналитическом рассмотрении самого концепта уголовного апелляционного разбирательства. М.С. Строгович характеризовал апелляционное производство как «форму обжалования и пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, при которой апелляционная инстанция по жалобе стороны вновь рассматривает дело так же, как его уже рассмотрел суд первой инстанции: проводит новое судебное следствие, заново допрашивает свидетелей и т.п., в результате чего выносит новый приговор» [10, с. 38]. Представленный советским ученым концепт апелляционного судебного разбирательства находит место и в системе современного уголовного судопроизводства.

Апелляционная инстанция, разрешая вопрос о законности, обоснованности и справедливости судебного акта первой инстанции – обвинительного или оправдательного приговора, так или иначе рассматривает по существу среди прочих материально- и процессуально-правовых аспектов судебной дискреции и состоятельность ранее исследованного судом в первой инстанции государственного обвинения, обеспечение которого также возлагается на гособвинителя. Однако это не исключает формирования у гособвинителя убеждения в том, что представленные доказательства, вопреки позиции суда первой инстанции (при апелляционном обжаловании обвинительного приговора) или в согласии с ней (при апелляционном обжаловании оправдательного приговора), не подтверждают, соответственно,

ранее вмененного осужденному или признанного судом несостоятельным обвинения.

Дают основания полагать возможность отказа гособвинителя от обвинения в апелляционном производстве также и взаимосвязанные положения ч. 7 ст. 246 и ст. 389.21 УПК РФ, в своей системе допускающие при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке отмену обвинительного приговора и прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2 ч. 1 ст. 24, пп. 1, 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Указанные основания равно обнаруживаются как в ч. 7 ст. 246, так и в ст. 389.21 УПК РФ в некотором дополнении.

Итак, анализ представленных и иных положений норм уголовно-процессуального права позволяет сделать вывод о том, что УПК РФ если прямо и не указывает на основания, порядок и последствия отказа гособвинителя от обвинения в апелляционной инстанции, то явно и не исключает данную меру процессуального поведения гособвинителя.

Однако же системный анализ правовых позиций высших судов обнаруживает положения, ставящие под сомнение допустимость отказа гособвинителя в апелляции. Так, Конституционный Суд РФ, указывая на формальную допустимость отказа гособвинителя от обвинения в апелляции, все же обратил внимание на то, что «приговор, который хотя и не вступил в законную силу, является принятым по итогам непосредственного исследования и оценки доказательств актом правосудия самостоятельного и независимого суда» [11].

Л.А. Воскобитова, рассматривая в качестве предмета судебного разбирательства вынесенный приговор, говорит об отсутствии возможности у прокурора отказаться от обвинения в суде апелляционной инстанции в связи с разрешением вопроса об обвинении в суде первой инстанции. При этом автор указывает на право прокурора (как стороны) просить суд об отмене вынесенного приговора и о прекращении производства по делу в случае выявления неправильного применения уголовного закона [12].

Кроме того, следует учитывать, что приговор суда первой инстанции есть результат отправления правосудия, т.е. реализации во властно-публичной непосредственной форме государственной судебной власти, возложенной на суды РФ ст. 10 Конституции РФ. Прокуратура же наделена статусом системы государственных органов, не являющихся ни согласно Конституции РФ, ни согласно Закону о прокуратуре [13] носителем государственной власти. Так, отказ от обвинения, ранее законно и обоснованно исследованного судом первой инстанции, нарушает принципы механизма суверенной организации публичной власти, попирает суверенитет судебной, т.е. государственной, власти.

Таким образом, анализ положений отдельных норм, регламентирующих материальные и процедурные аспекты отказа гособвинителя от обвинения, обнаруживает очевидную необходимость законодательного совершенствования данного института. Разрешить вышеприведенные нормативно-регламентационные и концептуальные проблемы исследуемого института способно «твердое слово» федерального законодателя.

Считаем необходимым предложить следующие законодательные изменения:

- исключить из ч. 7 ст. 246 УПК РФ указание на п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ как на одно из оснований прекращения уголовного дела за отказом гособвинителя от обвинения, закрепить в качестве условия данного правового механизма прекращения уголовного дела согласие подсудимого, наделить мотив отказа гособвинителя от обвинения свойством предмета судебной дискреции, изложив второе предложение ч. 7 ст. 247 УПК РФ в следующей редакции: «Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства при согласии подсудимого влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 настоящего Кодекса. Незаконный, немотивированный или необоснованный полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения отклоняется судом»;
- определенно разрешить вопрос о возможности отказа гособвинителя от обвинения в суде апелляционной инстанции, дополнив ст. 389.13 УПК РФ частью 10 в следующей редакции: «Если после исследования в ходе судебного следствия доказательств по делу государственный обвинитель придет к убеждению о том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду в письменной форме мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24, п. 1 ч. 1 ст. 27 настоящего Кодекса, влечет за собой принятие судом апелляционной инстанции решения об отмене обвинительного приговора и прекращении уголовного дела в связи с принятием полного отказа государственного обвинителя от обвинения либо об изменении приговора суда первой инстанции в связи с принятием частичного отказа государственного обвинителя от обвинения»;
- дополнить ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ пунктами 11 и 12 в следующей редакции: «об отмене обвинительного приговора и прекращении уголовного дела в связи с принятием

полного отказа государственного обвинителя от обвинения» и «об изменении приговора суда первой инстанции в связи с принятием частичного отказа государственного обвинителя от обвинения» соответственно.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27 октября 2025 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2025. № 44, ст. 6497.

2. *Жумаканова Н.А.* Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 27 с.

3. *Михайлов А.А.* Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. 28 с.

4. *Лавнов М.А.* Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 176 с.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 226-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Апелляционное постановление № 10-9/2020 от 10 ноября 2020 г. по делу № 10-4/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tOGCCxaZs5gw/ (дата обращения: 25.09.2025).

7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (в ред. от 28 марта 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

8. *Стельмах В.*Ю. Отказ государственного обвинителя от обвинения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юрид. науки. 2021. № 1. С. 57–62.

9. Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № 1260-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Антоняна Дживана Жораевича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 246 и статьей 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

10. *Хатуаева В.*В. Понятие и сущность института пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу, в контексте реформирования уголовно-процессуального законодательства РФ // Lex russica. 2017. № 11 (132). С. 38–46.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 2800-О «По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности положений части четвертой статьи 37, части седьмой статьи 246 и части первой статьи 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. *Воскобитова Л.*А. Апелляция – принципиально новый институт в уголовном судопроизводстве // Апелляция: реалии, тенденции и перспективы: матер. Всерос. межвед. науч.-практ. конф. к 75-летию Нижегород. обл. суда (24–25 октября 2013 г.). М.: Актион-Медиа, 2013.

13. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 3 февраля 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 6, ст. 408.

Н.И. Пискунова,
старший преподаватель
кафедры гражданского права
Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ БЕСПИЛОТНОЙ АЭРОДОСТАВКИ ГРУЗА

Регулирование отношений в сфере защиты прав потребителей осуществляется совокупностью нормативных правовых актов, включающих Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «О защите прав потребителей», а также иные федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними подзаконные акты. При изучении правоотношений, связанных с защитой прав потребителей в области оказания услуг по перевозке грузов, следует обратить внимание на то, что граждане в личных целях используют главным образом транспорт, осуществляющий наземные перевозки, тогда как авиация преимущественно задействована в сфере предпринимательской деятельности.

Существующая логистическая система перевозки грузов воздушным транспортом реализуется пилотируемыми воздушными суднами с неоправданно высокой массой, что значительно увеличивает затраты на доставку малогабаритных грузов и, соответственно, невыгодно для потребителя. Но технологии не стоят на месте, что особенно актуально в условиях цифровой трансформации.

Одним из приоритетных направлений политики государства является развитие транспортной инфраструктуры. В настоящее время на территории ряда субъектов РФ активно развиваются беспилотные воздушные перевозки в рамках экспериментального правового режима. К числу таких субъектов относятся: «Томская область, Камчатский край, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Чукотский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ» [1, с. 61]. Подобные технологии открывают широкие перспективы для повышения эффективности и доступности авиасообщения, но одновременно создают значительные правовые вызовы.

Транспортная система РФ переживает период модернизации, ставшей следствием общего тренда автоматизации и роботизации процессов, ранее нуждавшихся в механическом воздействии со стороны человека. Идея внедрения высокоавтоматизированного транспорта в общественную жизнь является одной из приоритетных. Основным документом в транспортной сфере выступает Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с перспективой до 2035 года, которая предусматривает активное внедрение беспилотных воздушных судов в сферу воздушных перевозок. Благодаря этому ожидается существенное сокращение издержек на осуществление перевозок, что создаст предпосылки для расширения спроса на данный вид услуг не только в предпринимательском сфере, но и среди потребителей.

В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о применении норм законодательства о защите прав потребителей к отношениям, возникающим в области беспилотной аэродоставки. Российская правовая система построена на принципе приоритета защиты слабой стороны в договорных отношениях. Применительно к договорам перевозки грузов основной документ, регулирующий отношения сторон, – Гражданский кодекс РФ.

Центральным актом, определяющим общие правила защиты прав физических лиц, являющихся потребителями, служит Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [2]. Данный акт устанавливает единые правовые принципы и общую систему защиты прав, гарантирующие гражданам защиту их интересов при приобретении товаров, выполнении работ и оказании услуг. Главную сложность в применении норм о защите прав потребителей к договору беспилотной аэродоставки груза составляет отсутствие прямого регулирования подобных отношений. Закон о защите прав потребителей предусматривает несколько ключевых моментов, которые имеют значение для договора беспилотной аэродоставки груза: право потребителя на информацию о предоставляемой услуге и возможность потребителя требовать возмещения убытков, неустойки и компенсации морального вреда.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [3] в случае, если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются специальными федеральными законами, содержащими нормы гражданского права, то Закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной специальным законодательством.

Одним из прав потребителя, определяемых его особым правовым статусом, является право на безопасность предоставляемой услуги, и данное право, в свою очередь, соответствует

обязанности продавца обеспечивать безопасность услуги. Так, исполнитель услуги обязан надлежащим образом довести до сведения потребителя точную и полную информацию о правилах оказания услуги, условиях ее предоставления, а также о своих обязанностях и об ответственности. Указанное требование направлено на обеспечение осознанного выбора потребителем, базирующегося на достоверной информации о предоставляемой услуге. Нарушение этой обязанности исполнителем услуги предоставляет потребителю право выбрать одну из мер защиты своих прав в соответствии со ст. 12 Закона РФ «О защите прав потребителей», если из-за недостоверной или недостаточной информации услуга не обладает заявленными свойствами. Потребитель по своему выбору вправе потребовать: безвозмездного устранения недостатков услуги; соответствующего снижения цены; возмещения расходов на устранение недостатков своими силами или силами третьих лиц или расторжения договора перевозки с требованием полного возмещения убытков, если обнаруженные недостатки существенные или не были устранены исполнителем в назначенный срок [2].

Таким образом, законодатель обеспечивает защиту прав потребителя в сфере перевозок, обязывая исполнителя услуги предоставлять о ней достоверную и полную информацию. Ключевой особенностью правового положения потребителя является установленный законом запрет на включение в договоры условий, ущемляющих его законные интересы. Любые условия договора, ухудшающие положение потребителя по сравнению с нормами законодательства, признаются ничтожными. В случае причинения убытков вследствие соблюдения условий договора, ущемляющих права потребителя, он вправе требовать их полного возмещения.

Одним из важных вопросов для потребителей является срок перевозки: «...на воздушном транспорте срок доставки и ответственность грузоперевозчика за нарушение сроков доставки груза определяется федеральными авиационными правилами или установленными перевозчиком правилами воздушных перевозок, если иное не предусмотрено договором воздушной перевозки груза. При этом ничего конкретного об исчислении срока или порядка его установления в Правилах нет. Как правило, законодатель ограничивается отсылкой на условия договора или порядок его определения грузоперевозчиком» [4, с. 48]. Перевозчик несет ответственность за нарушение сроков доставки груза, если не сумеет доказать, что задержка произошла не по его вине или была вызвана действием обстоятельств непреодолимой силы. Для признания события обстоятельством непреодолимой силы необходимо, чтобы оно обладало основными характеристиками:

исключительностью, невозможностью предотвращения, непреодолимым характером и независимостью от воли сторон. В судебной практике к таким обстоятельствам традиционно относят природные катаклизмы, военное положение, чрезвычайное положение, террористические акты и иные чрезвычайные ситуации.

В соответствии со ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей» нарушение прав потребителей влечет за собой ответственность, предусмотренную федеральным законом или договором. Любые убытки, причиненные потребителю вследствие нарушения его прав, подлежат полному возмещению; кроме того, они возмещаются независимо от предусмотренной законом или договором неустойки (пени). Согласно ст. 15 Гражданского кодекса РФ лицо, чьи права были нарушены, вправе требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон.

Следует обратить внимание на то, что помимо компенсации убытков и неустойки, подлежит обязательной компенсации и моральный вред, причиненный потребителю в результате нарушения его прав. Как разъяснено в п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17, «для удовлетворения требования о компенсации морального вреда достаточно установить сам факт нарушения прав потребителя». Доказывать вину причинителя вреда в данном случае не требуется. Что касается недостатков услуги, потребитель вправе предъявить претензии к ее качеству на любом этапе, как в процессе оказания, так и после его завершения.

В случае игнорирования исполнителем законных требований потребителя и уклонения от добровольного удовлетворения предъявленных претензий, судебный орган вправе применить санкцию в виде денежного штрафа, размер которого составит половину от суммы, окончательно присужденной судом в пользу потребителя, в качестве компенсации убытков, неустойки или иной материальной ответственности. Подобная мера, на наш взгляд, является стимулирующей к добросовестному поведению исполнителей и защиты интересов потребителей.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что защита прав потребителей выступает одним из ключевых аспектов в сфере транспортной логистики. Использование беспилотных технологий в области грузоперевозок сопровождается появлением принципиально новых правовых вопросов, касающихся защиты прав потребителей. Несмотря на существующие нормы, система нормативного регулирования в рассматриваемой сфере требует адаптации к новым условиям. В связи с этим необходима разработка оптимального правового инструментария, который обеспечит защиту прав потребителей в области беспилотной аэродоставки.

Библиографический список

1. *Боярская Ю.Н.* Беспилотные воздушные перевозки: проблемы и особенности правового регулирования // Юрист. 2023. № 12. С. 59–62.

2. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 1 апреля 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 140; 2025. № 14, ст. 1574.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. 2012. № 156.

4. *Адаменко А.П., Зарапина Л.*В. Конкретизация норм о сроках в договоре перевозки груза // Современный юрист. 2019. № 4. С. 45–51.

А.А. Свистунов,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры частного права
Российского нового университета

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В условиях глобальной технологической конкуренции, санкционного давления и необходимости обеспечения национальной безопасности инновационная деятельность служит фактором развития экономики предложения и перехода к новому технологическому укладу [1]. Россия, обладая значительным научно-техническим потенциалом, стоит перед необходимостью системного решения задачи по его эффективной трансформации в коммерческие продукты и конкурентные технологии. Данный процесс не может быть хаотичным, он требует целенаправленного государственного участия, которое реализуется через механизмы административно-правового регулирования.

Административно-правовое обеспечение инновационной деятельности – это совокупность правовых норм и административно-правовых методов [2], с помощью которых государство организует, стимулирует, координирует и контролирует процессы создания, внедрения и распространения инноваций. Его эффективность определяется не только наличием отдельных законов или программ, но и четкой системой руководящих идей (принципов), которые пронизывают всю правовую политику в этой области.

В науке административного права вопрос принципов обеспечения инновационной деятельности изучен в недостаточной степени. Некоторые аспекты принципов государственной поддержки инновационной деятельности встречаются в работах В.М. Редкоуса [3, с. 83]. Принципами государственной инновационной политики на уровне субъекта РФ занимался М.Ю. Буртовой [4]. В ряде случаев рассматриваются принципы по отдельным вопросам в сфере инноваций [5]. Изучение этого вопроса осложняется тем, что в настоящее время инновационная деятельность

имеет усеченное законодательное регулирование.

Принципы правового обеспечения инновационной деятельности носят межотраслевой характер, интегрируя в себе начала административного, гражданского, финансового, предпринимательского и иных отраслей права. К системе данных принципов следует отнести как общеправовые (законность, справедливость), так и специальные, отражающие специфику административно-правового обеспечения инновационной сферы. Среди специальных принципов административно-правового обеспечения инновационной деятельности можно выделить следующие.

1. Принцип стратегического планирования и приоритетности. Государство определяет инновационное развитие как национальный стратегический приоритет. Это закреплено в ключевых программных документах: Стратегии научно-технологического развития РФ [6], национальных проектах [7], государственных программах. Административно-правовое регулирование в указанной сфере выстраивается для реализации этих стратегий. Принцип проявляется в выделении «критических технологий», сквозных технологий, отраслевых приоритетов (авиация, микроэлектроника, биофарма и т.д.).

2. Принцип сочетания государственного регулирования и свободы научно-технического творчества (инициативы). Это балансирующий принцип: с одной стороны, государство через уполномоченные органы (Минобрнауки России, Минцифры России, Минпромторг России, государственные корпорации и т.п.) устанавливает в императивном порядке технические регламенты, требования к сертификации, процедуры допуска продукции на рынок, правила безопасности; с другой – обеспечивает создание «регуляторных песочниц» (особых правовых режимов) [8, с. 41–42], в рамках которых инноваторы могут тестировать продукты без соблюдения некоторых стандартных требований.

3. Принцип системности поддержки и стимулирования. Президент РФ объявил в качестве шестой системной задачи на 2026 г. создание дополнительных эффективных стимулов для отечественных инноваций [1].

Статья 16.1 Федерального закона № 127-ФЗ [9] закрепляет принципы, на основе которых оказывается государственная поддержка инновационной деятельности. Среди них законодатель выделяет: программный подход и измеримость целей при планировании и реализации мер государственной поддержки; опережающее развитие инновационной инфраструктуры; приоритетное использование рыночных инструментов и инструментов государственно-частного партнерства; защиту прав интеллектуальной собственности для стимулирования инновационной деятельности и др.

В рамках стимулирования инновационной деятельности создаются механизмы, позволяющие мотивировать ее субъектов, что реализуется через специальные правовые статусы, дающие преференции (резидент особых экономических зон технико-внедренческого типа, участник, резидент «Сколково»), налоговые и таможенные льготы, а также систему государственных наград, премий и признания (например, премия Правительства РФ в области науки и техники [10]).

4. Принцип обеспечения технологического суверенитета и безопасности. В современных условиях этот принцип приобрел доминирующее значение. Закрепленный в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, он предполагает административно-правовое регулирование, направленное на импортозамещение в критических отраслях экономики (включая поддержку отечественного производителя, а также выпуск аналогов); государственный контроль за передачей за рубеж собственных технологий двойного назначения; поддержку разработок, обеспечивающих обороноспособность и безопасность государства.

Согласно определению, проекты технологического суверенитета являются проектами полного инновационного цикла по производству высокотехнологичной продукции на основе собственных линий разработки с использованием критических и сквозных технологий, охватывающими все стадии инновационного цикла и включающими в числе прочего кадровые и регуляторные аспекты [11].

5. Принцип открытости и интеграции в глобальную инновационную систему. Несмотря на курс на суверенитет, Россия не может и не должна развиваться в изоляции, поэтому параллельно продвигаются направления по участию в международных научных проектах[1] [12], привлечению иностранных ученых и специалистов на основе упрощенных процедур, созданию условий для локализации центров в сфере инноваций в России, а также по адаптации национальных стандартов к международным.

Административно-правовое обеспечение инновационной деятельности в России представляет собой сложную, динамично развивающуюся систему, основанную на взаимосвязанных принципах. В настоящий момент от декларации этих принципов в стратегических документах государство перешло к созданию разветвленной сети институтов и инструментов поддержки. Однако ключевым вызовом остается не столько создание новых мер, сколько обеспечение их согласованности, стабильности и практической ориентации на результат.

Эффективность всей системы будет определяться способностью го-

[1] Например, участие в международном совместном эксперименте в области термоядерного синтеза ITER.

сударства эволюционировать от роли «дирижера-распределителя» к роли «архитектора экосистемы», где административно-правовые методы будут не столько ограничивать, сколько создавать максимально благоприятные условия для самоорганизации, кооперации и здоровой конкуренции всех участников инновационного процесса.

Библиографический список

1. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78672 (дата обращения: 09.12.2025).

2. *Петров М.П.* Совершенствование методов административно-правового регулирования инновационной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10 (71). С. 54–61.

3. *Редкоус В.*М. Некоторые вопросы инновационного развития в государствах – участниках СНГ // Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 84–86.

4. *Буртовой М.Ю.* Административно-правовое регулирование принципов государственной инновационной политики в субъектах Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2020. Т. 20, № 4. С. 99–103.

5. *Кравченко А.Г., Овчинников А.*И. Принципы и приоритеты правовой политики России в сфере цифровой экономики // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 4. С. 1–9.

6. Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10, ст. 1373.

7. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

8. *Тарасенко О.А.* Экспериментальный правовой режим – полигон для инноваций и регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14, Право. 2023. № 1. С. 40–55.

9. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. от 24 июня 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 35, ст. 4137; 2025. № 26, ч. 1, ст. 3497.

10. Постановление Правительства РФ от 26 июля 2010 г. № 544 «Об утверждении Положения о премиях Правительства Российской Федерации в области науки и техники» (в ред. от 3 мая 2024 г.) // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4242; 2024. № 19, ст. 2531.

11. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (в ред. от 21 октября 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

12. См.: Сайт проекта ITER. URL: https://www.iter.org/about/iter-members (дата обращения: 09.12.2025).

Г.С. Спирчагов,
председатель Правительства
Ульяновской области

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКУПОК МАЛОГО ОБЪЕМА

Закупочная деятельность является важнейшим элементом функционирования государственных органов власти и муниципальных образований. Закупки товаров, работ и услуг осуществляются ежедневно во всех регионах страны, обеспечивая выполнение множества функций государственного управления и социальных обязательств перед населением.

Особое внимание уделяется закупкам малого объема (далее – ЗМО) – процедуре приобретения продукции на небольшие суммы, что значительно упрощает процесс закупки, снижает административные издержки и позволяет оперативно удовлетворять потребности заказчиков (по пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ) [1].

В последние годы для ЗМО стал очень актуален цифровой формат. Почему? Во-первых, в среднем в России по прямым договорам ежегодно проводится закупок на сумму больше 1 трлн рублей. Данный факт сам по себе неизбежно влечет за собой тенденцию к цифровизации ЗМО в рамках как Закона № 44-ФЗ, так и Закона № 223-ФЗ [2]. Во-вторых, «небумажный формат» ЗМО стал востребован и популярен в России в период пандемии короновируса как один из оперативных и бесконтактных инструментов снабжения заказчиков товарами первой необходимости. В-третьих, цифровизация ЗМО дает возможность повысить эффективность неконкурентных закупок – получить экономию бюджетных средств там, где ее может законно не быть.

Соответственно, рынок электронных торговых площадок (магазинов) в России стал активно развиваться. Впервые в 2010 г. были нормативно закреплены официальные площадки для закупок в рамках Закона № 94-ФЗ. Однако для ЗМО как по Закону № 94-ФЗ, так и по Закону № 44-ФЗ никакого отбора не проводилось.

На федеральном уровне в целях прослеживаемости ЗМО и расширения участникам закупки доступа к участию в таких закупках были приня-

ты меры по автоматизации малых закупок: распоряжением Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. № 824-р [3] была закреплена реализация пилотного проекта, предусматривающего создание единого агрегатора торговли (далее – ЕАТ) и обязательное использование ЕАТ федеральными органами исполнительной власти и подведомственными им федеральными казенными учреждениями (за исключением отдельных федеральных органов исполнительной власти и федеральных казенных учреждений) при осуществлении малых закупок.

По состоянию на 28 июля 2025 г. в ЕАТ зарегистрировано 20,6 тыс. заказчиков и 142,5 тыс. поставщиков. Всего с 2018 г. с использованием ЕАТ было проведено более 2 млн закупочных сессий на общую сумму более 251 млрд рублей, что позволило сэкономить порядка 7,5 млрд рублей (10,49 %).

В 2019 г. ст. 93 Закона № 44-ФЗ была дополнена частью 12, устанавливающей порядок осуществления заказчиками всех уровней (федеральный, региональный, местный) ЗМО товаров с использованием механизма электронного магазина (далее – «закупки с полки»).

В мае 2023 г. увеличен с 3 млн до 5 млн рублей предельный размер «закупок с полки», а также введен отдельный предельный годовой объем таких закупок – 100 млн рублей. Уже по результатам 2023 г. количество таких закупок увеличилось в 49 раз (с 1,1 тыс. до 53,3 тыс.) по сравнению с 2022 г., а их стоимостный объем – почти в 14 раз (с 1,53 млрд до 21,3 млрд рублей).

Согласно докладу Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» на региональном уровне цифровизация ЗМО проходила через использование различных подходов к автоматизации малых закупок с применением разных моделей:

1. Использование программных решений федеральных операторов электронных площадок (примеры: СберB2B, РТС-Маркет, ZakazRF).

2. Присоединение к крупному решению другого региона (примеры: Портал поставщиков города Москвы, агрегатор «Биржевая площадка» Республики Татарстан, Электронный магазин ГИС Санкт-Петербурга).

3. Создание собственного регионального решения по автоматизации малых закупок в составе региональных информационных систем в сфере закупок.

4. Использование коммерческих продуктов («Кейсистемс», «Криста», «Комита» и пр.).

По статистике, более половины всех малых закупок в электронной форме (по сумме закупок) осуществляется в рамках стратегии использования программных решений федеральных операторов ЭТП или ЕАТ, а также имеется практика совмещения разных моделей в рамках одного региона.

В Приволжском федеральном округе решения субъектов РФ по регулированию ЗМО также отличаются (табл. 1).

В Ульяновской области тема ЗМО тоже не осталась без внимания. Было принято распоряжение Правительства Ульяновской области от 18 марта 2019 г. № 125-пр «О мерах по автоматизации закупок малого объема», которое установило для заказчиков приоритет осуществления закупок малого объема в электронной форме, а также случаи исключений. В Ульяновской области не стали создавать региональный электронный магазин, а дали заказчикам право выбора для использования имеющихся электронных торговых систем. Эти меры позволили за последние пять лет увеличить долю госзакупок малого объема через электронные магазины в шесть раз (с 0,07 млрд до 0,42 млрд руб., табл. 2), экономия по таким закупкам в среднем составляет 10–12 %.

Для муниципальных заказчиков Ульяновской области одним из ключевых стимулов перевода своих малых закупок в цифровой формат выступает рейтингование муниципальных образований региона в части организации их закупочной деятельности, в том числе через критерии оценки, связанные:

- с долей закупок малого объема, проведенных через электронные торговые системы (в стоимостном выражении);
- долей закупок малого объема, проведенных через электронные торговые системы (в количественном выражении);
- экономией бюджетных средств, полученной по результатам закупок малого объема, проведенных через электронные торговые системы (относительная величина).

Данные меры за последние четыре года привели к увеличению доли муниципальных закупок малого объема через электронные магазины почти в два раза (с 0,2 млрд до 0,38 млрд руб., табл. 3).

Для реализации в Ульяновской области вышеуказанных мероприятий была создана система мониторинга малых закупок (разработаны формы, периодичность и пр.), что позволило оперативно реагировать на изменения и корректировать мероприятия/работу в данном направлении. При этом заказчики Ульяновской области используют различные электронные магазины: ЕАТ.РФ, SberB2B, РТС-тендер, ГПБ, ТЭК-Торг, ZakazRF, ОТС-Маркет. Однако наибольшей популярностью среди них пользуется ЕАТ («Березка»), где размещается более 85 % госзакупок малого объема. Ульяновская область на протяжении последних трех лет в рейтинге от ЕАТ, составленном компанией «РТ-Проектные технологии» Госкорпорации Ростех, занимает второе место по России в номинации «Экономный заказчик» (табл. 4).

Безусловно, проведение закупок малого объема через электронные магазины привело к повышению эффек-

Таблица 1

Данные мониторинга нормативных правовых актов субъектов ПФО по ЗМО

Субъекты ПФО	ЗМО	НПА
Кировская область	Информационный ресурс «Региональный маркетинговый центр Кировской области» (модуль «Модуль закупок»: http://kirov.zakazrf.ru)	Распоряжение Правительства Кировской области от 20 января 2016 г. № 3 «Об организации закупок товаров, работ, услуг для заказчиков»
Нижегородская область	РИС АЦК-Госзаказ – ГИС управления общественными финансами Министерства финансов Нижегородской области (ИС «Автоматизированный центр контроля «Государственные закупки»). Заказчики самостоятельно определяют электронные торговые системы для осуществления закупок малого объема посредством РИС	Постановление Правительства Нижегородской области от 13 января 2022 г. № 3 «Об использовании информационной системы “Автоматизированный центр контроля ″Государственные закупки″” Государственной информационной системы управления общественными финансами министерства финансов Нижегородской области при осуществлении закупок товаров, работ, услуг у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) в случаях, установленных пунктами 4 и 5 части 1 статьи 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”»
Оренбургская область	Информационные системы: ▪ АИС «Портал поставщиков» (http://zakupki.mos.ru); ▪ электронный магазин закупок малого объема ЭП РТС-тендер (https://orb-zmo.rts-tender.ru/); ▪ подсистема электронный магазин «Маркетинговый центр Оренбургской области» в ГИС «Региональная информационная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд Оренбургской области» (https://zakupki.orb.ru)	Приказ Министерства экономического развития, промышленной политики и торговли Оренбургской области от 30 декабря 2019 г. № 191 «Об утверждении порядка осуществления закупок малого объема и определении информационных систем, предназначенных для осуществления закупок малого объема»

Пензенская область	Электронные торговые системы: ▪ АО «Сбербанк-АСТ» (https://sberb2b.ru); ▪ ООО «РТС-тендер» (https://zmo58.rts-tender.ru); ▪ АО «ОТС» (https://market.otc.ru/PNZREG); ▪ ООО «ЭТП ГПБ» (https://etpgpb.ru/portal); ▪ Департамент города Москвы по конкурентной политике (https://zakupki.mos.ru)	Постановление Правительства Пензенской области от 14 мая 2025 г. № 429-пП «О цифровизации закупок малого объема для обеспечения государственных нужд Пензенской области и признании утратившими силу отдельных нормативных правовых актов Правительства Пензенской области»
Пермский край	Информационные системы: ▪ АИС «Портал поставщиков»: (http://zakupki.mos.ru); ▪ биржевая площадка (http://perm.zakazrf.ru); ▪ система «SBERB2B» (https://sberb2b.ru)	Приказ Министерства по регулированию контрактной системы в сфере закупок Пермского края от 27 марта 2020 г. № СЭД-32-01-04-38 «Об осуществлении закупок товаров, работ, услуг “малого” объема с использованием информационных систем»
Республика Башкортостан	Информационная подсистема «Агрегатор торгов малого объема»	Приказ Государственного Комитета Республики Башкортостан по конкурентной политике от 6 сентября 2023 г. № ГК03-250 «Об утверждении Положения об информационной подсистеме осуществления закупок малого объема для обеспечения нужд Республики Башкортостан»
Республика Марий Эл	Автоматизированные информационные системы: ▪ система электронной торговли «OTC-MARKET» (http://market.otc.ru); ▪ электронный магазин «Закупки малого объема» (https://zmo12.rts-tender.ru); ▪ торговый портал (https://etp.gpb.ru)	Приказ Министерства промышленности, экономического развития и торговли Республики Марий Эл от 30 июня 2021 г. № 170 «Об осуществлении закупок товаров, работ, услуг в соответствии с пунктами 4 и 5 части 1 статьи 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” с использованием автоматизированных информационных систем»

Республика Мордовия	РИС в сфере закупок Республики Мордовия (подсистема малых закупок); портал «Малые закупки Республики Мордовия»	Постановление Правительства Республики Мордовия от 30 марта 2015 г. № 162 «О региональной информационной системе в сфере закупок Республики Мордовия»
Республика Татарстан	Агрегатор электронного ресурса «Биржевая площадка»	Приказ Государственного комитета Республики Татарстан от 3 апреля 2025 г. № 01-05-24 «Об утверждении Стратегии развития государственных закупок Республики Татарстан на 2025–2027 годы и на период до 2030 года»
Самарская область	ГИС Самарской области «Автоматизированная информационная система государственного заказа Самарской области» (модуль «Малые закупки», портал «Малые закупки Самарской области» (https://webtorgi.samregion.ru/smallpurchases/)	Постановление Правительства Самарской области от 26 декабря 2016 г. № 803 «Об утверждении Регламента осуществления малых закупок с использованием государственной информационной системы Самарской области “Автоматизированная информационная система государственного заказа Самарской области”»
Саратовская область	Заказчики самостоятельно определяют электронные торговые системы для осуществления закупок малого объема	По данным мониторинга, отсутствует НПА, определяющий ЗМО
Удмуртская Республика	РИС в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд Удмуртской Республики (подсистема «Управление в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд Удмуртской Республики», модуль «Малые закупки»; электронный магазин «Биржевая площадка Удмуртской Республики» (http://udmurtia.zakazrf.ru)	Приказ Министерства финансов Удмуртской Республики от 24 ноября 2022 г. № 53н «Об утверждении Регламента осуществления малых закупок с использованием функционала региональной информационной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд Удмуртской Республики»
Ульяновская область	Заказчики самостоятельно определяют электронные торговые системы для осуществления закупок малого объема	Распоряжение Правительства Ульяновской области от 18 марта 2019 г. № 125-пр «О мерах по автоматизации закупок малого объема»

Чувашская Республика	ИС Чувашской Республики «Региональная информационная система управления закупками Чувашской Республики, интегрированная с единой информационной системой в сфере закупок» (подсистема «Электронный магазин закупок малого объема Чувашской Республики» (https://torgi.cap.ru/smallpurchases/)	Приказ Государственной службы Чувашской Республики по конкурентной политике и тарифам от 15 июля 2020 г. № 01/06-493 «Об утверждении Порядка осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд Чувашской Республики, предусмотренных пунктами 4, 5 части 1 статьи 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”, с использованием электронного ресурса»

Таблица 2

Доля госзакупок малого объема через электронные магазины

Показатели госзаказа	2020	2021	2022	2023	2024
Единственный источник, млрд руб., всего	4	4,6	3,5	3,3	3,5
из них малые закупки, млрд руб.	0,8	1,4	1,4	1,5	1,6
из них через электронные магазины, млрд руб.	0,07	0,12	0,24	0,36	0,42

Таблица 3

Доля госзакупок малого объема через электронные магазины

Показатели мунзаказа	2021	2022	2023	2024
Единственный источник, млрд руб., всего	4	4,8	4,5	4,9
из них малые закупки, млрд руб.	2,3	2,8	2,5	3
из них через электронные магазины, млрд руб.	0,2	0,23	0,26	0,38

Таблица 4

Показатели осуществления ЗМО субъектами ПФО в ЕАТ (по данным на 28 июля 2025 г.)

Субъекты ПФО	Кол-во заказчиков в ЕИС, чел.	Кол-во заказчиков на ЕАТ, чел.	Соотношение заказчиков от ЕИС, %	Кол-во поставщиков, чел.	Кол-во закупочных сессий, шт.	Общая сумма проведенных закупочных сессий, млн руб.	Экономия, млн руб.	Экономия, %
Кировская область	2 690	446	16,58	1 764	40 763	2 554,08	74,32	4,51
Нижегородская область	5 078	305	6,01	3 185	46 546	3 260,87	135,57	10,31
Оренбургская область	3 544	168	4,74	1 553	31 675	2 570,68	131,10	13,48
Пензенская область	1 913	136	7,11	1 086	27 533	5 563,52	52,24	11,26
Пермский край	2 615	221	8,45	3 479	30 053	2 110,90	106.96	16,06
Республика Башкортостан	5 787	277	4,79	3 192	31 600	2 108,57	80,15	10,77
Республика Марий Эл	1 281	122	9,52	541	10 691	435,54	16,33	10,60
Республика Мордовия	1 390	88	6,33	638	18 757	968,53	48,68	12,82
Республика Татарстан	6 921	218	3,15	2 763	30 429	2 444,72	104,62	11,33
Самарская область	3 384	163	4,82	2 774	21 108	1 751,93	129,70	16,65
Саратовская область	3 332	582	17,47	1 984	38 879	2 308,39	84,59	9,46
Удмуртская Республика	2 888	113	3,91	1 648	18 913	864,33	29,66	9,52
Ульяновская область	1 949	826	42,38	1 736	57 658	3 859,70	225,42	9,62
Чувашская Республика	1 740	97	5,57	1 127	23 173	1 058,75	36,48	12,12

тивности таких закупок в целом, а также их открытости и доступности для бизнеса. В то же время возникали проблемы, характерные для многих субъектов РФ, связанные с отсутствием унификации, единых правил проведения таких закупок, неосуществлением контроля, неотражением их в реестре.

Таким образом, несмотря на то, что система регулирования ЗМО основана на Законе № 44-ФЗ, единообразие в субъектах РФ по данному направлению отсутствует. Это затрудняет доступ бизнесу к таким закупкам.

Так, Председатель Правительства РФ Михаил Мишустин к недостаткам действующих механизмов осуществления ЗМО относит дополнительную финансовую нагрузку на участников закупок в связи с взиманием платы за участие в малых закупках, отсутствие нормативно закрепленного порядка защиты прав участников закупочных процедур, а также разные порядки осуществления малых закупок и функционирования информационных систем, используемых для их проведения, необходимость отдельной регистрации в каждой из таких систем [4].

В итоге для регулирования малых закупок на федеральном уровне правильным и своевременным решением стало утверждение Концепции совершенствования закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд малого объема на период до 2027 года [5], а также Дорожной карты по реализации вышеуказанной Концепции [6].

К сожалению, пока не все запланированные мероприятия по ней выполняются своевременно. Несмотря на это, представители федеральных регуляторов и контролеров положительно оценивают данное решение. Так, заместитель руководителя Казначейства России Анна Катамадзе на пленарном заседании VIII Санкт-Петербургского международного форума контрактных отношений признала: «Наша задача – цифровизация малых закупок. Сейчас малые закупки отнимают значительные ресурсы, количество контрактов по ним достигает 20 млн в год, в то время как обычных – порядка 5–6 млн» [7].

Замминистра финансов РФ Алексей Лавров в ходе сессии ПМЭФ-2025 «Цифровая контрактная система» отметил: «Наша контрактная система – лучшая в мире. Российская Федерация стала не реципиентом, а донором технической помощи для других стран. Мы готовы распространять наш опыт в закупках». Урегулирование подходов к осуществлению малых закупок замминистра обозначил в качестве одной из ключевых на сегодняшний день задач. Для повышения прозрачности и упрощения закупочного процесса планируется унифицировать порядок проведения малых закупок в электронной форме, создать каталог, содержащий описание конкретных товаров, и установить единые требования для информационных систем в малых за-

купах. Для этого сейчас готовится комплексный законопроект по малым закупкам. Говоря о каталоге конкретных товаров, Алексей Лавров подчеркнул, что его нужно вводить, не подвергая риску или ограничениям существующие региональные электронные магазины, которые оправдывают себя как эффективный инструмент: «Пусть они тоже работают, но теперь уже в единой правовой информационной среде» [8].

Реализация мероприятий Концепции обеспечит централизованный учет и прослеживаемость осуществления ЗМО, а также возможность создания цифровой платформы малых закупок, поскольку будет введен механизм размещения в Единой информационной системе в сфере закупок (ЕИС) информации о контрактах, заключенных по результатам ЗМО. Сейчас такого требования к заказчикам нет, но получение необходимого функционала ЕИС позволит всесторонне анализировать малые закупки.

Утверждение Концепции в Ульяновской области повлекло совершенствование механизма закупок малого объема – путем внесения в августе 2024 г. изменений в распоряжение Правительства Ульяновской области от 18 марта 2019 г. № 125-пр «О мерах по автоматизации закупок малого объема», согласно которым заказчики должны к 2027 г. довести долю электронных закупок малого объема до 90 %.

Важно отметить, что Концепцией предусмотрено сохранение в определенных случаях возможности проведения ЗМО в бумажной форме. Проведение малых закупок исключительно в электронной форме не позволит заказчикам оперативно осуществить закупку товаров, работ, услуг для обеспечения неотложных нужд, – говорится в документе. Кроме того, проведение малых закупок в электронной форме является невозможным для отдельных заказчиков по причине наличия у них потребностей в специальных товарах, работах, услугах, а также необходимости обеспечения конфиденциальности информации об осуществляемых ими закупках.

Как отметила в интервью «Интерфаксу» глава департамента бюджетной политики в сфере контрактной системы Минфина России Татьяна Демидова, «электронизация закупок – это хорошо, но только тогда, когда такая возможность объективно есть. Но, например, есть закупки в условиях объявленной чрезвычайной ситуации, когда нет связи и доступа в интернет. Аналогично в случае необходимости оказания неотложной медицинской помощи. Поэтому говорить о том, что во всех случаях будет применяться электронная закупка с использованием электронного магазина, не приходится».

Безусловно, как и при любом внедрении новой системы или механизма, у участников процесса возникают сомнения и опасения. Так, эксперт проекта «Контур. Закупки» Василий Данильчик отметил, что «для многих закупки

малого объема станут новым каналом продаж, и по мере роста числа участников давление на цену возрастет. Важно, чтобы в эту систему были встроены механизмы контроля качества поставляемых товаров и недопущения недобросовестных поставщиков, иначе демпинг может негативно сказаться на качестве». По словам другого эксперта в сфере закупок, заместителя генерального директора АО «ТЭК–Торг» Евгения Можаева, на данный момент непонятны правила отбора маркетплейсов для работы с единым каталогом конкретных товаров. Это вызывает вопросы об объеме инвестиций в доработки электронной площадки в соответствии с нововведениями, а также о том, будет предоставлена свобода в установлении тарифов, чтобы окупить инвестиции, или же будет государственное тарифное регулирование, как по Закону № 44-ФЗ [9].

Таким образом, повышение правового регулирования закупок малого объема является необходимым условием обеспечения прозрачной и эффективной закупочной системы. Совершенствование нормативных правовых актов, усиление внутреннего контроля и поддержка конкуренции позволят существенно повысить доступность предоставления товаров, работ и услуг населению, снизив риски неэффективного расходования бюджетных средств и повысив доверие населения к органам государственной власти. Эти изменения помогут анализировать данные о ЗМО, что даст возможность поставщикам планировать свое участие в них и принимать обоснованные решения. В итоге ЗМО могут стать важным инструментом для поддержки экономики и стимулирования предпринимательства в стране. Дальнейшее улучшение правовых основ закупок малого объема должно стать важным направлением деятельности как Правительства РФ, так и Правительства Ульяновской области и способствовать достижению целей устойчивого социально-экономического развития в целом.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 26 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652; 2024. № 53, ч. 1, ст. 8494.

2. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2011. № 30, ч. 1, ст. 4571; 2024. № 33, ч. 2, ст. 5014.

3. Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. № 824-р «О создании единого агрегатора торговли» (в ред. от 16 января 2025 г.) // СЗ РФ. 2018. № 19, ст. 2797; 2025. № 3, ст. 161.

4. Правительство изменит порядок проведения малых закупок объемом до 600 тысяч рублей // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/russia/968762 (дата обращения: 10.11.2025).

5. Распоряжение Правительства РФ от 26 июня 2024 г. № 1636-р «Об утверждении Концепции совершенствования закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд малого объема на период до 2027 года» // СЗ РФ. 2024. № 28, ст. 4046.

6. Распоряжение Правительства РФ от 13 августа 2024 г. № 2144-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Концепции совершенствования закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд малого объема на период до 2027 года и Плана мероприятий по созданию и ведению каталога, содержащего описание введенных в гражданский оборот товаров конкретного товарного знака, и (или) торговой марки, и (или) модели, созданного для целей осуществления закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых в упрощенном порядке в пределах размеров сумм и годовых объемов, при которых допускается осуществлять закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), для оперативного удовлетворения отдельных неотложных потребностей заказчика» (в ред. от 27 августа 2025 г.) // СЗ РФ. 2024. № 34, ст. 5279; 2025. № 40, ст. 5894.

7. Анна Катамадзе: «Наша задача – цифровизация малых закупок» // Электронная система «Прогосзаказ.РФ». URL: https://прогосзаказ.рф/141/96/40178/40234/84371.html (дата обращения: 08.11.2025).

8. Алексей Лавров на сессии ПМЭФ-2025 о цифровизации малых закупок и планах по дальнейшему развитию контрактной системы // Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39770 (дата обращения: 10.11.2025).

9. К 2026 году все закупки малого объема оцифруют, а поставщиков внесут в каталог // Деловой Петербург. URL: https://www.dp.ru/a/2025/05/22/avtomatizicija-malih-goszakupok (дата обращения: 10.11.2025).

Современные лингвистические исследования

Т.А. Александрова,
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии

СТАНОВЛЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Расширение международной правовой интеграции, увеличение объема трансграничных экономических операций и активное внедрение цифровых технологий в юридическую сферу приводят к фундаментальному изменению стандартов профессионального образования юристов. В условиях, когда до 68 % международных контрактов заключаются на английском языке, а 85 % судебных разбирательств с иностранным элементом требуют использования английской юридической терминологии, формирование профессиональной иноязычной компетенции становится не дополнительным навыком, а ключевым компонентом профессиональной квалификации.

В контексте профессионального общения иностранный язык выходит далеко за рамки простого обмена информацией. Он становится платформой для выработки общих стандартов, совместного решения глобальных проблем и обмена инноваций. Именно поэтому с каждым годом растет потребность не просто в людях, знающих иностранный язык, а в специалистах, владеющих профессиональным иностранным языком. Это узконаправленный инструмент, включающий в себя не только специальную терминологию, но и понимание профессионального дискурса, жанров документов, принятых в данной сфере, и этикета делового общения. Такой специалист становится «мостом» между двумя языковы-

ми и профессиональными культурами, обеспечивая и лингвистический, и концептуальный перевод.

В соответствии с современными требованиями процесс обучения иностранному языку в высшем профессиональном образовании осуществляется посредством комплексной иноязычной подготовки. Ключевая задача иноязычной подготовки юристов – сформировать иноязычную коммуникативную компетенцию в профессиональной сфере. Эта компетенция служит основным элементом общей профессиональной квалификации и обязательным условием для успешной юридической практики.

Иноязычная коммуникативная компетенция – это «способность и готовность осуществлять межличностное и межкультурное взаимодействие на изучаемом неродном языке в разнообразных социально детерминированных ситуациях межличностного и межкультурного общения» [1, с. 36]. Она включает такие ключевые компоненты, как языковой, дискурсивный, прагматический, речевой, социолингвистический, стратегический и речемыслительный для эффективного решения профессиональных задач и построения делового общения. Иноязычная компетенция представляет собой комплекс взаимосвязанных навыков, обеспечивающих эффективную профессиональную коммуникацию.

Проведенный анализ актуальных тенденций глобализации правового пространства позволяет выделить три критически значимых аспекта, определяющих новые требования к формированию иноязычной компетенции будущих юристов.

Во-первых, интеграция правовых услуг создает устойчивую потребность в специалистах, способных осуществлять полноценное сопровождение международных сделок, вести переговоры в мультикультурной среде и эффективно участвовать в арбитражных процессах под различной государственной юрисдикцией. Данный аспект требует от юристов не только свободного владения профессиональной терминологией, но и глубокого понимания культурных особенностей делового общения.

Во-вторых, цифровая трансформация юридической практики коренным образом меняет характер профессиональных задач. Современный специалист должен быть готов к работе с электронными документами на английском языке, участию в онлайн-заседаниях международных судов, а также к использованию зарубежных юридических баз данных и сервисов на основе искусственного интеллекта. Это обусловливает необходимость формирования цифровых компетенций в неразрывной связи с иноязычной подготовкой.

В-третьих, процесс гармонизации законодательства усиливает значимость сравнительно-правового анализа различных правовых систем. От современных юристов требуется умение ана-

лизировать иностранные нормативные акты и осуществлять эффективную имплементацию международных норм в национальное законодательство, что невозможно без развитой иноязычной профессиональной компетенции.

Указанные аспекты в совокупности демонстрируют системный характер современных вызовов и подтверждают необходимость фундаментального подхода к обучению иностранным языкам в юридическом образовании.

В современной образовательной парадигме термин «компетентность» получает многомерное толкование, объединяющее педагогические, психологические и психолингвистические аспекты. Согласно позиции А.В. Хуторского, «компетентность понимается как владение человеком конкретной компетенцией, неразрывно связанное с его личностным отношением как к самой компетенции, так и к предмету деятельности» [2]. И.А. Зимняя расширяет это определение, характеризуя компетентность как «способность субъекта решать социально-профессиональные задачи на основе усвоенных знаний при мобилизации необходимых личностных качеств» [3, с. 7]. В целом компетентность представляет собой интегративное качество личности, синтезирующее знания, умения, ценностные ориентации и мотивационно-волевые компоненты.

Основной задачей профессионально-ориентированного обучения английскому языку будущих юристов является формирование иноязычной профессионально-коммуникативной компетентности. Данный уровень подготовки предполагает развитие у студентов способности и готовности к профессиональному межкультурному взаимодействию с носителями языка, а также к использованию английского языка как инструмента профессионального совершенствования. При этом следует подчеркнуть, что профессиональная иноязычная компетентность юриста представляет собой комплексное качество, выходящее за рамки простой совокупности отдельных коммуникативных умений и навыков.

Под профессиональной компетентностью в сфере юриспруденции понимается «готовность личности будущего специалиста к эффективному осуществлению профессиональной деятельности, обеспеченной системой знаний, умений, навыков и личностных свойств» [4].

Формирование профессиональной правовой культуры будущих юристов происходит в рамках основной образовательной программы, при этом ее развитие через иностранный язык требует продвинутого уровня подготовки. Данный подход предполагает существенно более высокую степень владения юридической терминологией и концепциями, что находит свое отражение в структуре профессиональной иноязычной компетенции. Эта компетенция представляет собой комплексную мо-

дель, состоящую из трех взаимосвязанных компонентов.

Так, лингвистический компонент предусматривает освоение специализированной терминологии (свыше 3 000 единиц), грамматических структур, характерных для юридических текстов, и фонетических особенностей профессиональной речи. Дискурсивный компонент включает владение жанрами юридического дискурса, навыками построения правовой аргументации и понимание прагматических аспектов профессиональной коммуникации. Наконец, межкультурный компонент охватывает знание особенностей систем Common Law и Civil Law, понимание культурных особенностей делового общения и владение техниками кросс-культурной медиации. Таким образом, профессиональная подготовка юристов должна быть направлена на формирование именно этой многокомпонентной компетенции, что и позволяет говорить о полноценном развитии правовой культуры средствами иностранного языка.

Успешное овладение профессиональной иноязычной компетенцией в юридической области обусловлено наличием фундаментальных знаний и умений, полученных при изучении специальных правовых дисциплин. Критически важным условием является исходный уровень профессиональной компетентности, который должен включать: 1) когнитивный компонент (знание основ конституционного, публичного и частного права России и зарубежных стран, владение отраслевой юридической терминологией и основными правовыми концепциями); 2) практический компонент (умение оперировать юридической терминологией и правовыми знаниями в профессиональной коммуникации, способность применять правовые понятия в профессиональном общении).

Для обеспечения эффективного формирования профессиональной иноязычной компетенции у будущих юристов предлагается комплекс методических мер. Первостепенное значение имеет внедрение клинического метода обучения, основанного на работе с аутентичными правовыми кейсами, что позволяет моделировать реальные профессиональные ситуации. Инновационным решением является применение VR-технологий, обеспечивающих глубокое погружение в ситуации международных переговоров и способствующих формированию навыков межкультурного общения. Перспективным направлением может стать разработка билингвальных курсов по сравнительному правоведению, интегрирующих языковую подготовку с изучением особенностей различных правовых систем. Завершающим элементом предлагаемого комплекса выступает организация языковых стажировок в международных юридических фирмах, обеспечивающих погружение в профессиональную языковую среду и закрепление практических навыков.

Реализация указанных мер в системе позволит создать непрерывную траекторию формирования профессиональной иноязычной компетенции, отвечающую современным требованиям юридического образования.

Таким образом, формирование профессиональной иноязычной компетенции у будущих юристов требует системного подхода, учитывающего современные вызовы мирового правового пространства. Данный процесс должен интегрировать лингвистические и профессиональные компоненты, включая освоение международной правовой терминологии и развитие навыков межкультурной коммуникации. Особое внимание следует уделить практико-ориентированным методам, таким как анализ аутентичных юридических документов и участие в имитационных судебных процессах на иностранном языке. Не менее важным представляется использование цифровых образовательных технологий, позволяющих моделировать реальные профессиональные ситуации. Реализация этих направлений позволит подготовить специалистов, способных эффективно работать в условиях международного правового сотрудничества.

Библиографический список

1. *Гальскова Н.Д., Василевич А.П., Акимова Н.В.* Методика обучения иностранным языкам: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2017. 350 с.

2. *Хуторской А.В.* Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Компетенции в образовании: опыт образования: сб. науч. тр. М.: ИНЭК, 2007. С. 12–33.

3. *Зимняя И.А.* Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Иностранные языки в школе. 2012. № 6. С. 2–10.

4. *Сороковик Т.И.* Практикум «Профессиональная компетентность юриста»: учеб.-метод. пособие. Минск: БИП-С Плюс, 2010. 59 с.

Е.А. Богачева,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ТЕРМИНОЛОГИИ

Лингвистические аспекты играют основополагающую роль в правовой сфере, охватывая как разработку и интерпретацию законодательства, так и составление юридических документов и выступление в суде. Словарный состав языка, будучи наиболее динамичной его частью, чутко реагирует на изменения в общественной жизни и профессиональной деятельности. Как отмечает В.В. Виноградов, «словарный состав языка является наиболее подвижным, наиболее чувствительным к изменениям конструктивным элементом языка» [1, с. 47]. Несмотря на относительную устойчивость лексики в специализированных областях, таких как право, динамика в этой сфере требует пристального изучения.

В контексте юриспруденции юридическая лексика определяется как совокупность слов и выражений, используемых юристами, законодателями и иными специалистами в их профессиональной деятельности. В соответствии с классификацией В.И. Червонюк выделяют две категории юридической лексики: лексику правоведения (научную и терминологическую) и лексику права, отражающую правоприменительную практику [2, с. 305–307].

Однако с лингвистической точки зрения профессионализмы, латинизмы, аббревиатуры и идиомы охватывают широкий спектр общеупотребительных слов и сохраняют свои значения в юридических текстах. Современный английский язык в сфере юриспруденции обладает рядом уникальных характеристик, затрагивающих терминологию, структуру предложений, лингвистические конвенции и даже пунктуацию. Таким образом, дискурсивный анализ, ставший междисциплинарной областью исследований, позволяет изучать, как язык функционирует в реальной профессиональной практике юристов [3, с. 11].

Многочисленные исследования в области юридического дискурса объединяют ученых в сфере прикладной лингвистики из разных стран для изучения способов решения сложных и разнообразных проблем языка и права в дискурсивных и профессиональных жанрах.

К ключевым лингвокультурным особенностям современного юридического языка относят широкое использование латинизмов как неотъемлемых элементов юридического дискурса, что исторически обусловлено влиянием римского права и латыни как языка образования и науки. Например, de facto, de jure, bona fide, res judicata, prima facia, restitutio in interum, onus probandi, alibi и др. Подобные выражения демонстрируют их глубокую интеграцию в правовую систему [4, с. 5–18]. Воспроизведение данных латинизмов в процессе их перевода зависит от устоявшихся практик в профессиональном сообществе переводчиков [Там же, с. 5].

Английский юридический дискурс полон архаичных выражений и конструкций, унаследованных от средневекового юридического английского и латыни, например: ipso facto (вследствие самого факта), quid pro quo (услуга за услугу), bequeath (завещать имущество), prima facie (на первый взгляд) [Там же, с. 6].

Юридическому дискурсу свойственны формальность, архаичность и уникальность, он характеризуется высокой степенью сложности и может быть труднопонимаемым для непрофессионала. Эта уникальность варьируется в разных языковых системах [Там же, с. 8].

Другую лексическую особенность юридических текстов представляют эвфемизмы [Там же, с. 11]. Эвфемизмы часто используются в английском юридическом дискурсе, чтобы смягчить неприятные или деликатные ситуации, придать процессуальным формулировкам оттенок вежливости или предотвратить негативные ассоциации. Например, *The victim passed away as a result of injuries sustained during the incident.* Вместо прямого слова die (умереть) используется мягкое выражение pass away (скончаться). Таким образом, применение эвфемизмов позволяет адвокатам, судьям и другим участникам юридических процессов создавать атмосферу объективности и непредвзятости, снижая потенциальную напряженность и эмоции участников.

Согласно исследованиям Э. Варо и Б. Хьюза, юридический словарь делится на три группы:

- чисто технический словарь: узкопрофессиональные термины, используемые исключительно специалистами в конкретной отрасли права (например, lion, liability, jurisdiction, writ);
- полутехнический словарь: такие слова имеют основное значение в повседневном языке, но приобретают специальное юридическое толкование, часто используются в официальных документах и устной речи юристов (на-

пример, issue (вопрос) как существительное в одном контексте и в значениях «спорная точка» / «потомство» / «раздавать» в других контекстах). Перевод таких единиц требует более широкого спектра вариантов и глубокого понимания контекста;

- общий словарь: распространенные слова, сохраняющие свои обычные значения в юридических текстах (например, summarize) [4, с. 17]. В обычном значении это слово переводится как «обобщать»/«реализовывать» (*The contract includes a section that summarisez the main terms and conditions* / В договоре есть раздел, в котором прописаны условия и сроки). В юридическом же контексте оно используется для обозначения краткого изложения основных положений текста, контракта или иного юридического акта. Например, в договоре может содержаться раздел с заголовком Summary of Terms, где перечислены ключевые условия сделки.

Исследовательским ландшафтом юридического дискурса послужили работы Бенджамина К. Цу и О.Ю. Квангa, М. Коцма, С. Г.-Рожковского, Д. Мацко, Б. Данет, А.Й. Босиацка, А. Тросборга, В. Янулявичене и S. Рацкявичене, Л. Мокиене, которые подтвердили, что юридический дискурс обладает отличительными лексическими особенностями, характерными для выражения юридической концепции [5–12].

Тем не менее потребность в дальнейших исследованиях, особенно в области сопоставительной лингвистики, сохраняется. Важно анализировать не только термины, но и устойчивые выражения, лексические маркеры в различных жанрах юридических документов.

Употребление архаичных канцеляризмов (without prejudice – без ущерба правам, execute – подписывать документ, devise – передавать недвижимость по завещанию) и неуместных профессионализмов (null and void – недействительность, cease and desist – прекращение активности, unliquidated damages – ущерб, сумма которого еще не установлена) придает английскому юридическому языку формальность и торжественность, однако многие современные юристы стремятся избегать чрезмерного употребления устаревших выражений, предпочитая ясность и простоту изложения. Таким образом, избегая профессиональной терминологии там, где это возможно, можно расширить понимание правовых документов для более широкой аудитории [13, с. 16].

Еще одним распространенным недостатком официального стиля юридического языка является использование тавтологических выражений – сочетаний слов, дублирующих одно и то же значение, которое затрудняет понимание юридического текста и придает ему перезагруженность. Например, *The defendant was able and capable of performing his duties.* Оба слова – able and capable – обозначают способность

или умение, т.е. сочетание несет избыточность. Следовательно, лучше сказать: *The defendant was able and capable of performing his duties.*

Следует отметить, что сокращение тавтологии помогает создать четкий и лаконичный документ, а использование простых и точных выражений повышает доступность текста и уменьшает вероятность недопонимания.

Что касается числительных, то они играют важную роль в юридических документах (договоры, контракты, законы или судебные решения). Они помогают точно определять сроки и размеры ответственности, денежные суммы, нумерацию статей законов, разделов договоров и количество предметов. Например, January 1st, 2025 – первое января 2025 г.; within six months – в течение шести месяцев; clause IV – подпункт четвертый и т.д. [14, с. 16]. Таким образом, правильное использование числительных позволяет достичь однозначности формулировок, что особенно важно в правовой сфере.

Юридический дискурс представляет собой сложную систему, существующую как подсистема естественного языка. Его архаичность (особенно в английском языке), сложный синтаксис, направленный на минимизацию двусмысленности, и уникальная лексика требуют от переводчика глубоких знаний не только языка, но и правовой системы, а также понимания лингвокультурных особенностей.

Библиографический список

1. *Виноградов В.*В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 47–68.

2. *Червонюк В.*И. Элементарные начала общей теории права – право и закон. М.: Колосс, 2003. 544 с.

3. *Богачева Е.*А. Юридический дискурс: функциональные особенности в английском языке // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: матер. докл. XIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. Саратов: Саратовский источник, 2021. С. 10–14.

4. *Варо А., Хьюз Б.* Юридический перевод. Манчестер, Великобритания: St. Jerome Publishing, 2002. 120 с.

5. *Босиацка А.*Й. Сравнительное право и оценка эквивалентности связанных с системой терминов в юридическом переводе // In Linguistica Antverpiensia. 2013. № 12. С. 110–146.

6. *Данет Б.* Юридический Дискурс. Справочник по дискурс-анализу. Лондон: Academic Press, 1985. С. 134–152.

7. *Мацко Д.* Использование программного обеспечения для анализа лексических свойств юридического дискурса // Kalbų studijos. 2012. № 20. С. 18–26.

8. *Тросборг А.* Типология и перевод текста. Нидерланды: Библиотека Переводов Benjamins, 1997. 345 с.

9. *Benjamin K. T'sou, Kwong Oi Y.* LIVAC as a Monitoring Corpus for Tracking Trends beyond Linguistics. URL: https://www.researchgate.net/publication/311970174_LIVAC_as_a_Monitoring_Corpus_for_Tracking_Trends_beyond_Linguistics (дата обращения: 10.11.2025).

10. *Cozma M.* Dealing with Syntactic Discontinuities in the Translation of Legal Texts. URL: https://www.researchgate.net/publication/321054503_LEGAL_DISCOURSE_RECONSIDERED_GENRES_OF_LEGAL_TEXTS (дата обращения: 10.11.2025).

11. *Gozdz-Roszkowski S.* Exploring near-synonymous terms in legal language. A corpus-based, phraseological perspective. URL: https://lans-tts.uantwerpen.be/index.php/LANS-TTS/article/view/236/214 (дата обращения: 10.11.2025).

12. *Rackevičienė S., Janulevičienė V., Mockienė L.* English for specific purposes and the second foreign language: reaching beyond language training in philology study programme. URL: https://www.researchgate.net/publication/272857220_Legal_Language_in_Intercultural_Communication (дата обращения: 10.11.2025).

13. *Мягкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск: Изд-во КГУ, 2000. 112 с.

14. *Шугрина Е.С.* Техника юридического письма. М.: Дело, 2000. 272 с.

Е.В. Волгина,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Юридический дискурс, понимаемый как совокупность речевых практик, порождаемых в сфере права и для целей права, традиционно являлся объектом изучения прежде всего юриспруденции. Однако фокус правовой науки часто ограничивался нормативным содержанием текстов, оставляя за скобками их языковую организацию, прагматические механизмы воздействия и социально-культурный контекст. В свою очередь, лингвистические исследования, обращаясь к юридическим текстам, нередко игнорировали их специфическую правовую сущность и функциональное назначение. Преодоление этой методологической ограниченности видится в последовательной реализации междисциплинарного подхода, синтезирующего инструментарий смежных научных областей для получения целостного знания о феномене юридической коммуникации. Важно отметить необходимость в научных исследованиях, которые включают комплексное описание юридического дискурса, «с позиций двух и более подходов, при этом наиболее изученными являются социолингвистический и лингвопрагматический аспекты юридического дискурса» [1, с. 46].

По справедливому замечанию А.Л. Дединкина, в своем широком толковании правовая коммуникация не имеет тематической ограниченности, «ибо практически любой текст может стать объектом правового контроля» [2, с. 225]. Кроме того, специальные тексты юридической направленности изобилуют юридическими понятиями, которые описывают некоторую реальность, воспринимаемую как юристами-специалистами, владеющими терминологическим аппаратом и его легитимной трактовкой, так и неспециалистами в области права, использующими юридические тексты [3, с. 92–93]. Кроме того, наряду с профессиональным юридическим дискурсом существует «популярно-юридический дискурс (разъяснение профессиональными юристами правовых норм и юридиче-

ской практики лицам, не обладающим юридическими знаниями)» [4, с. 8]. Таким образом, интердисциплинарная природа правового знания расширяет понятие дискурса, что приводит к множественным толкованиям определений, «каждое из которых обосновано спецификой изучаемой в рамках конкретной дисциплины проблематики» [5, с. 21].

Актуальность междисциплинарного изучения юридического дискурса определяется рядом факторов. Гносеологический фактор предполагает, что право существует и реализуется преимущественно в языковой форме. Язык является не просто оболочкой правовой нормы, но средством ее создания, интерпретации и применения. Следовательно, понимание природы права невозможно без понимания законов и конвенций того дискурса, в котором оно воплощено. Междисциплинарный анализ позволяет ответить на фундаментальный вопрос: каким образом дискурсивные практики влияют на формирование правосознания?

Прагматический (прикладной) фактор указывает на то, что юридическая практика сталкивается с многочисленными проблемами, коренящимися в языке: неоднозначностью и двусмысленностью законодательных формулировок, сложностью восприятия правовых текстов непрофессионалами, речевыми манипуляциями в судебных прениях, межъязыковыми и межкультурными барьерами в международном праве. Решение этих проблем возможно при совместных усилиях юристов и лингвистов для разработки четких принципов юридической техники, оптимизации документооборота и повышения уровня юридической грамотности.

Социальный фактор предполагает, что в условиях демократического общества доступность правовой информации и прозрачность правосудия являются ключевыми принципами. Исследование юридического дискурса с позиций социолингвистики и критического анализа дискурса помогает выявить языковые механизмы, которые могут как способствовать, так и препятствовать реализации этих принципов, например через использование избыточного количества терминов или намеренно усложненных синтаксических конструкций.

Таким образом, целью междисциплинарного исследования юридического дискурса выступает построение интегративной модели, описывающей его генезис, структуру, функции и воздействие в единстве лингвистических, правовых, социальных и когнитивных аспектов. На достижение данной цели направлено решение следующих задач: лингвистической, собственно юридической, социолингвистической, психолингвистической и когнитивной. Рассмотрим каждую из представленных задач более подробно.

Лингвистическая задача нацелена на выявление и описание системных особенностей языка права на всех

уровнях: лексическом (терминология, архаизмы, клише), морфосинтаксическом (преобладание номинализаций, пассивных конструкций, сложных предложений), стилистическом (официальность, безличность, точность) и текстовом (жанровая структура юридических документов, композиция, межтекстовые связи). Собственно юридическая (догматическая) задача поможет проанализировать, как дискурсивные особенности влияют на процессы правотворчества, толкования и применения права. Необходимо исследовать роль прецедентных текстов, доктринальных интерпретаций и риторических стратегий в аргументации в суде.

Социолингвистическая задача включает изучение вариативности юридического дискурса в зависимости от сферы употребления (законодательный, судебный, административный, доктринальный дискурс), статуса коммуникантов (профессионал – профессионал, профессионал – непрофессионал) и культурно-исторического контекста (сравнительный анализ правовых семей).

Психолингвистическая и когнитивная задачи направлены на исследование процессов восприятия и понимания юридических текстов различными категориями адресатов, а также выявление когнитивных структур (фреймов, схем, концептуальных метафор), лежащих в основе профессионального юридического мышления и транслируемых через дискурс.

Междисциплинарный подход к изучению юридического дискурса представляет собой не просто механическое сложение методов разных наук, а их синтез, порождающий новое, системное знание. Такой подход позволяет преодолеть редукционизм, свойственный узкоспециализированным исследованиям, и раскрыть многогранную природу феномена права, неразрывно связанного с языком и коммуникацией.

Проведенный анализ демонстрирует высокую теоретическую и практическую значимость данного направления. Теоретическая ценность заключается в углублении понимания того, как язык творит правовую реальность. Практическая значимость проявляется в возможности решения конкретных проблем: от совершенствования законодательной техники и повышения эффективности правоприменения до обеспечения реального доступа граждан к праву и правосудию.

Дальнейшее развитие исследований в этой области видится в проведении конкретных эмпирических исследований на стыке дисциплин, например в организации психолингвистических экспериментов по восприятию правовых текстов или в применении методов корпусной лингвистики для анализа больших массивов судебных решений. Именно на этом пути можно ожидать получения значимых результатов, способных обогатить как теорию языка, так и юридическую науку и практику.

Таким образом, комплексное изучение языка права как основного инструмента регулирования общественных отношений позволяет не только глубже понять природу правовой реальности, конструируемой в языке, но и решить ряд практических проблем юридической деятельности.

Библиографический список:

1. *Хомутова Т.Н., Шефер Е.А.* Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2019. № 3. С. 44–53.

2. *Дединкин А.Л.* Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука // СибСкрипт. 2021. № 1 (85). С. 220–228.

3. *Медведева М.С.* Юридический текст как объект профессионально-ориентированного дискурса // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкульт. коммуникация. 2015. № 4. С. 92–94.

4. *Аверин А.С.* Популярно-юридический дискурс: формирование концепции // Филология и культура. 2020. № 1 (59). С. 6–18.

5. *Назаров И.Д.* К вопросу о содержании юридического дискурса и юридического языка: философско-правовой анализ // Дискурс. 2017. № 2. С. 21–28.

Взгляд молодых ученых

К.В. Дроздов,
соискатель кафедры административного
и муниципального права имени профессора
Василия Михайловича Манохина
Саратовской государственной юридической академии

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

К числу субъектов административно-процессуальных отношений законодательство относит несовершеннолетних лиц. Если исходить из широкого понимания административного процесса как деятельности не только судебных органов, но и различных органов государственного управления, их должностных лиц по разрешению индивидуальных дел, можно констатировать отсутствие единой правовой регламентации статуса несовершеннолетних. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [1] (далее – Закон № 124-ФЗ) не является законодательным актом, закрепляющим все особенности участия несовершеннолетних в административных процедурах. Однако в нем констатирована необходимость реализации государственной политики, цели которой – осуществление прав детей, недопущение их дискриминации, формирование правовых основ гарантий прав ребенка. Термины «ребенок» и «несовершеннолетний» употребляются как синонимы.

Свойством, позволяющим гражданину вступать в правоотношения, реализовывать свои права и обязанности, выступает его правосубъектность. Являясь субъектом административно-процессуальных отношений, лицо должно обладать такими элементами правосубъектности, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность [2, с. 67]. Правоспособность означает наличие законодательно установленной способности лица иметь права и обязанности в конкретной сфере общественных

отношений, она служит предпосылкой для его вступления в правоотношения. Дееспособность – способность самостоятельными действиями приобретать права, создавать обязанности и исполнять их. Деликтоспособность имеет отношение к возможности привлечения лица к ответственности за совершение противоправного деяния. Важно заметить, что отсутствие какого-либо из названных элементов правосубъектности, помимо правоспособности, не лишает лицо возможности выступать в качестве субъекта административно-процессуальных отношений. Не обладая способностью самостоятельно отстаивать свои права и нести ответственность за свои действия или бездействие в силу возраста, психического состояния, лицо, тем не менее, может выступать носителем прав и законных интересов, гарантией реализации которых является деятельность их законных представителей, органов опеки и попечительства.

Первый элемент правосубъектности – правоспособность – приобретается несовершеннолетним в момент его рождения. Правоспособность прекращается в связи со смертью лица. Право на жизнь закреплено в Конституции и находит свое отражение в международных актах. Это право принадлежит каждому человеку от рождения, независимо от наличия у него статуса гражданина. Обеспечение его защиты является обязанностью государства.

Административно-процессуальное законодательство также устанавливает весьма обширный перечень прав, которые принадлежат ребенку. Это права в сфере здравоохранения, социального обслуживания, образования. Д.Н. Бахрах, характеризуя правоспособность как неотъемлемый элемент правосубъектности, отметил, что она не одинакова по объему для различных индивидов [3, с. 32]. Действительно, ряд прав гражданин приобретает лишь по достижении определенного возраста, в том числе совершеннолетия.

В данном аспекте вполне корректным представляется подход, избранный законодателем в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), согласно которому административная процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами, если они обладают правом на судебную защиту своих прав, свобод и законных интересов в публичной сфере [4].

Принято считать, что административная дееспособность гражданина приобретается им постепенно. По общему правилу, наступление совершеннолетия является моментом достижения полной дееспособности. Однако в сфере административно-процессуальных отношений такой момент однозначно не определен. Примером может служить законодательство, регламентирующее порядок рассмотрения обращений граждан [5]. В силу отсутствия

прямого запрета реализовать право на обращение могут любые лица, способные самостоятельно сформулировать его.

Паспорт гражданина РФ выдается по достижении им возраста 14 лет. Право на получение паспорта реализовывается самостоятельно. С этого же возраста признается административно-процессуальная дееспособность гражданина в рамках КАС РФ по делам, в которых, согласно закону, он вправе принимать самостоятельное участие.

В свою очередь, свойство административной деликтоспособности несовершеннолетний приобретает по достижении им возраста 16 лет, поскольку Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [6] закрепляет соответствующий возраст наступления административной ответственности. Тем не менее несовершеннолетний может быть освобожден от ответственности с применением к нему предусмотренных законодательством мер воздействия.

При характеристике элементов правового статуса нередко упускается такая составляющая, как законный интерес лица. Однако Закон № 124-ФЗ наряду с упрочением основных гарантий прав ребенка упоминает и о законных интересах, не раскрывая их содержание.

Т.А. Смагиной предложено понимание законного интереса несовершеннолетнего в качестве «объективно обусловленного, юридически установленного предела для родителей и заменяющих их лиц с целью достижения наилучшего результата в обеспечении разнообразных потребностей несовершеннолетнего, охраняемого и защищенного на основании закона уполномоченными субъектами» [7, с. 62].

Не подвергая сомнению теоретическую значимость данного определения, следует еще раз подчеркнуть, что в отдельные административно-процессуальные отношения несовершеннолетние могут вступать самостоятельно. Следовательно, их административно-процессуальная дееспособность в данном случае проявляется в единоличной реализации своих прав и законных интересов в соответствующей сфере.

Существует позиция, что законный интерес может рассматриваться как «законное средство удовлетворения потребностей лица» [8, с. 57]. Однако определение рассматриваемой категории посредством другой – «средство» – сложно назвать корректным. Кроме того, нормативно закрепленные средства обеспечивают реализацию прав и законных интересов субъектов правоотношений, в силу чего не могут отождествляться с ними.

Законопроект № 534677-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» [9] предлагал закрепить определение интересов ребенка как «создания ему условий, необходимых для его жизни и благо-

получного развития в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями». К числу важнейших интересов предполагалось отнести крепкую семью и сохранение брака родителей. В дальнейшем законопроект был отклонен в связи с декларативностью обозначенной нормы, которая нуждается в уточнении.

При характеристике законных интересов ребенка следует учитывать специфику его административно-правового статуса, который предполагает возможность их защиты посредством действий родителей и иных законных представителей. Таким образом, реализация законного интереса несовершеннолетнего не может быть однозначно поставлена в зависимость от наличия у него возможности самостоятельно его выражать.

Вновь обращаясь к положениям Закона № 124-ФЗ, стоит обратить внимание на то обстоятельство, что законные интересы несовершеннолетних подлежат государственной защите. В связи с этим субъекты, которые обладают полномочиями действовать в интересах несовершеннолетних, должны учитывать их при принятии решений. Речь идет о субъектах системы профилактики безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав, а также судебных органах в рамках рассмотрения различных категорий дел, затрагивающих интересы несовершеннолетних.

Так, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» [10] отметил, что под интересами детей следует, в частности, понимать создание благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для их воспитания и всестороннего развития. Данное определение видится весьма удачным и с некоторыми корректировками может быть воспринято законодателем. В частности, следует подчеркнуть, что интерес существует объективно, в том числе у малолетних, которые в силу возраста, физического или психического состояния не могут его выразить самостоятельно. Кроме того, воспитание охватывается более широкой категорией – «всестороннее развитие».

Таким образом, специфика правосубъектности несовершеннолетних как участников административно-процессуальных отношений проявляется в обязанности реализации защиты их прав и законных интересов посредством действий законных представителей и уполномоченных субъектов в случае, когда несовершеннолетний не может выразить и защитить их самостоятельно. Законодательство не раскрывает определения понятия законных интересов несовершеннолетнего, притом что данный термин активно используется как в нормативных актах, так и на практике. В связи с этим предлагается понимать

законный интерес несовершеннолетнего как объективно существующую потребность в обеспечении благоприятных условий для его всестороннего развития. Обозначенное определение следует закрепить в Законе № 124-ФЗ.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (в ред. от 4 ноября 2025 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3802; Российская газета. 2025. 10 нояб.

2. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.

3. *Бахрах Д.Н.* Административное право России: учебник для вузов. М.: Норма, 2002. 798 с.

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1391; 2025. № 31, ст. 4642.

5. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. 2006. № 19, ст. 2060; 2024. № 53, ч. 1, ст. 8557.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 27 октября 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; Российская газета. 2025. 30 окт.

7. *Смагина Т.А.* Административно-правовой статус несовершеннолетнего как объект (предмет) административно-правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6. С. 61–66.

8. *Кучинский В.А.* Законные интересы личности: от Конституции к правореализующей деятельности // Теоретические вопросы реализации Конституции СССР. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1982. С. 85–88.

9. Законопроект № 534677-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» (в части определения наивысших и важнейших интересов ребенка) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/534677-8#bh_histras (дата обращения: 12.11.2025).

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» (в ред. от 17 декабря 2013 г.) // Российская газета. 2006. 3 мая; 2013. 20 дек.

А.С. Кижанов,
соискатель кафедры административного
и муниципального права имени профессора
Василия Михайловича Манохина
Саратовской государственной юридической академии

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) ЗА ЧАСТНОЙ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Государственный контроль (надзор) за частной охранной деятельностью не является предметом регулирования систематизированного законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле [1], в котором содержится специальная оговорка о том, что соответствующие нормы к нему не применяются. В отношении данного вида государственного контроля (надзора) установлены обособленные правила в законодательстве о частной охранной деятельности.

Правовая политика государства в этом направлении не отличается последовательностью [2, с. 27], что показывает практика законодательной регламентации соответствующих правоотношений за последние 25 лет. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» [3] исключения в отношении государственного контроля (надзора) за частной охранной деятельностью не делал, что ставило его в общие рамки. Лишь 22 декабря 2008 г. в Закон было внесено дополнение, исключающее из-под его действия данный вид государственного контроля (надзора) [4]. Изменения должны были вступить в силу с 1 января 2010 г., но так и не были введены в действие ввиду того, что сам Закон утратил силу с 1 мая 2009 г.

Практически одновременно был принят Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [5], в котором снова отсутствовала специальная оговорка, исключающая из-под его действия государственный контроль (надзор) за частной охранной деятельностью.

Однако впоследствии, руководствуясь перечнем поручений Президента РФ по вопросам совершенствования государственной политики в сфере частной охранной деятельности от 5 ноября 2017 г. № Пр-2269, законодатель изменил свою позицию и внес изменения в вышеуказанный Закон [6], представив подробное обоснование в пояснительной записке. В ней отмечалось, что частная охранная деятельность сопряжена с повышенной опасностью для жизни и здоровья граждан, в связи с чем непосредственно затрагивает их конституционные права и свободы, а также иные права и законные интересы физических и юридических лиц, что вытекает из специфики ее осуществления и требует необходимого внимания со стороны контролирующих структур.

На основе анализа материалов правоприменительной практики был сделан вывод, что отнесение частной охранной деятельности к сфере регулирования указанного Закона существенно снизило эффективность соответствующего вида государственного контроля (надзора). По версии законодателя, исключение частной охранной деятельности из сферы его регулирования должно способствовать усилению присмотра государства за ней, снижению количества нарушений установленных требований частными охранными организациями и минимизации возможных негативных последствий, возникающих вследствие таких нарушений. По последним на тот момент данным (2017 г.), органами государственного контроля (надзора) проведено 8,5 тыс. проверок, а количество выявленных нарушений составило около 3 тысяч.

Констатируя значительное сокращение числа проверок частных охранных организаций за период действия названного Закона, разработчики законопроекта указали на то, что это привело не к снижению уровня нарушений обязательных требований в рассматриваемой сфере, а наоборот, к его повышению. При этом уменьшение интенсивности присмотра за частной охранной деятельностью, обусловленное особенностями предусмотренного Законом механизма государственного контроля (надзора), создает предпосылки для формирования угроз национальной безопасности РФ.

Анализируя поступающую от правоохранительных органов информацию, разработчики законопроекта отметили факты осуществления частной охранной деятельности на объектах, которые не могут охраняться частными охранными организациями и подлежат государственной охране в соответствии с федеральным законодательством, а также предоставления статуса частного охранника гражданам РФ, отбывшим наказание за совершение тяжких преступлений, иностранным гражданам, включая прибывших из иностранных государств с высоким уровнем террористических угроз, участия та-

ких лиц в криминальной деятельности с применением служебного оружия [7].

Действующий Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» данную позицию воспроизвел. Однако современная практика деятельности подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии показывает, что свои задачи законодатель решить не смог. При сравнимом с 2017 г. количестве контрольных (надзорных) мероприятий в отношении частных охранных организаций (8 112, т.е. их число даже несколько уменьшилось) в 2024 г. выявлено 5 066 нарушений обязательных требований [8]. Таким образом, можно констатировать рост количества случаев противоправной деятельности указанных субъектов в условиях осуществления государственного контроля (надзора) в соответствии с нормами законодательства, регулирующего частную охранную деятельность.

В связи с этим необходимо отметить общую негативную тенденцию в генезисе законодательства о государственном контроле (надзоре). С одной стороны, очевидно стремление центральных органов государственной власти оптимизировать данную деятельность. На портале Аналитического центра при Правительстве РФ отслеживаются ход и результаты реформы контрольно-надзорной и разрешительной деятельности, которая ориентирована на устранение избыточной административной нагрузки на хозяйствующих субъектов и повышение уровня безопасности. Она осуществляется посредством отмены всех утративших актуальность нормативных правовых актов в данной сфере и построения новой, современной и эффективной системы государственного контроля (надзора), нацеленной на снижение общественно значимых рисков. Основными направлениями проведения соответствующей работы являются: введение детальных правил, определяющих организацию государственного контроля (надзора); выработка новой системы обязательных требований, адекватных системе оценки и управления рисками причинения вреда охраняемым законом интересам и достигнутому уровню технологического развития [9]. Следует отметить большую работу законодателя, проведенную в этом направлении, поскольку качество нормативно-правового регулирования контрольно-надзорной деятельности действительно значительно улучшилось.

С другой стороны, больше 60 видов государственного контроля (надзора), сгруппированных в три перечня, выведены из сферы действия рассматриваемого Закона, включая государственный контроль (надзор) за частной охранной деятельностью. Данные Единого реестра видов федерального государственного контроля (надзора), регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля показывают, что он распространяется

на 218 видов [10]. Таким образом, многие закрепленные в нем прогрессивные конструкции, решения и принципы, ставшие результатом эволюции контрольно-надзорного законодательства, не нашли своего отражения в правилах осуществления значительной части видов государственного контроля (надзора). Среди них: акцент на профилактических мероприятиях и процедурах профилактики; возможность применения альтернативных инструментов регулирования; перечень и порядок проведения контрольных (надзорных) мероприятий; соразмерность вмешательства в деятельность контролируемых субъектов и стимулирование их добросовестного поведения; охрана прав и законных интересов, уважение достоинства личности, деловой репутации контролируемых лиц; оценка эффективности и результативности контрольно-надзорной деятельности.

Безусловно, на содержание контрольно-надзорной деятельности должна влиять специфика той сферы или отрасли государственного управления, в которой она осуществляется, что должно обеспечивать адаптацию контрольных (надзорных) мероприятий к условиям функционирования контролируемых лиц и в конечном счете способствовать установлению баланса публичных и частных интересов. Однако такая специфика не должна обусловливать архаизацию правил проведения государственного контроля (надзора). Именно такая ситуация наблюдается в сфере частной охранной деятельности. Несмотря на то, что правила осуществления контрольно-надзорной деятельности получили несколько измененный вид, Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности» [11] по-прежнему выстраивает их по архаичной схеме, заключая их в одну статью.

По сути, закрепляется базовая конструкция, представляющая собой каркас государственного контроля (надзора) за частной охранной деятельностью, который не может подвергаться изменениям на подзаконном уровне. Последний предполагает детальное регулирование соответствующих правоотношений, которое в настоящее время осуществляется Росгвардией, а в перспективе должно войти в компетенцию Правительства РФ сообразно требованиям нового Закона.

Вместе с тем такая схема не соответствует требованиям современного демократического, правового государства, поскольку любая контрольно-надзорная деятельность предполагает применение мер административного принуждения, которые связаны с ограничением прав и законных интересов контролируемых лиц. В соответствии с требованием ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [12] права и свободы человека и гражданина могут ограничиваться только федеральным законом. Подзаконные правила не могут в полной мере обеспечить их гарантированность, тем более что субъект соответствующе-

го нормотворчества (в данном случае Росгвардия) может руководствоваться ведомственными интересами для упрощения решения собственных задач [13, с. 149], что чревато ущемлением прав и законных интересов контролируемых лиц.

По этой причине целесообразной видится иная схема правовой регламентации государственного контроля (надзора) за частной охранной деятельностью, а равно и других видов контрольно-надзорной деятельности, находящихся в настоящее время в том же состоянии. В ее основу должно быть положено правило о распространении на него Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» с особенностями, предусмотренными законодательством о частной охранной деятельности. Это будет способствовать внедрению в правоприменение прогрессивного, соответствующего современному периоду развития законодательства, практик государственного контроля (надзора) и преодолению рисков и угроз национальной безопасности, связанных со спецификой исследуемой сферы.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (в ред. от 24 июня 2025 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5007; 2025. № 26, ч. 1, ст. 3499.

2. *Соколов А.Ю., Лакаев О.А.* Правовая политика в сфере государственного контроля и надзора // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 24–35.

3. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» (утратил силу) // СЗ РФ. 2001. № 33, ч. 1, ст. 3436.

4. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере частной охранной и детективной деятельности» // СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6227.

5. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (в ред. от 26 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6249; 2024. № 53, ч. 1, ст. 8504.

6. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Закона Российской Федерации “О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации” и статью 1 Федерального закона “О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля”» // СЗ РФ. 2019. № 31, ст. 4469.

7. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 634933-7 «О внесении изменения в Федеральный закон “О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля”» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/634933-7 (дата обращения: 21.10.2025).

8. Доклад о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области частной охранной деятельности // Официальный сайт Росгвардии. URL: https://rosguard.gov.ru/uploads/2025/03/choo.pdf (дата обращения: 21.10.2025).

9. Официальный сайт Аналитического центра при Правительстве РФ. URL: https://knd.ac.gov.ru/about/ (дата обращения: 21.10.2025).

10. Единый реестр видов контроля. URL: https://ervk.gov.ru/supervisions (дата обращения: 21.10.2025).

11. Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности» // СЗ РФ. 2024. № 49, ч. 4, ст. 7418.

12. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата опубликования: 04.07.2020).

13. *Зубова Е.Г.* Меры административного принуждения, применяемые на деликтной основе к иностранным гражданам и лицам без гражданства: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 190 с.

М.Р. Махсунов,
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЯХ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Усложнение функций государственных служащих определило необходимость закрепления ответственности за ненадлежащее осуществление ими своих полномочий. При этом долгое время законодательство не содержало норм, специально посвященных их ответственности за проступки дисциплинарного характера.

В период реформ Петра I был издан Генеральный регламент [1], посвященный закреплению порядка деятельности государственных учреждений и служащих, конкретизации их должностных обязанностей, организации делопроизводства. Кроме того, документ устанавливал ответственность за должностные проступки. За отдельные нарушения служебной дисциплины могло быть применено увольнение со службы или лишение чина. Данные взыскания следовало назначить за употребление спиртных напитков, азартные игры в служебное время, «ложь и обманство». Мог быть назначен штраф в различном выражении: в зависимости от суммы причиненного ущерба, либо без конкретной границы или же имеющий четкое денежное выражение.

Подтверждением наличия попыток разграничить дисциплинарную и уголовную ответственность государственных служащих может выступать установление различного порядка привлечения к ответственности за преступления и проступки. Примечательно, что тяжесть наказания в данном случае обусловливала выбор соответствующего порядка.

В 1722 г. издана Табель о рангах [2] – документ, разграничивший гражданскую, военную и придворную службу и установивший четкую иерархию служащих и соответствие между чинами. Считается, что именно Табель о рангах способствовала оформлению бюрократическо-

го класса. Разработка новой системы потребовалась ввиду значительного увеличения количества служебных должностей. Упразднен потомственный принцип формирования дворянства, поскольку каждый получивший чин VIII класса претендовал на статус потомственного дворянина.

Претерпевая постоянные изменения, Табель о рангах применялась вплоть до Революции 1917 г. Подчеркивая необходимость соблюдения служебной иерархии и недопустимость превышения служащими полномочий, она устанавливала ответственность служащих в виде денежного штрафа в размере двухмесячного жалованья. Такой штраф налагался за «требование почестей» и занятие не положенного по рангу места. При этом штраф должен быть выплачен за каждый факт совершения обозначенного проступка.

Необходимость пресечения коррупционных проявлений на государственной службе и дальнейшего упорядочивания служебной деятельности обусловила принятие Екатериной II в 1766 г. Указа «О распубликовании во всем Государстве об учиненных наказаниях за взятки и лихоимство» [3], в соответствии с которым вводилась мера для чиновников, уличенных во взяточничестве, – опубликование их имен для всеобщего сведения.

Ухудшение состояния служебной дисциплины среди чиновничества начала XIX в. обусловило принятие императором Александром I Указа 1815 г. «Об исполнении указов Сената Присутственными местами и лицами в узаконенный срок», в соответствии с которым всем губернским правлениям, правительствам, палатам, главным и генеральным судам, а также гражданским губернаторам вменялось в обязанность исполнение соответствующих актов «без малейшего промедления времени» [4].

Именной указ «О чинений выговоров и замечаний губернаторам не иначе, как от министров, и с тем, чтоб они всякий раз доводили о том до сведения Комитета» от 30 октября 1816 г. [5] в качестве мер дисциплинарной ответственности для губернаторов закрепил замечание и выговор. Данные взыскания могли назначаться только решениями министров.

Практика дисциплинарных взысканий государственных служащих в начале XIX в. характеризуется широким применением «пени», т.е. денежного взыскания. Отмечается его эффективность, поскольку оно затрагивало имущественное положение нарушителя служебной дисциплины [6, с. 743]. Указывалось, что «в случаях «медленности, безпорядка и нерадения» губернское правление должно было установить меру взыскания, которая при этом была «неопределительна и зависела от меры упущения» [7, с. 74]. В дальнейшем вступило в силу «Мнение» Государственного совета от 14 ноября 1831 г. [8], согласно которому пени следовало заменить выговором или строгим выго-

вором. Денежное взыскание фактически перестало применяться.

Можно говорить об ужесточении ответственности служащих на данном этапе, поскольку применение выговора могло оказать влияние на его дальнейшее продвижение по службе. Помимо выговора, применялись замечание, вычет из жалования, «оглашение» сведений о допустившем нарушение, понижение в должности, увольнение со службы.

Дальнейшая систематизация правовых норм, устанавливающих перечень дисциплинарных взысканий и порядок их применения, была проведена в Уставе по службе по определению от Правительства 1832 г. [9], утвержденном императором Николаем I. Будучи частью Свода законов Российской империи, он выступил результатом работы М.М. Сперанского. Обозначенный Устав представлял собой статут, устанавливающий механизм реализации субъективных прав в сфере государственной службы [10, с. 116].

Значимым для развития нормативного регулирования дисциплинарных взысканий и их институционализации является состоявшееся разграничение преступления и дисциплинарного проступка. Если первое признавалось деянием, которое запрещено законодателем под страхом наказания, то дисциплинарный проступок рассматривался как деяние, влекущее «исправление». Обозначенный подход сохранился и при дальнейшей систематизации отечественного законодательства в рамках Свода Законов 1842 г.

Дисциплинарные взыскания различных видов подлежали назначению в порядке служебного подчинения. В случае замечания или выговора речь шла о непосредственном начальнике, наделенном правом применять взыскание, в случае иных взысканий вопрос об их применении решался начальником, который принимал решение о назначении служащего на должность.

Ключевым актом первой половины XIX в., посвященным правовой регламентации вопросов дисциплинарной ответственности государственных служащих, следует признать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [11]. Обращает на себя внимание включение дисциплинарных взысканий и уголовных наказаний в единый документ, что свидетельствует о понимании дисциплинарной ответственности как разновидности ответственности уголовной. Тем не менее содержание Уложения свидетельствует о весьма четком разделении таких деяний. Э.Л. Лещина, характеризуя разграничение дисциплинарных взысканий от уголовных, проведенное в Уложении, отмечает, что оно состояло в их последствиях – дисциплинарное взыскание не могло иметь своим следствием ограничение гражданских и общественных прав виновного; порядке назначения – дисциплинарные взыскания могут быть налагаемы властью подлежащих начальств без соблюдения

формы уголовного судопроизводства [12, с. 26].

Уложение систематизировало правовые нормы, устанавливающие перечень дисциплинарных взысканий и порядок их применения. Служебные проступки влекли назначение замечания, выговора, вычета из жалованья в размере до трети годового оклада, понижения в должности или удаления от нее, вычета из времени службы на срок до одного года, отрешения от должности, исключения из службы. В полном смысле дисциплинарными взысканиями могли быть названы замечание, выговор, понижение в должности и удаление от нее, поскольку прочие меры ответственности из обозначенного перечня подлежали назначению в порядке судопроизводства.

Несмотря на судебный порядок применения ряда взысканий, необходимо констатировать следующее обстоятельство. Характерной чертой дисциплинарных взысканий в соответствующий временной период выступало сохранение значительного усмотрения начальства. Передача дела на рассмотрение суду допускалась лишь при наличии согласия вышестоящего лица, даже в случае совершения должностного преступления. Несложно предположить, что данный порядок не способствовал укреплению служебной дисциплины.

Перечень дисциплинарных взысканий, применяемых к государственным служащим, был весьма широк. Взыскания в виде выговоров применялись за «медленность и нерадение» по службе. При этом основанием для строгого выговора могло служить нарушение сроков в выполнении поручений начальства, в том числе затягивание срока предоставления отчетов или донесений. Однако законодатель того периода оставлял открытым вопрос о содержании понятий «медленности и нерадения», что порождало почву для субъективного усмотрения субъектов дисциплинарной юрисдикции при применении выговора.

Следует обратить внимание на подробную регламентацию порядка применения к государственному служащему взыскания в форме выговора. Он, по общему правилу, назначался в порядке служебного подчинения. Тем не менее были установлены исключения, которые касались ситуации злостности нарушения дисциплины. Так, если государственный служащий в течение года допустил повторные проступки, в результате которых на него были наложены не менее трех или шести обычных выговоров, то вопрос о дальнейшем назначении дисциплинарного взыскания должен был решаться на заседании суда. При этом смена лицом места службы не имела значения для применения соответствующего порядка, что в некоторой степени способствовало неотвратимости дисциплинарной ответственности. В связи с возникновением вопросов о порядке исчисления сроков применения дисциплинарного

взыскания судом было определено, что выговоры учитывались лишь в рамках одного календарного года. Порядок сохранял свое действие и при смене места службы. Факт наличия выговора фиксировался в аттестате, который был необходим для принятия на службу.

Интерес также представляет наиболее суровое взыскание – «исключение из службы», последствия которого состояли в лишении государственного служащего возможности поступления на нее в дальнейшем. Имелись и иные ограничения, сопутствующие взысканию, а именно лишение права избираться на должность по назначению дворянства, земства, городов и селений. Данная мера ответственности применялась за неисполнение актов императора.

Отрешение от должности имело срочный характер, поскольку лишь в течение трех лет бывшему государственному служащему было запрещено поступление на должность. Допускалось применение дисциплинарного взыскания совместно с запретом на проживание в столице, о чем свидетельствуют исторические источники [3, с. 744].

Важно отметить, что актуальное законодательство о государственной службе также предусматривает увольнение, в том числе сопровождающееся включением сведений о государственном служащем в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, что тем не менее формальным препятствием для повторного поступления государственного служащего на должность не является. Дисквалификация государственного служащего, подразумевая лишение его права заниматься соответствующей деятельностью на определенный срок, имеет место лишь в случае совершения административного правонарушения и последующего рассмотрения дела по правилам КоАП РФ. Указанное положение позволяет сделать вывод о целесообразности обращения к опыту применения дореволюционной меры, сопутствующей взысканию в виде исключения из службы – запрета поступления на нее с учетом современных реалий.

Недостатком Уложения выступала нормативно установленная зависимость взыскания от состава конкретного проступка, совершенного служащим. В результате государственный служащий мог избежать взыскания на том основании, что совершенный им проступок не был закреплен в законодательстве. Однако М.Б. Добробаба указывает на наличие практики разрешения данной ситуации посредством отставки служащего без объявления причин [13, с. 9].

В Уложении также не был закреплен принцип презумпции невиновности и право служащего представить доказательства, свидетельствующие об отсутствии его вины в совершенном деянии или иных обстоятельствах. В дальнейшем ст. 1239 Устава о службе гражданской 1857 г. [14] определила, что служащий, считающий себя

невиновным, может обжаловать свое увольнение вышестоящему начальству или в суд. Изданное в конце XIX в. Общее губернское учреждение отмечало необходимость учета вины служащего при назначении взыскания, а также недопустимость привлечения его к ответственности за деяния другого лица. Кроме того, согласно его ч. 1 ст. 173, «никакое взыскание не могло быть наложено без истребования предварительно от признаваемых виновными объяснения» [15]. Вместе с тем данное положение не было абсолютным, поскольку губернатор имел полномочия применять взыскание за рамками соответствующего порядка.

Таким образом, первоначально в институте ответственности государственных служащих доминировали меры уголовно-правового характера, а законодательство не содержало термин «дисциплинарные взыскания». Постепенное развитие государственной службы ввиду усложнения бюрократического аппарата, расширения его функций обусловило необходимость закрепления специальных мер ответственности государственных служащих. Они выделились из уголовных наказаний и были призваны воздействовать на различные стороны нарушителей служебной дисциплины, имея как моральный, так и имущественный, организационный характер. Будучи не столь суровыми, как уголовные наказания, данные меры тем не менее были призваны предупредить совершение проступков, а в отдельных случаях лишить служащего возможности их совершить в дальнейшем посредством применения бессрочного запрета поступления на службу. К специфике дореволюционного этапа стоит отнести наличие единого порядка применения дисциплинарных взысканий для всех государственных служащих, однако в сочетании с ключевой ролью усмотрения руководителя при их выборе и назначении.

Библиографический список

1. Генеральный регламент от 27 февраля 1720 г. // Законодательство Петра I. М.: Юрид. лит., 1997. С. 99–124.

2. Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был» 1722 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4. С. 52–78.

3. Указ Екатерины II от 11 ноября 1766 г. «О распубликовании во всем Государстве об учиненных наказаниях за взятки и лихоимство» // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVII. № 12781.

4. Указ Сената от 18 ноября 1815 г. «Об исполнении указов Сената Присутственными местами и лицами в узаконенный срок» // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIII. № 25999.

5. Именной указ от 30 октября 1816 г. «О чинений выговоров и замечаний губернаторам не иначе, как от министров, и с тем, чтоб они всякий раз доводили о том до сведения Комитета» // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIII. № 26493.

6. *Курдюк П.М.* Правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственных служащих по российскому дореволюционному законодательству // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 79. С. 745–755.

7. *Воропанов В.*А. Эволюция ответственности судей в законодательстве Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX веков // Юристъ – Правоведъ. 2012. № 4. С. 71–75.

8. Мнение Государственного совета от 14 ноября 1831 г. // ПСЗ РИ. Собр. II. Т. VII. № 4945; Т. IX. № 7603.

9. Устав о службе по определению от правительства, Свод законов, т. III, кн. 1, по официальному изданию 1896 г. и продолжениям 1906 и 1908 г. и Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского, Свод законов, т. III, ч. 3, по официальному изданию 1906 г. и продолжению 1908 г.: с разъясн. Правительствующего сената, Инспект. отд. Собств. Е.И. Вел. Канцелярии и циркулярами мин-в, гл. упр. и Гос. контроля, по 1 окт. 1909 г., а также извлеч. из соответствующих ст. Свода законов (т. 1, 4, 5, 9–11, 13 и 14), с прил. продроб. огл. и алф. указ.: (Справ. кн. для правительств. и обществ. учр. и должност. лиц) / сост. Н.Н. Широков. СПб.: Слово, 1910. XX, 362 с.

10. *Еремина Т.И.* Законодательное регулирование поступления на гражданскую службу в государственной системе просвещения Российской империи в XIX – начале XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 159. С. 115–123.

11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1988. Т. 6. С. 173.

12. *Лещина Э.Л.* Дисциплинарная ответственность гражданских служащих Российской империи // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 5. С. 23–34.

13. *Добробаба М.Б.* Эффективность дисциплинарной ответственности государственных служащих в Российской империи // Право: история и современность. 2020. № 3. С. 7–17.

14. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Перваго составленный: издание 1857 года. Уставы о службе гражданской. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. Его Императорского Величества канцелярии, 1857–1876, 1857. 1414 с.

15. Общее учреждение губернское // СЗ РИ. 1892. Т. 2. С. 1. Ст. 3.

К.А. Никитин,
аспирант кафедры административного
и муниципального права имени профессора
Василия Михайловича Манохина
Саратовской государственной
юридической академии

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК

Административные правонарушения в сфере осуществления закупок нередко выявляются уполномоченными органами и должностными лицами. Соответствующая деятельность основана на положениях Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [1] (далее – Закон № 248-ФЗ). Одновременно судебная практика свидетельствует о том, что прокуратура также играет весьма активную роль при установлении административных правонарушений на этапе осуществления закупок [2].

Прокурорский надзор за исполнением законов выступает разновидностью межотраслевого государственного надзора [3, с. 216]. О его самостоятельности свидетельствует то обстоятельство, что органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы.

В рамках проверки, проведенной как органами государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, так и органами прокуратуры, возможно выявление множественных административных правонарушений.

Согласно ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ, «если при проведении одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля выявлены два и более административных правонарушения, ответственность за которые предусмотрена одной и той же статьей (частью статьи) раздела II КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации, совершившему их лицу назначается административное наказание как за совершение одного административного правонарушения» [4].

Закон № 248-ФЗ в ст. 1 определяет, что «под государственным контролем (надзором), муниципальным контролем в Российской Федерации понимается деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований». Специально отмечается, что данное определение используется в целях соответствующего федерального закона. Обозначенное обстоятельство порождает весьма противоречивую правоприменительную практику.

В ряде случаев суды ссылаются на неразрывную связь ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ и Закона № 248-ФЗ, подчеркивая, что Закон № 248-ФЗ распространяется не на все виды государственного контроля и надзора [5]. В частности, ч. 3 ст. Закона № 44-ФЗ прямо указывает на неприменение его положений к деятельности прокуратуры в рамках осуществления прокурорского надзора.

В одном из рассмотренных дел судья констатировал отсутствие оснований для применения положений ч. 5 ст. 4.4 КоАП по причине того, что «обстоятельства, послужившие основанием для возбуждения прокурором дел об административных правонарушениях, не были выявлены в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» [6].

Имеется и противоположная практика. Примером может служить решение Арбитражного суда Свердловской области. Суд указал, что «в целях применения положений КоАП РФ понятие “государственный контроль (надзор)” следует рассматривать в широком смысле» [7].

Важно отметить, что в ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ речь идет о «контрольных (надзорных мероприятиях)». Термин широко используется в Законе № 248-ФЗ, однако его определение нормативно не конкретизировано. А.В. Мартынов указывает, что они выступают административными процедурами, наполняющими контрольно-надзорное производство, отражающими соответствующую форму контрольно-надзорной деятельности [8, с. 707].

В свою очередь, Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [9] данным термином не оперирует, используя понятие «проверка исполнения законов».

В то же время вопрос о возможности расширительного понимания государственного контроля (надзора) уже выступал предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ – в рамках дела, не связанного со сферой государственных и муниципальных закупок. Так, в постановлении от 18 июля 2024 г. № 39-П [10] (далее – Постановление № 39-П) суд обратил внимание на необходимость соблюдения принципа равенства всех перед законом. Данному принципу противоречит ограничительное толкование рассматриваемого положения применительно к выявленным

в ходе осуществления прокурорского надзора правонарушениям.

По обозначенному вопросу 8 августа 2025 г. также вынесено постановление Верховного Суда РФ № 69-АД25-8-К7 [11]. Как следует из данного акта, предусмотренное ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ специальное правило назначения административного наказания недопустимо распространять лишь на случаи, когда административное правонарушение выявлено в соответствии с Законом № 248-ФЗ. Таким образом, по мнению Верховного Суда РФ, термин «государственный контроль (надзор)» следует толковать широко, не ограничивая его только рамками действия названного закона.

В науке предлагался способ решения обозначенной проблемы. Так, И.Н. Дехтярь, указывая на недопустимость законодательного отождествления дефиниций «государственный контроль» и «государственный надзор», констатирует необходимость закрепления в КоАП РФ термина «контрольно-надзорная деятельность». Отмечается, что ее содержание шире, чем процедуры, закрепленные Законом № 248-ФЗ [12, с. 462].

Однако специфика прокурорского надзора не позволяет включить его в содержание контрольно-надзорной деятельности. Это самостоятельная разновидность деятельности специально созданных государственных органов. Целесообразно внести изменения в содержание ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ, которое обеспечило бы возможность ее применения за рамками сферы Закона № 248-ФЗ. С учетом поправки обозначенный пункт может быть изложен в следующем виде: «Если при осуществлении надзора за исполнением законов органами прокуратуры в рамках одной проверки, при проведении одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля выявлены два и более административных правонарушения, ответственность за которые предусмотрена одной и той же статьей (частью статьи) раздела II настоящего Кодекса или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, совершившему их лицу назначается административное наказание как за совершение одного административного правонарушения».

Кроме того, за правонарушения при осуществлении государственных и муниципальных закупок возможно назначение не только административного штрафа, но и предупреждения.

По общему правилу, предупреждение применяется в случае совершения правонарушения впервые и при отсутствии причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов РФ, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций при-

родного и техногенного характера, а также при отсутствии имущественного ущерба.

При этом в рамках реформы государственного контроля (надзора) в КоАП РФ была закреплена ст. 4.1.1, предусматривающая обязательность замены административного наказания в виде административного штрафа предупреждением за впервые совершенное деяние. Исследователи оценивают данное положение как способ минимизации негативных последствий правонарушения и проявление снижения административной нагрузки на субъектов, в отношении которых осуществляется государственный контроль (надзор) [13, с. 66].

Отдельные правонарушения при осуществлении государственных и муниципальных закупок предусматривают возможность назначения лишь административного штрафа. Речь идет о ч. 4 ст. 7.30.1 КоАП РФ, устанавливающей наказание за «применение закрытого конкурентного способа определения поставщика без согласования с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти», а также «проведение закрытого конкурентного способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя) на условиях, отличных от согласованных с указанным органом». Несмотря на весьма солидный размер административного штрафа, закрепленный в ее санкции для виновных в правонарушении должностных лиц, положения ст. 4.1.1 КоАП РФ не определяют исключений для соответствующих деяний. При этом Верховный Суд РФ подчеркивал необходимость назначения наказания в виде предупреждения за впервые совершенное правонарушение во всех случаях [14].

Однако ст. 4.1.1 КоАП РФ, как и ранее упомянутая ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ, содержит формулировку «административное правонарушение, выявленное в ходе осуществления государственного контроля (надзора)». Для исключения разночтений на практике предлагается изменить диспозицию указанной статьи, изложив ее в следующем виде: «впервые совершенное административное правонарушение, выявленное в ходе осуществления прокурорского надзора, государственного контроля (надзора), муниципального контроля».

Таким образом, административные правонарушения на этапе осуществления закупок выявляются не только органами государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, но и прокуратурой. В рамках проверки, проводимой соответствующими органами, возможно выявление множественных правонарушений. При этом КоАП РФ содержит формулировку, согласно которой «если в случае проведения одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля выявлены два и более административных правонарушения, ответственность за которые предусмотрена одной и той

же статьей (частью статьи) раздела II КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации, совершившему их лицу назначается административное наказание как за совершение одного административного правонарушения». Тем не менее судебная практика по вопросу толкования данного положения весьма противоречива. Следует внести изменения в содержание ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ и ч. 1 ст. 4.1.1 КоАП РФ, которые обеспечивают их применение к деятельности прокуратуры в рамках надзора за соблюдением законодательства о контрактной системе при осуществлении закупок.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (в ред. от 24 июня 2025 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5007; 2025. № 26, ч. 1, ст. 3499.

2. Решение Басманного районного суда г. Москвы от 29 января 2021 г. по делу № 12-25/21. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/basmannyj/cases/docs/content/4fc50470-9754-469a-8c8c-b9d446f9c205 (дата обращения: 29.11.2025).

3. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 4 ноября 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2025. № 45, ст. 6714.

5. Постановление Кемеровского УФАС России от 23 октября 2023 г. о назначении административного наказания по делу об административном правонарушении № 042/04/14.3-1320/2023. URL: https://br.fas.gov.ru/to/kemerovskoe-ufas-rossii/b5caea87-109c-42a3-b712-d1802f973b89/ (дата обращения: 29.11.2025).

6. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 2 августа 2024 г. по делу № 16-2718/2024. URL: https://base.garant.ru/341548343/ (дата обращения: 29.11.2025).

7. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 26 июня 2023 г. по делу № А60-26769/2023. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/iJd8k200zXm1/ (дата обращения: 29.11.2025).

8. *Мартынов А.В.* Контрольно-надзорное производство как часть современного административного процесса // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра юрид. наук, профессора, заслуж. деятеля науки РФ Сорокина Валентина Дмитриевича в связи со 100-летием со дня рождения (Санкт-Петербург, 29 марта 2024 г.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2024. С. 700–712.

9. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 3 февраля 2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 6, ст. 408.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2024 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положения части 1.3–3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “НТСИ Телеком”» // СЗ РФ. 2024. № 30, ст. 4444.

11. Постановление Верховного Суда РФ от 8 августа 2025 г. по делу № 69-АД25-8-К7. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2481054 (дата обращения: 29.11.2025).

12. *Дехтярь И.Н.* О некоторых вопросах административной ответственности субъектов предпринимательской деятельности в современных условиях // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра юрид. наук, профессора, заслуж. деятеля науки РФ Сорокина Валентина Дмитриевича в связи со 100-летием со дня рождения (Санкт-Петербург, 29 марта 2024 г.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2024. С. 462–462.

13. *Шайхутдинова Т.Ф.* Актуальные способы минимизации негативных последствий административных правонарушений // Современная наука. 2022. № 2. С. 66–68.

14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17 октября 2023 г. № 307-ЭС23-10623. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-17102023-n-307-es23-10623-po-delu-n-a21-79032022/ (дата обращения: 29.11.2025).

А.С. Савенко,
соискатель Красноярского государственного
аграрного университета,
генеральный директор
юридической фирмы «ФОКС»

МИНИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ РИСКОВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В бизнес-кругах широко известно, что уголовно-правовые (криминальные) риски коммерческих организаций, а в особенности – их руководителей, в последние годы крайне высоки и оцениваются самими предпринимателями и специалистами как постоянно растущие как по степени распространенности, так и по строгости применяемых уголовных наказаний. При этом речь идет не только о реальном совершении недобросовестными предпринимателями преступлений (в основном экономических и коррупционных), но и о так называемых необоснованных рисках [1]. Б.Ю. Титов, в прошлом – Уполномоченный при Президенте России по правам предпринимателей, неоднократно отмечал, что одной из хронических болезней отечественного бизнеса остается незаконное уголовное преследование [2].

В то же время со стороны государства налицо стремление помогать бизнесу в решении этих проблем. Достаточно вспомнить хотя бы новеллы уголовного, уголовно-процессуального законодательства, множество принятых изменений в правовые нормы, призванные защищать права и законные интересы предпринимателей (ст. 76.1 УК РФ, ст. 28.1, ч. 7–9 ст. 144, ч. 1.2 ст. 140, ст. 81.1, 108.1 УПК РФ и многие другие) [3].

В.А. Китсинг обобщает основные уголовно-правовые риски руководителей и топ-менеджеров коммерческих организаций. Они возникают в результате создания незаконных способов (автор называет их схемами) ведения бизнеса, среди которых самыми распространенными являются:

- способы налоговых преступлений: завышение расходной или занижение доходной части, дробление бизнеса с целью необоснованного применения специальных налоговых режимов УСН и ЕНВД, необосно-

ванное применение налоговых льгот, льготных налоговых ставок;

▪ способы таможенных преступлений, в частности занижение таможенной стоимости ввозимой продукции и создание видимости ее приобретения у российских поставщиков;

▪ способы преступлений в сфере госзакупок, квалифицируемые обычно как мошенничество, и др. [4]

Изучение следственно-судебной практики и профильной литературы показывает, что к перечню, предлагаемому В.А. Китсингом, в качестве широко распространенных уголовных рисков руководителей и собственников коммерческих организаций стоит добавить также:

▪ способы коррупционных преступлений: дача взяток должностным лицам, посредничество во взяточничестве; преступления, связанные с коммерческим подкупом (ст. 204–204.2 УК РФ), и др.;

▪ способы преступлений, связанных с нарушением трудовых прав граждан – работников коммерческих организаций. Это преступления, предусмотренные ст. 143 УК РФ «Нарушение требований охраны труда», ст. 145 УК РФ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет; и, наконец, особо распространенное преступление, предусмотренное ст. 145.1 УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат» [5].

Все эти способы следует рассматривать как высокие уголовно-правовые риски. Ю.П. Гармаев в связи с этим верно обращает внимание, что с принятием новой номенклатуры научных специальностей 5.1.4 – «Уголовно-правовые науки» есть высокий потенциал к активизации исследований в области правозащитной деятельности, с применением междисциплинарного подхода, т.е. с использованием в том числе криминалистических и оперативно-разыскных знаний. Автор перечисляет основные направления междисциплинарных исследований, среди которых выделяет криминалистические средства защиты бизнеса. Он указывает на сильный и устойчивый спрос на прикладные и теоретические знания в этой области [6].

С учетом изложенного представляется актуальной тематика исследований, посвященная минимизации уголовно-правовых рисков руководителей и собственников коммерческих организаций с использованием инструментария таких прикладных наук, как криминалистика, оперативно-разыскная деятельность. И, конечно, в целом требуется междисциплинарный подход. Основные элементы, объектная и предметная область такого исследования – это прежде всего профилактика и правовое просвещение руководителей, собственников и сотрудников коммерческих организаций, а также средства

защиты предпринимателей в ситуациях как обоснованного, так и необоснованного уголовно-правового риска.

Содержание этих элементов, этого научно обоснованного знания должно включать:

- вопросы уголовно-правовой квалификации и данные из криминалистических характеристик типичных, наиболее распространенных в следственно-судебной практике преступлений, совершаемых указанными лицами;
- описание того, в каких типичных криминальных и следственных ситуациях эти преступления выявляются, доказываются и кем;
- какие уголовные наказания обычно назначаются виновным, от чего зависит их строгость;
- рекомендации о том, как действовать руководителям:
- в плане профилактики, в частности проведения аудита уголовно-правовых рисков;
- в самом начале проверки со стороны правоохранительных, налоговых органов;
- как реагировать на нарушения своих прав и законных интересов в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, следственных действий, иных мероприятий и многие другие вопросы.

Следует обратить особое внимание, что речь идет об исследованиях и их результатах, носящих явно выраженный криминалистический характер, но с применением междисциплинарного подхода.

Библиографический список

1. *Воронин В.Н.* Понятие «уголовно-правовой риск» в социологии уголовного права: опыт теоретического осмысления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 4 (116). С. 188–200.

2. *Корня А.* Даже поддержка президента не помогла гуманизации уголовного законодательства // Ведомости. 2016. 11 мая. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/05/11/640591-initsiativi-blokiruyutsya (дата обращения: 16.10.2025).

3. *Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А.* Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография // СПС «КонсультантПлюс».

4. *Китсинг В.*А. Уголовно-правовые риски бизнеса: как руководителю избежать ответственности // Арбитражная практика для юристов. 2018. № 6. С. 42–49.

5. *Афанасьев А.В., Фомичев С.М.* Особенности расследования преступлений, связанных с нарушением трудового законодательства // Аграрное и земельное право. 2022. № 9 (213). С. 37–41.

6. *Гармаев Ю.П.* Правозащитная деятельность с использованием уголовно-правовых, криминалистических и оперативно-розыскных мер как актуальное направление междисциплинарных исследований // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 151–159.

Н.А. Шаповал,
соискатель
Красноярского государственного
аграрного университета,
начальник отдела административной
и корпоративной практики
юридической фирмы «ФОКС»

ПРОФИЛАКТИКА КРИМИНАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РИСКОВ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Криминалистика как наука и учебная дисциплина всегда ориентировалась на то, чтобы способствовать борьбе с преступностью, нацелить следователя и иных сотрудников правоохранительных органов на повышение эффективности выявления, раскрытия и расследования преступлений различных видов и групп. И все же на текущий момент множество ученых утверждают, что необходимо интегрировать криминалистическое научное знание в иные сферы. Например, В.А. Новицкий критически отмечает, что «существующая криминалистическая наука обеспечивает только уголовное судопроизводство, научно не обеспеченными остаются гражданский, арбитражный и административный процессы» [1, с. 128–129].

Еще более кардинально высказывается Т.С. Волчецкая, которая совершенно справедливо полагает необходимым создание еще одного раздела в науке – «Прикладная криминалистика в юридической практике». В данном разделе могли бы быть рассмотрены различные варианты использования знаний криминалистики в иных юридических сферах [2, с. 14].

Интересен исследовательский подход к правилам формирования криминалистических характеристик отдельных видов преступлений, предложенный Ю.П. Гармаевым [3, с. 270] и развитый в работах Р.Н. Боровских [4, с. 289–292], а также других представителей этой научной школы. Ученые предлагают использовать сведения из криминалистических характеристик для антикриминального просвещения населения, например на основе уже имеющихся разработок разъяснять широким слоям населения:

▪ типичные заблуждения относительно преступности/непреступности тех или иных деяний;

▪ за какого рода действия и в каких типичных житейских, криминальных ситуациях привлекаются к уголовной ответственности лица в той или иной сфере деятельности, профессии;

▪ как гражданину защититься от попыток вовлечь себя в преступную деятельность и т.д.

Р.Н. Боровских доказывает, что криминалистическая характеристика того или иного вида преступления может представляться как в форме профессиональных практических рекомендаций для следователей и оперуполномоченных (традиционный подход), так и в краткой и доступной форме для широкого круга граждан в целях их антикриминального просвещения [4, с. 289–292]. Последний подход можно признать инновационным. Мы согласны с этим подходом и предлагаем использовать его в рамках антикриминального просвещения в сфере налогообложения.

Так, в одном из учебников по криминалистике [5], как и во многих других, в главе о методике расследования налоговых преступлений традиционно выделяется и описывается их криминалистическая характеристика. Как принято в работах подобного рода, в качестве основного и обязательного ее элемента обозначается способ налоговых преступлений. Констатируется, что существует более 200 способов их совершения, которые при всем их многообразии обладают едиными криминалистическими признаками, такими как обусловленность налоговым законодательством, связь с экономическими признаками конкретных налогов, связь с подзаконными актами, регулирующими порядок учета экономических показателей, хозяйственных и финансовых операций, учета и движения товарно-материальных ценностей.

Уголовно-правовой характеристикой преступлений, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, закреплены пять обобщенных способов налоговых преступлений: непредставление налоговой декларации, непредставление иных обязательных документов, включение в налоговую декларацию или иные документы заведомо ложных сведений, неисполнение обязанностей по исчислению, удержанию или перечислению налогов (сборов), сокрытие имущества или денежных средств, за счет которых должно производиться взыскание налогов (сборов).

В авторской криминалистической характеристике подробно рассматривается каждый способ налогового преступления и разграничение налоговой (по Налоговому кодексу РФ) и уголовной ответственности, соответственно, при крупном и особо крупном размере недоимки (примечание 1 к ст. 199 УК РФ). Детально описывается более 40 разновидностей перечисленных пяти способов налоговых преступлений [5].

Как показали проведенные нами опросы предпринимателей, большинство из них не знают, что такие описанные автором действия, как использование бизнесом необоснованных льгот: фиктивное использование в качестве работников инвалидов, перечисление прибыли в организацию, имеющую налоговые льготы, использование посреднических аффилированных юридических лиц, в том числе находящихся в оффшорных юрисдикциях, и многие другие типичные уловки налогоплательщиков, являются не «удачными методами оптимизации налогообложения», а именно способами совершения налоговых преступлений. Они хорошо известны налоговым органам и следственным подразделениям органов Следственного комитета РФ. Имеются сотни, тысячи уголовных дел, где предприниматели осуждены за подобные действия. Знать их необходимо, пожалуй, каждому налогоплательщику.

Вновь отметим, что это именно данные из криминалистической характеристики, а к ней еще относятся типичные следы, обстановка, время и место совершения налоговых преступлений. Все эти сведения при их кратком изложении доступным языком, со специфическими методами, методологией изложения могут и должны быть использованы для антикриминального просвещения в данном случае в среде руководителей и собственников организаций, прежде всего коммерческих, а также номинальных руководителей фирм-однодневок, бухгалтеров, руководителей отделов и даже рядовых сотрудников.

В этом смысле потенциал криминалистических знаний еще далек от полной реализации, а криминалистические исследования, направленные на профилактику криминальных налоговых рисков, представляются весьма перспективными.

Библиографический список

1. *Новицкий В.А.* Теория доказательственного права: монография: в 2 т. М.; Ставрополь: Пресса, 2004. Т. 1. 304 с.

2. *Волчецкая Т.*С. Прикладные задачи современной криминалистической науки // III Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: матер. междунар. науч.-практ. конф., 19 декабря, 2014 г. Калининград: Изд-во Калинингр. фил. С.-Петерб. ун-та МВД России, 2015. С. 12–14.

3. *Гармаев Ю.П.* Современные информационные технологии в механизме внедрения криминалистических и межотраслевых средств противодействия коррупции // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: матер. междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 25–26 сент. 2014 г.). Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та экономики и права, 2014. С. 266–271.

4. *Боровских Р.Н.* Теоретические основы и прикладные аспекты расследования преступлений в сфере страхования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 726 с.

5. *Кучерков И.А.* Методика расследования налоговых преступлений // Криминалистика: учебник для бакалавров / [В.П. Антонов, И.И. Белозерова, Л.В. Бертовский и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГ-Пресс, 2025. С. 956–983.

Б.В. Шепелев,
аспирант кафедры «Гражданско-правовые дисциплины»
Московского финансово-юридического университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНКУРЕНЦИИ ПРИ ПАРАЛЛЕЛЬНОМ ИМПОРТЕ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) ЗАКУПКАХ

Институт параллельного импорта, легализованный в Российской Федерации в 2022 г. в качестве ответной меры на санкционное давление, стал значимым фактором экономической жизни. Его внедрение преследует цели обеспечения населения и экономики необходимыми товарами, насыщения рынка и развития здоровой конкуренции. В то же время сфера государственных и муниципальных закупок, регламентированная федеральными законами от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] (далее – Закон № 44-ФЗ) и от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [2] (далее – Закон № 223-ФЗ), традиционно является зоной повышенного правового регулирования, где приоритет отдается принципам экономической эффективности, добросовестной конкуренции и минимизации рисков.

Столкновение этих двух правовых режимов порождает комплекс актуальных научных и практических проблем. Ключевой вопрос заключается в том, каким образом допуск товаров, ввезенных через параллельный импорт, влияет на конкурентную среду в закупках и как существующее правовое регулирование справляется с возникающими вызовами, такими как риски нарушения исключительных прав, проблемы подтверждения качества и легальности происхождения товаров, а также ответственность заказчиков. Настоящая статья призвана проанализировать обозначенные проблемы и предложить пути их решения.

Параллельный импорт подразумевает ввоз оригинальных товаров, предназначенных для реализации на зарубежных рынках, на территорию России без прямого согласия правообладателя товарного знака. Его легализация была осуществлена путем принятия постановления Правительства РФ от 29 июня 2022 г. № 1156 «Об утверждении перечня товаров, в отношении которых не допускается реализация исключительного

права на средства индивидуализации юридического лица, товаров, работ, услуг» [3], которое, по сути, ввело режим исчерпания права на товарный знак для широкого перечня товарных групп. В то же время контрактная система, особенно в рамках Закона № 44-ФЗ построена на императивных принципах. Согласно ст. 6 Закона № 44-ФЗ, основными принципами контрактной системы являются в том числе обеспечение конкуренции, эффективное использование средств бюджетов и ответственность за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Возникает правовая коллизия: с одной стороны, параллельный импорт призван увеличить число предложений на рынке и, как следствие, усилить конкуренцию, потенциально снижая цены для заказчиков, с другой стороны, отсутствие прямого контроля со стороны правообладателя над цепочкой поставок создает риски для заказчика:

- риск получения некачественного или контрафактного товара. Несмотря на то, что товар является оригинальным, условия его хранения и транспортировки могут не соответствовать стандартам правообладателя;
- риск отсутствия гарантийного обслуживания. Официальные дистрибьюторы могут отказаться обслуживать товары, ввезенные параллельно;
- риск юридических споров. Правообладатель может оспорить законность оборота таких товаров, что приведет к судебным разбирательствам с участием заказчика.

Таким образом, принцип экономической эффективности (возможная низкая цена) вступает в противоречие с принципом минимизации рисков и обеспечения надлежащего качества поставляемой продукции.

Действующее законодательство о закупках не содержит прямого упоминания параллельного импорта. Не существует и прямого запрета на участие в закупках товаров, ввезенных таким способом. Следовательно, формально такие товары могут быть предложены любым участником, отвечающим требованиям документации.

Ключевым критерием для допуска любой продукции является ее соответствие требованиям, установленным в закупочной документации (ч. 1 ст. 33 Закона № 44-ФЗ). Заказчик вправе установить в документации обязательные требования к товару, в том числе необходимость его соответствия техническим регламентам, стандартам, а также иным требованиям, связанным с его происхождением и легальностью оборота.

На практике это приводит к следующим моделям поведения заказчиков:

1. Нейтральная позиция: заказчик не упоминает в документации вопросы, связанные с каналами поставок, акцентируя внимание исключительно на технических характеристиках и соответствии законодательству РФ. Это создает правовое поле для участников,

предлагающих параллельно импортированные товары.

2. Ограничительная позиция: заказчик, стремясь минимизировать риски, включает в документацию требование о наличии у поставщика официального статуса дилера/дистрибьютора правообладателя или о предоставлении товара с гарантией официального представительства в Российской Федерации. Такие требования, однако, могут быть признаны ограничивающими конкуренцию, если они не являются обоснованно необходимыми для исполнения контракта.

Судебная практика по данному вопросу только формируется. Однако можно выделить позицию, согласно которой сам по себе факт параллельного импорта не служит основанием для признания товара контрафактным или недоброкачественным, если он был ввезен легально и прошел все необходимые таможенные процедуры.

Одна из главных проблем для заказчика – проверка добросовестности поставщика и легальности происхождения предлагаемого им товара. Участник закупки, предлагающий параллельно импортированный товар, должен быть готов предоставить исчерпывающие доказательства его легальности: таможенные декларации, подтверждающие законность ввоза; сертификаты соответствия техническим регламентам Таможенного союза (ЕАЭС); документы, подтверждающие цепочку поставок от производителя до данного поставщика. Отсутствие прозрачной и общедоступной системы проверки легальности параллельного импорта создает значительные административные барьеры и для добросовестных поставщиков, и для заказчиков.

Еще одной острой проблемой является гарантийное обслуживание. Закон № 44-ФЗ обязывает поставщика предоставлять гарантию качества на поставляемый товар (ст. 103). Участник, предлагающий товар в рамках параллельного импорта, должен самостоятельно обеспечить выполнение данных гарантийных обязательств, т.к. официальные сервисные центры могут в них отказать. Это создает дополнительные финансовые и репутационные риски как для поставщика, так и для заказчика, который может столкнуться с простоем в работе из-за невозможности оперативного ремонта.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Легализация параллельного импорта оказала значительное влияние на конкурентную среду в сфере государственных закупок, потенциально увеличивая число участников и усиливая ценовую конкуренцию.

2. Действующее законодательство о контрактной системе не содержит специальных норм, регулирующих допуск товаров параллельного импорта, что создает значительную правовую неопределенность и риски для заказчиков и участников.

3. Основным правовым препятствием для свободного участия таких товаров в закупках являются не запреты, а риски, связанные с подтверждением их качества, легальности происхождения и обеспечения гарантийного обслуживания.

4. Установление заказчиками избыточных требований (наличие официального дистрибьюторского статуса) с целью минимизации рисков может быть признано нарушением антимонопольного законодательства, если не будет доказана его абсолютная необходимость.

Для совершенствования правового регулирования и обеспечения баланса интересов представляется целесообразным:

- на законодательном уровне (внести изменения в Закон № 44-ФЗ и Закон № 223-ФЗ):

закрепить открытый перечень документов, которые участник закупки должен предоставить для подтверждения легальности происхождения товара, ввезенного в порядке параллельного импорта (таможенная декларация, сертификаты соответствия);

установить четкую ответственность поставщика за обеспечение независимого гарантийного обслуживания товара, не зависящего от официальных сетей правообладателя;

разработать и внедрить типовые условия контракта, учитывающие специфику параллельного импорта;

- на подзаконном уровне (акты ФАС России, Минфина России):

разработать и утвердить методические рекомендации для заказчиков по проверке документов, подтверждающих легальность параллельно импортированных товаров;

сформулировать четкую позицию по вопросу об обоснованности требования о наличии официального дистрибьюторского статуса в различной номенклатуре товаров.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на анализ отраслевой специфики параллельного импорта в закупках (например, для медицинской техники, лекарственных средств, сложного промышленного оборудования), а также на сравнительно-правовой анализ регулирования данного вопроса в странах ЕАЭС.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652.

2. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. 2011. № 30, ст. 4571.

3. Постановление Правительства РФ от 29 июня 2022 г. № 1156 «Об утверждении перечня товаров, в отношении которых не допускается реализация исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, товаров, работ, услуг» // СЗ РФ. 2022. № 27, ст. 4480.

А.С. Шималакова,
магистрант 3 курса
Института магистратуры
и заочного обучения
Саратовской государственной
юридической академии

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА В РОССИИ И США

Характеризуя экономику США конца XX в., можно отметить, что она одна из наиболее зрелых и эффективных в мире. За последние десятилетия демонстрируется высокая степень адаптации к новым условиям и сохранение лидерства среди промышленно развитых стран. Транснациональные корпорации, возглавляемые американским капиталом, сформировали огромную, охватывающую весь мир «вторую экономику» США. Принято считать, что в настоящее время масштабы государственного вмешательства в американскую экономику оптимальные, поскольку государство эффективно помогает уже сложившейся экономической системе. Никто в стране не выступает ни за расширение государственного присутствия в экономике, ни за его сокращение [1, с. 422].

В США институт уполномоченного по защите прав предпринимателей был создан в 1996 г. как результат исследования эффективности законодательства по защите малого бизнеса от чрезмерных административных мер. Он введен Законом «О справедливом правоприменении в малом бизнесе» («Small Business Regulatory Enforcement Fairness Act (SBREFA)») и имеет наименование «национальный омбудсмен» (Office of the National Ombudsman).

Национальный омбудсмен США, назначаемый администратором SBA (Управления по делам малых предприятий – федерального агентства, созданного для содействия развитию малого бизнеса), является должностным лицом Управления по делам малых предприятий. От администратора SBA зависит финансирование аппарата национального омбудсмена США. Национальный омбудсмен США ежегодно отчитывается о проделанной работе администратору SBA. В сравнении с национальным институтом он выступает в качестве представителя органа власти,

т.к. входит в структуру федерального агентства, а агентство – структурная единица правительства США. Помимо омбудсмена в SBA существует Office of Advocacy (Офис по защите интересов малого бизнеса), представляющий интересы малого бизнеса на всех уровнях власти при разработке законов [2]. В понимании нашего права Офис осуществляет законотворческую инициативу, может вносить различные предложения по совершенствованию законодательства, его мнение как представителя бизнес-субъектов учитывается при разработке нормативных правовых актов в сфере предпринимательства.

Национальный омбудсмен имеет развитую структуру: в стране 10 региональных представительств (Fairness Boards), каждое из которых охватывает несколько штатов. Представительства имеют наименования «советы по справедливому правоприменению в малом бизнесе». Советы не имеют властных полномочий, не могут выносить решения по существу – их основная цель содействие омбудсмену. Они собирают информацию о нарушениях, принимают жалобы и предложения, передают их центру, осуществляют консультации, объединяют бизнес-сообщество путем проведения публичных слушаний и встреч два-три раза в год [3]. На слушаниях обязательно присутствуют представители СМИ и органов власти, поэтому все собрания открытые и гласные. В обязательном порядке предоставляют отчеты штату омбудсмена о проделанной работе. Региональные представительства формируются исключительно из представителей предпринимательства – директоров, топ-менеджеров, владельцев бизнеса – из людей, особо заинтересованных в развитии сферы коммерции. Этот подход очень интересен, потому что, только имея личную заинтересованность, можно добиться успеха. Под личной заинтересованностью в данном случае подразумеваются все основы построения бизнеса, личное участие и интеграция в него, все трудности и проблемы, с которыми ежедневно на практике сталкиваются владельцы и участники бизнеса. Участники представительств осуществляют свою деятельность на безвозмездной основе, что указывает на их личную заинтересованность в развитии и улучшении коммерческой сферы Америки.

Не менее значимой особенностью является публичность: вся деятельность Fairness Boards открытая – публичные отчеты для омбудсмена, которые в дальнейшем включаются в отчет омбудсмена для конгресса, публичные слушания и собрания с участием СМИ, доклады о проделанной работе. То есть, не имея властных полномочий, они могут оказывать давление на органы власти путем открытого диалога и массового освещения проблем. При этом существует конфиденциальность заявителей для избежание на них

давления. Возможно, ограниченный круг их полномочий связан с тем, что отделения формируются из владельцев малого бизнеса, соответственно, не все владельцы обладают должной компетенцией, необходимыми знаниями и умениями для качественного юридически грамотного разрешения конфликта, помимо этого, они формируются на добровольной основе.

В отличие от российского омбудсмена, Office of the National Ombudsman (ONO) не имеет права выносить решения по поступившим жалобам, а может лишь вносить предложения по их разрешению. Он заинтересован в том, чтобы органы власти правильно, справедливо выносили решения по поступившим жалобам, разрешали их, а не занимались «отпиской» или вовсе оставляли без разрешения по существу. Национальный омбудсмен США обычно не завершает рассмотрение дела рекомендациями сторонам. Вместо этого вопрос о рассмотрении дела омбудсменом обычно заканчивается прямым ответом государственного органа заявителю, а омбудсмен исполняет роль «бизнес-адвоката», нацеленного на то, чтобы вопрос был рассмотрен на нужном уровне и при рассмотрении вопроса соблюдались принципы законности и справедливости. У уполномоченного есть отличительная особенность: он выполняет статистическую функцию – собирает данные по оценке эффективности деятельности правительственных органов.

Проводя сравнительный анализ национального омбудсмена и американского, можно прийти к следующему выводу: российский уполномоченный обладает большей самостоятельностью, расширенным кругом полномочий, что, с одной стороны, является безусловным плюсом, т.к. существует орган, могущий оказывать противодействие произволу и коррупции, а с другой стороны, у этой самостоятельности есть и минусы: будучи независимым и вынося окончательное решение, но не обладая властными полномочиями, он подвержен риску оказания влияния со стороны более «сильных» игроков. Однако данный недостаток легко восполним – в Российской Федерации существует независимый орган власти в лице суда, к которому можно обратиться для разрешения конфликта и вынесения беспристрастного судебного решения в пользу стороны, чьи права ущемлены незаконными действиями, ведь даже вынесенные уполномоченным решения не имеют окончательной силы и их всегда можно оспорить в судебной инстанции. В свою очередь, американский уполномоченный, выступая неким посредником, обязан привести стороны экономического конфликта к его несомненному разрешению. То есть его отличительная особенность состоит в реальном доведении спора до разрешения – государственные органы под контролем уполномоченного обязаны отреагировать и дать ответ заявителю.

В России функции уполномоченного больше направлены на защиту. Данный институт не входит ни в одну из трех ветвей власти, при этом он тесно взаимодействует со всеми органами власти и не только взаимодействует в виде отчетности и докладов, но и оказывает влияние на их деятельность, может обжаловать решения должностных лиц, давать обязательные указания, обращаться за судебной защитой. Именно он своим решением может оканчивать спор.

В Америке функции ONO направлены на посредничество, он выступает связующим звеном между органами власти и бизнесом, помогает им прийти к компромиссу. ONO тесно взаимодействует с SBA и входит в исполнительное звено власти, однако не наделен властными функциями и в отношениях с другими звеньями может давать только рекомендации. Его региональные представительства не являются должностными лицами, но активно участвуют в продвижении вопросов бизнеса, реализовывая публичность. В целом этот институт пронизан идеями гласности и публичности, чтобы привлекать как можно больше внимания к сфере коммерции, потому что вся политика страны вертится вокруг экономики и ее возможностей. Посредством создания сильного, устойчивого фундамента за счет частного сектора экономика укрепляется, и создаются все условия ее незыблемости. То есть, не имея мощных контрольно-надзорных и правоприменительных функций, институт американского омбудсмена играет значительную роль в жизни страны, т.к. освещает проблемы бизнеса и создает условия для их разрешения и улучшения экономического сектора.

Названные различия института уполномоченного по правам предпринимателей в России и Соединенных Штатах Америки имеют существенное значении для развития национальных институтов. В Российской Федерации существуют все предпосылки для реальной популяризации этого института. На основании проведенного исследования можно заключить, что было бы интересным внести дополнения в структуру уполномоченного РФ и создать на базе региональных омбудсменов постоянно действующие аналитико-рекомендательные советы, состоящие из представителей бизнес-сообществ, полномочия которых схожи с полномочиями региональных представительств США.

Создание советов должно преследовать цель формирования комьюнити предпринимателей, могущих оказывать влияние на уполномоченного. Целесообразно включать в них участников на безвозмездной основе. Таким образом, предлагаемые сообщества будут состоять из представителей, действительно желающих изменить и усовершенствовать бизнес-среду, без корыстных подцелей. Вопрос денежного довольствия не должен ставиться ввиду следующего: являясь

представителями бизнеса и освещая в том числе проблемы, с которыми они сталкиваются, представители своим непосредственным участием способны повлиять на их решение; приглашая на встречи предпринимателей, делясь опытом, участники советов расширяют свой кругозор, открывают новые границы возможностей, выстраивают новые партнерские отношения; создавая вокруг себя уникальное бизнес-пространство с такими же добившимися успеха, целеустремленными людьми, они повышают уровень образования и интеллекта; это хороший способ воздействовать на власть, политику и проявлять свою гражданскую позицию.

В России требования к кандидату на должность уполномоченного по защите прав предпринимателей закреплены в ст. 9 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ (далее – Закон № 78-ФЗ), среди них требования к гражданству, проживанию и наличию высшего образования [4]. При этом законами субъектов РФ требования к кандидату могут уточняться. В Законе № 78-ФЗ нет указания на наличие конкретного образования, но на практике чаще всего кандидаты имеют либо юридическое, либо экономического образование. В настоящей статье не оспаривается необходимость наличия высшего образования у омбудсмена по защите прав предпринимателей, но выдвигается гипотеза о том, что к представителям предлагаемых советов не должно предъявляться требование о наличии высшего образования, т.к. их функции возможно осуществлять и без такового, но при наличии иных обязательных условий: опыта работы в коммерческой сфере, практического стажа, образования не ниже среднего специального.

Требования к возрасту не могут быть установлены, потому что, во-первых, можно добиться успеха в любом возрасте, а во-вторых, лучше, когда в одном сообществе собраны представители различных возрастов и поколений для качественного взаимодействия и обмена опытом. Уровень образования у кандидата должен быть не менее среднего специального. Обязательно должны быть требования к опыту работы / ведению бизнеса – не менее пяти лет, потому что это достаточный срок, за который бизнес проходит путь развития и спада, и, если гражданин за этот срок сумел удержать дело «на плаву» с постоянной прибылью, сохранить его успешность, значит, он знает механизмы работы предпринимательства.

Несомненно, кандидат должен иметь определенный «индекс популярности» не только среди бизнес-сообщества, но и среди потребителей товаров, работ, услуг, т.е. среди населения. «Индекс популярности» определяется как категория, отвечающая ряду показателей: объем прибыли управляемого бизнеса, количество заинтересованных в работах / услугах / производимых товарах в социальных сетях, спрос на товарном рынке, оценки работ / услуг /

производимых товаров на различных информационных ресурсах.

Выдвигается идея о следующем формировании состава советов: 1–2 представителя от каждого направления предпринимательской деятельности, будь то общепит, строительство, сферы красоты и здоровья, образования или промышленного производства. Полномочия членов совета должны быть схожи с полномочиями региональных омбудсменов в США: они должны оказывать содействие предпринимателям путем прямого воздействия на уполномоченного, их деятельность в обязательном порядке должна быть гласной. Советы должны освещать проблемы бизнеса, привлекать внимание СМИ к деятельности предпринимателей, обращать внимание на давление со стороны более сильных субъектов, предоставлять отчеты и рекомендации уполномоченному. Совет как отдельный институт должен быть наделен правотворческой инициативой, но без возможности правоприменения. Реализовывать свою деятельность члены совета должны путем открытых совещаний, конференций, слушаний, сессий и выступлений с привлечением представителей различных групп, в том числе СМИ и государственных органов.

Справедливо может возникнуть вопрос: зачем вводить советы и создавать дополнительную нагрузку на законотворчество и бюджет, когда уже существуют общественные образования, ведущие деятельность по информированию о проблемах бизнеса и содействию в их разрешении, указанные в ст. 7 Закона № 78-ФЗ? В данном случае уместно обратить внимание на то, что уполномоченный обладает властными полномочиями, а предлагаемые советы, входящие в структуру данного института, не обладая мерами принудительно воздействия, могут воздействовать на политическую и экономическую сферы эффективнее общественных объединений, не являющихся структурной единицей института уполномоченного. При этом функционирование советов должно осуществляться на постоянной основе с предоставлением доклада о проделанной работе, а их заседания и собрания должны финансироваться за счет средств бюджета. Таким образом, деятельность инициируемых постоянно действующих советов, входящих в структуру уполномоченного по защите прав предпринимателей, является более фундаментальной, чем деятельность общественных представителей и советов, предусмотренных действующим законодательством.

Финансовый план необходимо поставить в зависимость от отчетов уполномоченного по результатам докладов, рекомендаций и проделанной работы советов по прогрессивной шкале: чем больше качественных инициатив принял во внимание уполномоченный, тем объемнее финансирование. Таким образом, уполномоченный будет заинтересован в деятельности своего струк-

турного элемента. Предполагается, что государственное финансирование советов будет стимулировать их работать плодотворнее и эффективнее. Самое главное – благодаря существованию советов будет налаживаться диалог между административными структурами и бизнесом, что однозначно положительно скажется на экономической среде.

Согласно предложенной концепции, члены советов будут участвовать в различных встречах, собраниях и совещаниях с представителя коммерции, а значит, будут привлекать внимание к институту уполномоченного по правам предпринимателей, популяризировать его и расширять сферу влияния, тем самым возрастет спрос на его услуги и увеличится индекс популярности, что будет способствовать снижению судебной нагрузки, т.к. предприниматели, узнавая о возможностях института бизнес-омбудсмена, будут заинтересованы в разрешении споров во внесудебном порядке.

Библиографический список

1. *Тимошина Т.*М. Экономическая история зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. М.Н. Чепурина. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2016. 506 с.

2. Office of Advocacy. About Us. U.S. Small Business Administration. URL: https://advocacy.sba.gov (дата обращения: 28.08.2025).

3. Regional Regulatory Fairness Boards. URL: https://www.sba.gov/priorities/councils-and-committees/regional-regulatory-fairness-boards (дата обращения: 30.08.2025).

4. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78 «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» (в ред. от 14 октября 2024 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (даты опубликования: 08.05.2013; 14.10.2024).

Аннотации / Abstracts

ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО XXI ВЕКА

Принцип процессуального равенства в процессе осуществления распорядительных процессуальных прав лицами, участвующими в делах, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства

Белоусов Сергей Сергеевич
аспирант кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена исследованию принципа процессуального равенства в процессе осуществления распорядительных процессуальных прав лицами, участвующими в делах, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства. Исходным тезисом выступило то, что принципы являются основополагающими началами любой отрасли права. Отмечается, что суть принципа процессуального равенства в процессе осуществления распорядительных процессуальных прав лицами, участвующими в деле, заключается в предоставлении и обеспечении им равного объема прав. Делается вывод о том, что в различных видах гражданского судопроизводства проявление принципа процессуального равенства дифференцировано.

Ключевые слова: гражданский процесс, гражданское судопроизводство, гражданское процессуальное право, судебная защита, суд, гражданские процессуальные принципы, принцип процессуального равенства, лица, участвующие в деле.

The principle of procedural equality in the exercise of procedural rights by persons participating in cases under civil proceedings

Belousov Sergey Sergeevich
Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to the study of the principle of procedural equality in the process of exercising procedural rights by individuals involved in cases under civil proceedings. The starting point is that principles are the fundamental principles of any branch of law. It is noted that the essence of the principle of procedural equality in the process of exercising procedural rights by individuals involved in a case is to provide and ensure equal rights for them. It is concluded that the manifestation of the principle of procedural equality is differentiated in different types of civil proceedings.

Keywords: civil process, civil proceedings, civil procedural law, judicial protection, court, civil procedural principles, principle of procedural equality, persons involved in the case.

Проблемы правового регулирования обращения прокурора в защиту неопределенного круга лиц: коллизии законодательства и пути их преодоления

Вершинина Галина Ильинична
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии

Лебедева Екатерина Анатольевна
магистрант Института магистратуры и заочного обучения Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена анализу системных противоречий в правовом регулировании института обращения прокурора в суд в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц. Авторы исследуют коллизии между нормами Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и положениями гражданского процессуального законодательства, выявляя терминологические расхождения и дуализм правовых конструкций. На основе доктринальных подходов и судебной практики доказывается необходимость унификации законодательства для обеспечения единообразия правоприменения. В заключение формулируются конкретные предложения по совершенствованию действующего правового регулирования.

Ключевые слова: прокурор, неопределенный круг лиц, гражданское судопроизводство, защита публичных интересов, коллизии законодательства, процессуальные полномочия прокурора, унификация правового регулирования.

Prosecutor in defense of an uncertain group of persons: legislative conflicts and ways to overcome them

Vershinina Galina Ilyinichna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy

Lebedeva Ekaterina Anatolyevna
Master's Student of the Institute of Master's Studies and Correspondence Courses of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to the analysis of systemic contradictions in the legal regulation of the institution of the prosecutor's appeal to the court in defense of the rights and legitimate interests of an uncertain group of persons. The author examines the conflicts between the norms of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" and the provisions of civil procedural legislation, revealing terminological discrepancies and the dualism of legal constructs. Based on doctrinal approaches and judicial practice, the article proves the need for unification of legislation in order to ensure uniform law enforcement. In conclusion, the article formulates specific proposals for improving the current legal regulation.

Keywords: prosecutor, indefinite circle of persons, civil proceedings, protection of public interests, conflicts of legislation, procedural powers of the prosecutor, unification of legal regulation.

Заключение прокурора как форма участия в рассмотрении и разрешении гражданских дел: правовая природа, практика и проблемы нормативного регулирования

Иванюк Анна Алексеевна
магистр юриспруденции, юрист ООО «Башук Чичканов, юридическая фирма»

Аннотация. В статье анализируется правовая природа заключения прокурора как самостоятельной формы реализации публичного интереса в гражданском судопроизводстве, предусмотренной ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ. Обосновывается, что заключение прокурора не служит доказательством, но обладает особым процессуальным значением и подлежит обязательному учету судом. Выявляются проблемы отсутствия единых требований к форме и содержанию заключения. Предлагаются направления совершенствования правового регулирования, ориентированные на повышение эффективности участия прокурора и обеспечение единообразия судебной практики.

Ключевые слова: прокурор, гражданский процесс, заключение прокурора, судебная практика, публичный интерес, процессуальный статус.

The prosecutor's opinion as a form of participation in the consideration and resolution of civil cases: legal nature, practice, and regulatory issues

Ivanyuk Anna Alekseevna
Master of Law, Lawyer of the Bashuk Chichkanov Law Firm LLC

Abstract. The article analyzes the legal nature of the prosecutor's opinion as an independent form of the public interest in civil proceedings, as provided for in Article 45 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. It is argued that the prosecutor's opinion is not an evidence, but it has a special procedural significance and must be taken into account by the court. The article identifies the problems of the lack of unified requirements for the form and content of the opinion. The article proposes ways to improve the legal regulation in order to enhance the effectiveness of the prosecutor's participation and ensure uniformity in judicial practice.

Keywords: prosecutor, civil procedure, prosecutor's opinion, judicial practice, public interest, procedural status.

Претензионный порядок урегулирования споров и гражданское судопроизводство

Рассахатская Наталия Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье исследуются основные вопросы сущностной характеристики одного из самых популярных и эффективных способов урегулирования спора – претензионного порядка. Актуальность разработки вопросов претензионного порядка не вызывает сомнений, как, впрочем, и совершенствование процедур урегулирования гражданско-правовых споров. Рассматриваются ос-

новные элементы сущностной характеристики института претензионного порядка, анализируется целевая установка данной деятельности, ее содержание, субъектный состав.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, урегулирование гражданско-правового спора, претензионный порядок, претензия.

The claim procedure for dispute settlement and civil proceedings

Rassakhatskaya Natalia Alexandrovna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy

Abstract. The presented article explores the main issues of the essential characteristics of one of the most popular and effective ways of settling disputes, the claim procedure. The relevance of developing issues related to the claim procedure is undeniable. As is the improvement of procedures for settling civil disputes. The article examines the main elements of the essential characteristics of the claim procedure institution. It analyzes the purpose of this activity, its content, and the subject composition.

Keywords: civil proceedings, arbitration proceedings, settlement of civil disputes, claim procedure, claim.

О бремени доказывания по делам о взыскании упущенной выгоды

Стародубова Ульяна Михайловна
преподаватель кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматривается институт упущенной выгоды как форма защиты гражданских прав, сочетающая в себе компенсационную, восстановительную функции, а также функцию, направленную на привлечение к ответственности. Особое внимание автор уделяет анализу научных подходов к определению понятия «бремя доказывания» в арбитражном судопроизводстве и специфике доказательственной деятельности в зависимости от конкретной категории спора – корпоративные, авторские, интеллектуальные, договорные споры, а также споры с арбитражными управляющими о взыскании упущенной выгоды. Исследуются тенденции, направленные на цифровизацию судопроизводства, и влияние цифровой трансформации на процессуальные возможности суда в части самостоятельного истребования доказательств.

Цель статьи – анализ подходов к определению понятия «бремя доказывания» в арбитражном судопроизводстве, выявление неточностей в процессе доказывания и определение дальнейших перспектив совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: упущенная выгода, бремя доказывания, арбитражное судопроизводство, доказательства, процессуальный риск.

On the burden of proof in cases of recovery of lost profits

Starodubova Ulyana Mikhailovna
Lecturer at the Department of Arbitration, Advocacy and Notary of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article examines the institute of lost profits as a form of civil rights protection, combining compensatory, restorative, and punitive functions. The author particularly focuses on analysing scientific approaches to defining the concept of the "burden of proof" in arbitration proceedings, as well as on the specifics of evidentiary activities depending on the particular category of dispute – including corporate disputes, copyright disputes, intellectual property disputes, contractual disputes, and disputes with insolvency (bankruptcy) administrators concerning the recovery of lost profits.

The study explores emerging trends in the digitalisation of judicial proceedings and the impact of digital transformation on the procedural capabilities of courts regarding independent evidence collection. The author investigates how modern technological advancements are reshaping the evidentiary framework and enhancing judicial efficiency while preserving the principles of adversarial proceedings.

The purpose of the article is to analyse approaches to defining the "burden of proof" in arbitration proceedings, identify inaccuracies in the proof process, and determine prospects for improving legal regulation in this area.

Keywords: lost profits, burden of proof, arbitration proceedings, evidence, procedural risk, digital transformation, adversarial principle, judicial efficiency.

К вопросу о целесообразности обращения в суд за судебной защитой: результаты от повышения государственной пошлины за обращение в суды общей юрисдикции

Ткачева Наталья Николаевна
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье анализируются изменения в Налоговый кодекс РФ, связанные с повышением размера государственной пошлины за обращение в суды общей юрисдикции и влиянием указанных изменений на реализацию конституционного права на судебную защиту.

Ключевые слова: гарантии, судебная защита, суды общей юрисдикции, гражданское судопроизводство, государственная пошлина.

On the expediency of applying to court for judicial protection: results from the increase in the state fee for applying to courts of general jurisdiction

Tkacheva Natalia Nikolaevna
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article analyzes the changes to the Tax Code of the Russian Federation related to the increase in the amount of the state fee for applying to courts

of general jurisdiction and the impact of these changes on the implementation of the constitutional right to judicial protection.
Keywords: guarantees, judicial protection, courts of general jurisdiction, civil proceedings, state duty.

Досудебный порядок урегулирования споров: роль и эффективность уполномоченного по защите прав предпринимателей

Тришина Елена Геннадьевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена анализу досудебной деятельности уполномоченного по защите прав предпринимателей (бизнес-омбудсмена) как ключевого инструмента оперативного разрешения споров между индивидуальными предпринимателями и публичными органами. Исследуются правовые основы и практическая реализация внесудебных полномочий омбудсмена, включая проведение проверок, организацию взаимодействия с государственными структурами, а также механизмы привлечения внимания надзорных органов, в первую очередь прокуратуры. Детально раскрываются преимущества данного порядка: экономичность, оперативность, сохранение деловой репутации и превентивный эффект. Делается вывод о том, что институт бизнес-омбудсмена в досудебной стадии функционирует как эффективный «гибридный» механизм, сочетающий медиативные начала с элементами властного воздействия, что делает его важным звеном в системе защиты прав индивидуальных предпринимателей.
Ключевые слова: уполномоченный по защите прав предпринимателей, досудебный порядок, индивидуальный предприниматель, проверка, прокуратура, оперативность, экономичность, механизм защиты.

Pre-trial dispute settlement: the role and effectiveness of the commissioner for the protection of entrepreneurs' rights

Trishina Elena Gennadievna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the pre-trial activities of the Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights (Business Ombudsman) as a key tool for the prompt resolution of disputes between individual entrepreneurs and public authorities. The article examines the legal basis and practical implementation of the Ombudsman's extrajudicial powers, including conducting inspections, organizing cooperation with government agencies, and mechanisms for attracting the attention of supervisory bodies, primarily the Prosecutor's Office. The article provides a detailed analysis of the advantages of this procedure, including its cost-effectiveness, efficiency, preservation of business reputation, and preventive impact. It is concluded that the institution of the business ombudsman functions as an effective "hybrid" mechanism in the pre-trial stage, combining mediation principles with elements of authoritative influence, which makes it an important link in the system of protecting the rights of individual entrepreneurs.

Keywords: commissioner for the protection of entrepreneurs' rights, pre-trial procedure, individual entrepreneur, inspection, prosecutor's office, efficiency, cost-effectiveness, protection mechanism.

Проблемы доказывания злоупотреблений правом в корпоративных спорах

Ушаков Валентин Валерьевич
ассистент кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме доказывания злоупотребления правом в корпоративных спорах. Несмотря на наличие развитой материально-правовой базы, закрепленной в ст. 10 и ст. 53.1 ГК РФ и разъяснениях Верховного Суда РФ, ключевой сложностью остается процессуальная сторона – выявление и обоснование недобросовестности в арбитражном процессе.

Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы, такие как: анализ, синтез, индукция, дедукция, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой. Цель исследования – выявление процессуальных сложностей и разработка предложений по совершенствованию механизма доказывания злоупотреблений правом в корпоративных конфликтах.

В работе изучается латентный характер злоупотреблений, которые часто маскируются под законные корпоративные действия, – вывод активов, преднамеренное банкротство. На основе анализа научных позиций и судебной практики делается вывод о том, что основная проблема лежит в сфере доказывания противоправной цели.

Перспективы решения выявленных проблем связаны с разработкой эффективных процессуальных механизмов и единообразным применением судами имеющихся правовых ориентиров.

Ключевые слова: злоупотребление правом, корпоративные споры, доказывание, недобросовестность, арбитражный процесс, вывод активов, корпоративное управление, статья 10 ГК РФ.

Problems of proving abuse of rights in corporate disputes: a theoretical and applied analysis

Ushakov Valentin Valerievich
Assistant at the Department of Arbitration Procedure, Advocacy and Notaries of the Saratov State Law Academy

Abstract. The research is devoted to the relevant problem of proving the abuse of rights in corporate disputes. Despite the existence of a well-developed substantive legal framework established in Articles 10 and 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation and clarifications from the Supreme Court, the key challenge remains the procedural aspect – identifying and substantiating bad faith in arbitral proceedings.

The basis of the research was formed by general scientific and specific scientific methods, such as: analysis, synthesis, induction, deduction, systemic, formal-legal, comparative-legal. The purpose of the research is to identify procedural difficulties and develop proposals for improving the mechanism for proving abuse of rights in corporate conflicts.

The work analyzes the latent nature of such abuses, which are often disguised as legitimate corporate actions (asset stripping, intentional bankruptcy). Based on the analysis of scholarly viewpoints and judicial practice, it is concluded that the main problem lies in the sphere of proving an unlawful purpose.

The prospects for solving the identified problems are tied to the development of effective procedural mechanisms and the consistent application of existing legal guidelines by courts.

Keywords: abuse of rights, corporate disputes, proof, bad faith, arbitral procedure, asset stripping, corporate governance, Article 10 of the Civil Code of the RF.

Проблемы доказывания и доказательств по делам о признании движимой вещи бесхозяйной и признании права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь в особом производстве

Шананин Илья Александрович
ассистент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье анализируются основные проблемы доказывания по делам о признании движимой вещи бесхозяйной и признании права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь. Раскрываются особенности доказывания факта бесхозяйности вещи и отказа собственника от данного имущества. Выявлены три проблемных аспекта, имеющихся в доказывании указанных фактов, а именно: проблема доказывания факта бесхозяйности вещи и отказа собственника со стороны заявителя, возможность умышленного сокрытия заявителем определенной информации, а также отдельные проблемы оценки (в особенности на предмет достоверности) судом доказательств, представляемых заявителем по данной категории дел.

Ключевые слова: вещь, гражданский процесс, гражданское право, доказательства, доказывание, достоверность, заявитель, особое производство, оценка доказательств, свидетель.

Problems of proof and evidence in cases of recognition of movable property as ownerless and recognition of ownership of ownerless immovable property in special proceedings

Shananin Ilya Aleksandrovich
Assistant of the Department of Civil Procedure
of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article analyzes the main problems of proof in cases of recognizing a movable thing as ownerless and recognizing the right of ownership of an ownerless immovable thing. It reveals the specifics of proving the fact of the thing's ownerlessness and the owner's refusal from this property. The article identifies three problematic aspects in proving these facts, namely: the problem of proving the fact of the thing's ownerlessness and the owner's refusal by the applicant, the possibility of the applicant intentionally concealing certain information, and the court's assessment (especially regarding the reliability) of the evidence provided by the applicant in this category of cases.

Keywords: thing, civil procedure, civil law, evidence, proof, reliability, applicant, special proceedings, evaluation of evidence, witness.

Процессуальные вопросы участия прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу

Ширяева Кристина Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Аннотация. Статья посвящена анализу процессуальных вопросов, связанных с участием прокурора в гражданском судопроизводстве посредством дачи заключения по делу. В работе рассматривается правовая природа и функциональное назначение данного института как инструмента защиты публичных интересов, прав граждан и законности. Особое внимание уделяется процессуальному порядку вступления прокурора в дело, содержанию и структуре заключаемого им процессуального документа, а также его правовым последствиям для судебного разбирательства. На основе анализа норм Гражданского процессуального кодекса РФ и сложившейся судебной практики автор исследует проблемные аспекты реализации прокурором этого полномочия и формулирует предложения, направленные на совершенствование законодательного регулирования и практики применения данного процессуального механизма для повышения его эффективности и гарантирования объективности судебного решения.

Ключевые слова: гражданский процесс, прокурор, участие прокурора, заключение прокурора, защита прав граждан, процессуальные полномочия, судебное разбирательство.

Procedural issues of the prosecutor's participation in civil proceedings in the form of giving an opinion on the case

Shiryayeva Kristina Anatolyevna
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the P.A. Stolypin Volga Region Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. This article is devoted to the analysis of procedural issues related to the participation of a prosecutor in civil proceedings through the submission of an opinion on a case. The work examines the legal nature and functional purpose of this institution as an instrument for protecting public interests, the rights of citizens, and the rule of law. Particular attention is paid to the procedural order of the prosecutor's entry into the case, the content and structure of the procedural document issued by him, as well as its legal consequences for the judicial proceedings. Based on an analysis of the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and established judicial practice, the author investigates problematic aspects of the prosecutor's exercise of this authority and formulates proposals aimed at improving the legislative regulation and practical application of this procedural mechanism in order to enhance its effectiveness and ensure the objectivity of the judicial decision.

Keywords: civil procedure, prosecutor, participation of the prosecutor, prosecutor's opinion, protection of citizens' rights, procedural powers, judicial proceedings.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Механизм правового регулирования профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних

Блинов Александр Георгиевич
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Категория «правовой механизм» неразрывно связана с каждой отраслью права и законодательства, что предопределяется наличием у нее собственного предмета, специфических задач, особого субъектного состава. Особую востребованность в ней испытывают активно формирующиеся структурные единицы системы права, к числу которых относится профилактическое законодательство. Претендуя на роль самостоятельной отрасли, оно испытывает потребность в обосновании процесса воздействия составляющих его содержание норм на соответствующую группу общественных отношений. В работе представлено авторское видение понятия и структуры механизма правового регулирования профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних.

Ключевые слова: правовой механизм, антиобщественное и противоправное поведение, профилактика правонарушений, субъекты профилактических отношений, правовой статус.

Mechanism of legal regulation for prevention of anti-social and illegal behavior of minors

Blinov Alexander Georgievich
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal and Penal Law
of the Saratov State Law Academy

Abstract. The category «legal mechanism» is inextricably linked with each branch of law and legislation, which is predetermined by the presence of its own subject, specific tasks, and special subject composition. The actively developing structural units of the legal system, which include preventive legislation, are in particular demand. Claiming to be an independent industry, it feels the need to substantiate the process of influence of the norms that make up its content on the corresponding group of social relations. The work presents the author's vision of the concept and structure of the mechanism of legal regulation of the prevention of antisocial and unlawful behavior of minors.

Keywords: legal mechanism, antisocial and illegal behavior, crime prevention, subjects of preventive relations, legal status.

Устойчивое развитие образовательных организаций и формирование безопасной среды обучения в современном университете

Балабанов Андрей Аркадьевич
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры педагогики и валеологии, проректор по комплексной безопасности Северо-Восточного государственного университета

Аннотация. В статье анализируется концепция устойчивого развития организаций высшего образования и рассматривается формирование безопасной образовательной среды как ключевого элемента ESG-повестки. Подчеркивается значимая роль вузов в формировании системы ценностей, основанных на ответственном отношении к окружающей среде, социальной справедливости и принципе устойчивого корпоративного управления. Особое внимание уделяется вопросам социальной ответственности образовательных организаций, обеспечения безопасности, инклюзивности и создания благоприятных условий для гармоничного развития личности обучающегося.

Ключевые слова: устойчивое развитие, образовательные организации, ESG-принципы, безопасность, безопасная среда.

Sustainable development of educational organizations and the formation of a safe learning environment in a modern university

Balabanov Andrey Arkadyevich
Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Valeology, Vice-Rector for Comprehensive Security of the North-Eastern State University

Abstract. This article analyzes the concept of sustainable development in higher education institutions and considers the creation of a safe educational environment as a key element of the ESG agenda. It emphasizes the significant role of universities in shaping a value system based on environmental responsibility, social justice, and the principle of sustainable corporate governance. Particular attention is paid to the social responsibility of educational institutions, ensuring safety, inclusiveness, and creating favorable conditions for the harmonious development of students.

Keywords: sustainable development, educational organizations, ESG principles, safety, safe environment.

Интеграция ESG-принципов в систему высшего образования: роль университетов в достижении целей устойчивого развития

Боярская Юлия Николаевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В настоящее время в мировой и российской практике всецело признается рост уровня вовлеченности образовательных организаций высшего образования в реализацию целей устойчивого развития. В статье анализирует-

ся роль и место университетов в реализации концепции устойчивого развития на национальном уровне. На основе обобщения актуальных теоретических подходов и современных тенденций выделяются ключевые направления интеграции ESG-принципов в деятельность вузов, предполагающие переход к междисциплинарным моделям обучения и адаптацию образовательных программ и системы управления организаций с учетом ESG-стандартов. Особое внимание уделяется формированию профессиональных компетенций, необходимых для обеспечения устойчивого развития экономики и общества в интересах настоящего и будущих поколений.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG-принципы, ЦУР.

Integration of ESG principles into the higher education system: the role of universities in achieving the sustainable development goals

Boyarskaya Yulia Nikolaevna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. The increasing involvement of higher education institutions in implementing sustainable development goals is now widely recognized in both global and Russian practice. This article analyzes the role and place of universities in implementing sustainable development concepts at the national level. Based on a summary of current theoretical approaches and modern trends, key areas for integrating ESG principles into university activities are identified. These include a transition to interdisciplinary learning models and the adaptation of educational programs and organizational management systems to ESG standards. Particular attention is paid to developing the professional competencies necessary to ensure sustainable economic and social development for the benefit of present and future generations.

Keywords: sustainable development, ESG principles, SDGs.

Понятие преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта и их система

Герасимов Александр Михайлович
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье раскрывается понятие преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также определяется их система. Дефиниция анализируемой группы преступлений вытраивается на основе исследования нормативного содержания категории «транспортная безопасность» и ее соотношения с доктринальным толкованием видового объекта преступлений, предусмотренных гл. 27 УК РФ. В заключение аргументируется основание систематизации преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Ключевые слова: транспортная безопасность, безопасность движения, безопасность эксплуатации транспорта, общественная опасность, система преступлений.

The concept of crimes against traffic safety and operation of transport and their system

Gerasimov, Alexander Mikhailovich
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article substantiates the concept of crimes against traffic safety and operation of vehicles, and also defines their system. The definition of the analyzed group of crimes is drawn up on the basis of a study of the normative content of the category "transport security" and its relationship with the doctrinal interpretation of the specific object of crimes provided for in Ch. 27 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusion argues the basis for the systematization of crimes against traffic safety and the operation of vehicles.

Keywords: transport safety, traffic safety, safety of transport operation, public danger, crime system.

Вопросы законодательного конструирования составов преступлений, содержащих отсылку к другим уголовно-правовым нормам (на примере статьи 296 УК РФ)

Ковлагина Дарья Александровна
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Исследование эффективности уголовно-правовых запретов, содержащихся в нормах, в которых используется такой прием юридической техники, как отсылка, требует систематического толкования самого УК РФ, а также проведения сравнительного анализа уголовного законодательства зарубежных стран, позволяющего выявить ряд проблем в законодательном конструировании ссылочных диспозиций и, соответственно, в квалификации отдельных преступлений. В целях преодоления возникших пробелов в уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 296 УК РФ, внесены соответствующие предложения по их изменению и оптимизации.

Ключевые слова: угрозы, насилие, сравнительно-правовой анализ, ссылочная диспозиция, квалификация, конструирование уголовно-правовых норм, юридическая техника.

Issues of legislative construction of criminal offenses that contain references to other criminal law norms (using the example of Article 296 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Kovlagina Daria Aleksandrovna
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. The study of the effectiveness of criminal law prohibitions contained in norms that use the legal technique of reference requires a systematic interpretation of the Criminal Code of the Russian Federation itself, as well as a comparative analysis

of the criminal legislation of foreign countries, which allows for the identification of a number of problems in the legislative construction of reference dispositions and, consequently, in the qualification of certain crimes. In order to overcome the gaps in the criminal law qualification of crimes under parts three and four of Article 296 of the Criminal Code of the Russian Federation, relevant proposals have been made to amend and optimize them.

Keywords: threats, violence, comparative legal analysis, reference disposition, qualification, and construction of criminal law norms.

Проблемы толкования признаков объективной стороны злоупотребления полномочиями и их значение на этапе квалификации

Комягин Роман Александрович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемы квалификации злоупотребления полномочиями, возникающие в связи с неправильным толкованием и уяснением смысла признаков объективной стороны данного состава преступления. Некоторые вопросы получили отражение в принятом 29 июня 2021 г. постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)», что положительно повлияло на формирование единообразного применения судами законодательства об уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями. Однако анализ правоприменительной практики по-прежнему указывает на наличие проблем, требующих научного осмысления.

Ключевые слова: злоупотребление полномочиями, объективная сторона, формы общественно опасного деяния, существенный вред.

Problems with interpreting the objective elements of abuse of authority and their significance at the qualification stage

Komyagin Roman Aleksandrovich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. This study examines the main problems of the qualification of abuse of authority that arise due to the incorrect interpretation and understanding of the signs of the objective side of this crime. Some of these issues were addressed in the law adopted on June 29, 2021. The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 “On Certain Issues of Judicial Practice in Cases of Crimes Against the Interests of Service in Commercial and Other Organizations (Articles 201, 201.1, 202, and 203 of the Criminal Code of the Russian Federation)” has had a positive impact on the uniform application of criminal liability legislation for abuse of authority by courts. However, an analysis of law enforcement practice still reveals issues that require scientific consideration.

Keywords: abuse of authority, objective elements, forms of socially dangerous acts, significant harm.

Уголовно наказуемое дропперство как вторичная преступная деятельность

Лапунин Михаил Михайлович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

Лапунина Евгения Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в ст. 187 УК РФ, а также анализируются перспективы противодействия уголовно-правовыми средствами так называемым дропперам и ассоциированным с ними мошенничествам. Делается вывод, что подвергшаяся криминализации деятельность дропперов выступает частным случаем вторичной преступной деятельности.

Ключевые слова: неправомерный оборот средств платежей, дроппер, мошенничество, киберпреступность, прикосновенность к преступлению, вторичная преступная деятельность.

Criminally known as droppering as a secondary criminal activity

Lapunin Mikhail Mikhailovich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy

Lapunina Evgeniya Vladimirovna
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article discusses the amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as analyzes the prospects for countering the so-called droppers and related frauds by criminal means. It is concluded that the criminalized activities of droppers are a special case of secondary criminal activity.

Keywords: illegal turnover of means of payment, dropper, fraud, cybercrime, involvement in crime, secondary criminal activity.

Особенности защиты потребителей по договору поминутной аренды транспортного средства (каршеринга)

Мальцева Татьяна Григорьевна
преподаватель кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация. Современные цифровые тренды оказали трансформирующее воздействие прежде всего на сферу услуг, адресной аудиторией которой выступают преимущественно потребители, что в полной мере актуально и для каршеринга (краткосрочной аренды автомобиля), правовой статус которого в отечественном правопорядке остается неопределенным. Наибольшую сложность вызывает выбор договорной конструкции, отражающей сущность возникающих

из каршеринга правоотношений. В статье изложен оригинальный авторский подход к договорной конструкции, актуальной для нужд каршеринга; на основе этого подхода и проанализированной правоприменительной практики сделан вывод о потребительских свойствах каршеринговой сделки. Кроме того, уточнены правовые последствия признания пользователя каршеринговой услуги «слабой стороной» в соответствующей сделке.

Ключевые слова: каршеринг, краткосрочная аренда, поминутная аренда транспортных средств, потребительская сделка, слабая сторона.

Special aspects of consumer protection under carharing agreement

Maltseva Tatyana Grigorievna
Lecturer at the Department of Civil Law of the Lebedev Russian State University of Justice

Abstract. Modern digital trends have had a transformative impact, first of all, on the service sector, the target audience of which is primarily consumers. This is fully relevant for carsharing (short-term car rental), the legal status of which in the domestic legal order remains uncertain. The main difficulty is in choosing a contractual structure that best reflects the essence of the legal relations arising from carsharing. The article outlines the author's original approach to the contractual structure relevant for the needs of carsharing, and based on this approach and analyzed law enforcement practice, a conclusion is drawn about the consumer features of a carsharing transaction. In addition, the legal consequences of recognizing the user of a carsharing service as a "weak party" in the relevant transaction have been clarified.

Keywords: carsharing, short term rentals, per minute rental of vehicles, consumer transaction, weak side.

Семейно-родственные связи несовершеннолетних осужденных к лишению свободы и формы их поддержания

Насиров Немэт Интигамович
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Содействие в восстановлении и укреплении социально полезных связей несовершеннолетних осужденных к лишению свободы выступает составной частью процесса их ресоциализации. Контакты с семьей и родственниками помогают осужденным данной возрастной группы переносить глубокие переживания, связанные с изоляцией от общества, и успешно реинтегрироваться в социум после освобождения от отбывания лишения свободы. В статье анализируются предусмотренные отечественным уголовно-исполнительным законодательством формы поддержания несовершеннолетними осужденными к лишению свободы связей со своими близкими родственниками. Обосновывается их роль в исправлении несовершеннолетних осужденных и социальной адаптации лиц, освобожденных из воспитательной колонии.

Ключевые слова: лишение свободы, несовершеннолетний осужденный, воспитательная колония, семейно-родственные связи, свидание, телефонные разговоры, выезды за пределы исправительного учреждения.

Family and kinship connections of minors sentenced to imprisonment and the forms of their maintenance

Nasirov Nemet Intigamovich
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. Assistance in restoring and strengthening socially beneficial ties among juvenile offenders is an integral part of their resocialization process. Contacts with family and relatives help inmates of this age group cope with the profound experiences associated with social isolation and successfully reintegrate into society after release from prison. This article analyzes the forms of maintaining ties between juvenile offenders and their close relatives provided by Russian criminal-executive legislation. Their role in the rehabilitation of juvenile offenders and the social adaptation of individuals released from correctional facilities is substantiated.

Keywords: imprisonment, juvenile offender, correctional facility, family ties, visits, telephone conversations, travel outside the correctional facility.

Отказ государственного обвинителя от обвинения в современных условиях

Петрова Галина Борисовна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

Стародубцев Евгений Эдуардович
студент 4 курса Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются механизм отказа государственного обвинителя от обвинения в системе российского уголовного судопроизводства, вопросы концептуального значения и правовой неопределенности оснований и процессуального порядка отказа гособвинителя от обвинения, оценки его обоснованности и его юридические последствия.

Ключевые слова: отказ государственного обвинителя от обвинения, прекращение уголовного дела, мотивированность отказа, пределы судебного усмотрения.

The state prosecutor's refusal to charge in modern conditions

Petrova Galina Borisovna
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy

Starodubtsev Evgeny Eduardovich
4th-year student of the Institute of Prosecutor's Office of the Saratov State Law Academy

Abstract. This study examines the mechanism of the public prosecutor's refusal to charge in the Russian criminal justice system, issues of conceptual significance and legal uncertainty of the grounds and procedural procedure for the state prosecutor's refusal to charge, assessment of its validity and its legal consequences.

Keywords: refusal of the public prosecutor from the prosecutor, termination of the criminal case, reasonableness of refusal, limits of judicial discretion.

Применение норм о защите прав потребителей в сфере беспилотной аэродоставки груза

Пискунова Наталия Игоревна
старший преподаватель кафедры гражданского права Российского государственного университета имени В.М. Лебедева

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения норм о защите прав потребителей к договору беспилотной аэродоставки груза. Автором анализируются основные положения законодательства о защите прав потребителей и оценивается их применимость к новому виду транспортных услуг.

Ключевые слова: потребитель, договор беспилотной аэродоставки груза, ответственность, груз.

Application of consumer protection regulations in the field of unmanned aerial cargo delivery

Piskunova Natalia Igorevna
Senior Lecturer of the Department of Civil Law of the Lebedev Russian State University of Justice

Abstract. The article discusses the application of consumer protection laws to unmanned aerial cargo delivery contracts. The author analyzes the main provisions of consumer protection legislation and evaluates their applicability to new types of transport services.

Keywords: consumer, unmanned aerial cargo delivery contract, liability, cargo.

К вопросу о принципах административно-правового обеспечения инновационной деятельности в Российской Федерации

Свистунов Алексей Александрович
кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права Российского нового университета

Аннотация. В статье рассматриваются основополагающие начала административно-правового обеспечения инновационной деятельности в России как ключевой фактор экономического роста и технологического суверенитета. Автор анализирует специальные принципы, на которых строится государственное регулирование и поддержка инноваций, выделяет основные инструменты и институты, а также определяет современные вызовы и перспективы развития в данной сфере. Делается вывод о необходимости перехода от императивного управления к созданию стимулирующего правового регулирования, основанного на принципах партнерства государства, бизнеса и науки.

Ключевые слова: инновационная деятельность, административное право, государственное регулирование, принципы права, принцип технологического суверенитета, государственная поддержка в сфере инноваций, правовые режимы.

On the principles of administrative and legal support for innovation in the Russian Federation

Svistunov Alexey Alexandrovich
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private Law of the Russian New University

Abstract. This article examines the fundamental principles of administrative and legal support for innovation in Russia as a key factor in economic growth and technological sovereignty. The author analyzes the basic principles underlying state regulation and support for innovation, identifies key instruments and institutions, and identifies current challenges and development prospects in this area. The author concludes that a transition from imperative governance to the creation of enabling legal regulation based on the principles of partnership between government, business, and science is necessary.

Keywords: innovation, administrative law, state regulation, legal principles, principle of technological sovereignty, state support for innovation, legal regimes.

Совершенствование правового регулирования закупок малого объема

Спирчагов Геннадий Степанович
Председатель Правительства Ульяновской области

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы и направления совершенствования правового регулирования закупок малого объема в Российской Федерации. Анализируются действующие механизмы осуществления таких закупок, выявляются их недостатки, такие как избыточная бюрократизация, низкая конкурентность. Особое внимание уделяется анализу практики совмещения разных моделей автоматизации малых закупок в рамках одного региона.

Ключевые слова: закупки малого объема, правовое регулирование, государственные закупки, муниципальные закупки, контрактная система.

Improving the legal regulation of small-volume procurement

Spirchagov Gennady Stepanovich
Chairman of the Government of the Ulyanovsk Region

Abstract. The article discusses current issues and directions for improving the legal regulation of small-volume procurement in the Russian Federation. It analyzes the current mechanisms for carrying out such procurement and identifies their shortcomings, such as excessive bureaucracy and low competitiveness. Special attention is paid to the analysis of the practice of combining different models of small-volume procurement automation within the same region.

Keywords: small-volume procurement, legal regulation, public procurement, municipal procurement, contract system.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Становление иноязычной компетентности будущих юристов в условиях международного сотрудничества

Александрова Татьяна Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ процесса формирования профессиональной иноязычной компетенции у студентов юридических специальностей. Исследуются современные вызовы мирового правового пространства, обусловливающие необходимость глубокого владения английским языком как инструментом международного профессионального взаимодействия. Особое внимание уделяется методике преподавания английского языка с учетом современных требований к юридическому образованию и потребностей международного профессионального взаимодействия.

Ключевые слова: профессиональная иноязычная компетенция, юридическое образование, английский для специальных целей, международное право, коммуникативные стратегии, методика преподавания.

Formation of foreign language competence of future lawyers in the context of international cooperations

Alexandrova Tatyana Anatolyevna
Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the process of formation of professional foreign language competence among law students. Modern challenges of the globalized legal space are being investigated, which make it necessary to have a deep knowledge of English as a tool for international professional interaction. Special attention is paid to the methodology of teaching English, taking into account modern requirements for legal education and the needs of international professional interaction.

Keywords: professional foreign language competence, legal education, English for special purposes, international law, communication strategies, teaching methodology.

Проблемные аспекты перевода юридической лексики и терминологии

Богачева Екатерина Александровна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена выявлению стилистических особенностей правовых документов, проявляющиеся на синтаксическом, морфологическом, лексическом уровнях. Ключевыми лексическими сложностями юридического перевода являются: характерный стиль изложения, устойчивые формулировки

и конструкции, составляющие основу многих юридических документов, и применение формальной, часто архаичной лексики, редко встречающейся в повседневном общении.

Ключевые слова: юриспруденция, юридическая лексика, юридический дискурс, дискурсивный анализ.

Translation issues of legal terminology and vocabulary

Bogacheva Ekaterina Aleksandrovna
Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article focuses on identifying stylistic features of legal documents manifested at syntactic, morphological, and lexical levels. Key lexical challenges in legal translation and constructions forming the basis of many legal documents and use of formal, often archaic vocabulary rarely encountered in everyday communication.

Keywords: jurisprudence, legal terminology, legal discourse, discursive analysis

---

Междисциплинарный подход к изучению юридического дискурса

Волгина Елена Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье обосновывается необходимость применения междисциплинарного подхода к исследованию юридического дискурса как комплексного социально-коммуникативного феномена. Анализируется ограниченность сугубо лингвистических или сугубо правовых методов его изучения. Актуальность работы обусловлена возрастающей сложностью правовой коммуникации в современном обществе, потребностями в повышении эффективности правоприменения и обеспечения доступности права. Определяются цель и задачи междисциплинарного исследования, заключающиеся в интеграции методов лингвистики, права, социологии, психологии и когнитивистики для построения целостной модели юридического дискурса.

Ключевые слова: юридический дискурс, междисциплинарный подход, лингвистика права, правовая коммуникация, юридическая техника, интерпретация права, языковая личность.

An interdisciplinary approach to the study of legal discourse

Volgina Elena Valeryevna
Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article substantiates the need for an interdisciplinary approach to the study of legal discourse as a complex socio-communicative phenomenon. The limitations of purely linguistic or purely legal methods of studying the discourse are analyzed. The relevance of this work stems from the increasing complexity of legal communication in modern society, the need to improve the effectiveness of law enforcement, and the need to ensure accessibility of the law. The purpose and objectives

of this interdisciplinary study are defined, which consist of integrating methods from linguistics, law, sociology, psychology, and cognitive science to construct a holistic model of legal discourse.

Keywords: legal discourse, interdisciplinary approach, legal linguistics, legal communication, legal technique, interpretation of law, linguistic personality.

ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Правовой статус несовершеннолетнего в административном процессе

Дроздов Константин Владимирович
соискатель кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о специфике правосубъектности несовершеннолетних как участников административно-процессуальных отношений. Отдельное внимание уделяется законному интересу как составляющей правового статуса несовершеннолетнего. Предложено закрепить в законодательстве определение понятия законного интереса несовершеннолетнего как объективно существующей потребности в обеспечении благоприятных условий для его всестороннего развития.

Ключевые слова: несовершеннолетний, правовой статус, законный интерес, дееспособность, деликтоспособность.

Legal status of a minor in administrative proceedings

Drozdov Konstantin Vladimirovich
Candidate of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article examines the specific legal personality of minors as participants in administrative procedural relations. Particular attention is given to legitimate interests as a component of a minor's legal status. It is proposed to enshrine in legislation the definition of a minor's legitimate interest as an objectively existing need to ensure favorable conditions for their comprehensive development.

Keywords: minor, legal status, legitimate interest, legal capacity, tortious capacity.

К вопросу о совершенствовании нормативно-правового регулирования государственного контроля (надзора) за частной охранной деятельностью

Кижанов Алексей Сергеевич
соискатель кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена анализу современного подхода законодателя к автономному регулированию государственного контроля (надзора) за частной охранной деятельностью. Отмечается необходимость изменения схемы правовой регламентации данного вида государственного контроля (надзора), в основу которой должно быть положено правило о распространении на него законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации с особенностями, предусмотренными законодательством о частной охранной деятельности.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), частная охранная деятельность, правовая политика, частные охранные организации, контрольно-надзорная деятельность.

On the issue of improving the legal regulation of state control (supervision) of private security activities

Kizhanov Alexey Sergeevich
Candidate of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to the analysis of the modern approach of the legislator to the autonomous regulation of state control (supervision) of private security activities. It is noted that there is a need to change the scheme of legal regulation of this type of state control (supervision), which should be based on the rule on the extension of legislation on state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation with the specifics provided for by the legislation on private security activities.

Keywords: state control (supervision), private security activities, legal policy, private security organizations, control and supervisory activities.

Дореволюционный период развития отечественного законодательства о дисциплинарных взысканиях на государственной службе

Махсунов Магомед Раджабович
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов нормативного регулирования дисциплинарных взысканий в дореволюционный период развития института отечественной государственной службы. Выявлена особенность соответствующего этапа – единый порядок применения дисциплинарных взысканий в сочетании с ключевой ролью усмотрения руководителя при их выборе и назначении. Автор констатирует целесообразность обращения к опыту применения меры, сопутствующей взысканию в виде «исключения из службы» – запрета поступления на нее.

Ключевые слова: дисциплинарное взыскание, государственная служба, дореволюционный период, увольнение, выговор.

Pre-revolutionary period of development of domestic legislation on disciplinary penalties in the civil service

Makhsunov Magomed Radzhabovich
Teacher of the Department of State and Legal Disciplines of the North Caucasus Institute (branch) of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract. This article examines the regulatory framework for disciplinary sanctions in the pre-revolutionary period of the development of the Russian civil service. A key characteristic of this period is the unified procedure for applying disciplinary sanctions, coupled with the key role of managerial discretion in their selection and imposition. The author concludes that it is appropriate to examine the experience of applying the accompanying measure of "expulsion from service" – a ban on entering the service.

Keywords: disciplinary action, civil service, pre-revolutionary period, dismissal, reprimand.

Проблемные вопросы административной ответственности в сфере осуществления публичных закупок

Никитин Кирилл Анатольевич
аспирант кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения административной ответственности в сфере государственных и муниципальных закупок в случае выявления соответствующих правонарушений органами прокуратуры. Предложено внести в законодательство изменения, обеспечивающие конкретизацию положений статей КоАП РФ, посвященных регламентации порядка назначения административных наказаний.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), прокурорский надзор, контрактная система, административное наказание, предупреждение.

Problem issues of administrative liability in the sphere of public procurement

Nikitin Kirill Anatolievich
Postgraduate student of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article examines the application of administrative liability in the area of public and municipal procurement when prosecutors identify relevant violations. It proposes legislative amendments that would clarify the provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation governing the procedure for imposing administrative penalties.

Keywords: state control (supervision), prosecutorial supervision, contract system, administrative punishment, warning.

Минимизация уголовно-правовых рисков руководителей коммерческих организаций: криминалистический аспект

Савенко Анна Сергеевна
соискатель Красноярского государственного аграрного университета, генеральный директор юридической фирмы «ФОКС»

Аннотация. В статье анализируются типичные, наиболее распространенные уголовно-правовые риски руководителей и собственников коммерческих организаций, сформулированные через описания способов совершения преступлений, статей УК РФ. Отмечается распространенность не только законного, но и фактов незаконного привлечения указанных лиц к уголовной ответственности (необоснованные риски). На этой основе формулируется предметная область и краткое содержание исследований, посвященных профилактике преступлений и правовому просвещению указанных лиц, а также средствам их защиты в ситуациях как обоснованного, так и необоснованного уголовно-правового риска.

Ключевые слова: уголовно-правовой риск, преступления руководителей и собственников организаций, профилактика преступлений, правовое просвещение бизнеса, расследование хищений, коррупционные преступления.

Minimization of criminal law risks heads of commercial organizations: the criminalistic aspect

Savenko Anna Sergeevna
Candidate of the Krasnoyarsk State Agrarian University, CEO of the FOX Law Firm

Abstract. The article analyzes the typical, most common criminal law risks of managers and owners of commercial organizations, formulated through descriptions of methods of committing crimes, articles of the Criminal Code of the Russian Federation. The prevalence of not only legitimate, but also the facts of illegal criminal prosecution of these persons (unreasonable risks) is noted. On this basis, the subject area and summary of research on crime prevention and legal education of these individuals, as well as their means of protection in situations of both justified and unjustified criminal law risk, are formulated.

Keywords: criminal law risk, crimes of managers and owners of organizations, crime prevention, legal education of business, investigation of embezzlement, corruption crimes.

Профилактика криминальных налоговых рисков как объект криминалистических исследований

Шаповал Нина Анатольевна
соискатель Красноярского государственного аграрного университета, начальник отдела административной и корпоративной практики юридической фирмы «ФОКС»

Аннотация. В статье обосновывается необходимость расширения применения криминалистических знаний за пределы уголовного судопроизводства, в частности в сферу антикриминального просвещения. На примере анализа отдельных данных из криминалистической характеристики налоговых преступле-

ний показано, как эти сведения могут использоваться для повышения правовой грамотности налогоплательщиков и предупреждения преступлений. Подчеркивается значительный потенциал криминалистики как инструмента антикриминального просвещения и формирования правовой культуры в налоговой сфере.

Ключевые слова: антикриминальное просвещение, налоговые преступления, сфера налогообложения, профилактика преступности, криминалистическая характеристика, способы налоговых преступлений, правовая культура.

Prevention of criminal tax risks as an object of forensic research

Shapoval Nina Anatolyevna
Candidate of the Krasnoyarsk State Agrarian University, Head of the Department of Administrative and Corporate Practice at the FOX Law Firm

Abstract. The article substantiates the need to expand the application of criminalistic knowledge beyond criminal proceedings, in particular, into the field of anti–criminal education. Using the example of the analysis of individual data from the criminalistic characteristics of tax crimes, it is shown how this information can be used to improve the legal literacy of taxpayers and prevent crimes. The significant potential of criminology as a tool for anti-criminal education and the formation of a legal culture in the tax sphere is emphasized.

Keywords: anti-criminal education, tax crimes, taxation, crime prevention, criminalistic characteristics, methods of tax crimes, legal culture.

Правовое регулирование конкуренции при параллельном импорте в государственных (муниципальных) закупках

Шепелев Богдан Витальевич
аспирант кафедры «Гражданско-правовые дисциплины» Московского финансово-юридического университета

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу правовых проблем, возникающих на стыке института параллельного импорта и законодательства о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок. Цель исследования – выявление правовых коллизий и пробелов, связанных с допуском товаров, ввезенных в порядке параллельного импорта, к участию в закупочных процедурах, и разработка предложений по совершенствованию правового регулирования в данной сфере. Автор, применяя формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы исследования, рассматривает противоречия между целями защиты прав интеллектуальной собственности, обеспечения добросовестной конкуренции и принципа экономической эффективности при осуществлении закупок. В статье доказывается, что действующее законодательство не содержит прямых запретов на участие параллельно импортированных товаров в закупках, однако отсутствие четких критериев их допуска создает правовую неопределенность и риски для всех участников закупочных отношений. Особое внимание уделяется вопросам подтверждения качества и происхождения таких товаров, ответственности заказчиков и поставщиков, а также анализу судебной практики. В заключение формулируются конкретные

выводы и рекомендации по изменению нормативной базы для обеспечения баланса интересов правообладателей, добросовестных участников закупок и публично-правовых образований.

Ключевые слова: параллельный импорт, государственные закупки, контрактная система, конкуренция, интеллектуальная собственность, товарный знак, Закон № 223-ФЗ, Закон № 44-ФЗ, легализация товаров, добросовестный поставщик.

Legal regulation of competition in parallel imports in state (municipal) procurement

Shepelev Bogdan Vitalievich
Postgraduate student of the Department of Civil Law Sciences at Moscow University of Finance and Law

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal problems arising at the intersection of the institution of parallel imports and the legislation on the contract system in the sphere of state and municipal procurement. The aim of the study is to identify legal conflicts and gaps related to the admission of goods imported through parallel import to participate in procurement procedures and to develop proposals for improving the legal regulation in this area. The author, using formal legal, comparative legal and systematic research methods, examines the contradictions between the goals of protecting intellectual property rights, ensuring fair competition and the principle of economic efficiency in procurement. The article argues that current legislation does not contain direct prohibitions on the participation of parallel imported goods in procurement, but the lack of clear criteria for their admission creates legal uncertainty and risks for all participants in procurement relations. Particular attention is paid to the issues of confirming the quality and origin of such goods, the responsibility of customers and suppliers, as well as the analysis of judicial practice. In conclusion, specific conclusions and recommendations are formulated for amending the regulatory framework to balance the interests of right holders, bona fide procurement participants and public legal entities.

Keywords: parallel import, state procurement, contract system, competition, intellectual property, trademark, Federal Law 223, Federal Law 44, legalization of goods, bona fide supplier.

Сравнительно-правовой анализ института омбудсмена в России и США

Шималакова Алина Сергеевна
магистрант 3 курса Института магистратуры и заочного обучения Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Успешность государственной экономики зависит от многих факторов: от спроса и предложения на товарном рынке, рынке работ и услуг, от степени государственного влияния и вмешательства, от развитости внешнеэкономических связей, а также от грамотно разработанного правового регулирования. В Российской Федерации существуют различные способы защиты бизнес-субъектов, среди которых немалое значение имеет институт уполномоченного по защите прав предпринимателей. Нельзя сказать, что у данного инсти-

тута нет аналогов в мире, наоборот, в развитых странах с сильной экономикой присутствует схожий элемент. Так, в США существует должность национального омбудсмена с развитой структурой. В статье приводится подробный правовой анализ схожих элементов правовой действительность в России и Америке, а также предложены пути совершенствования национального уполномоченного на основе зарубежного опыта.

Ключевые слова: Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Российской Федерации, институт национального омбудсмена в США, региональные представительства омбудсмена, защита прав предпринимателей, сравнительно-правовой анализ, гласность и публичность деятельности.

Comparative legal analysis of the Institution of the Ombudsman in Russia and the USA

Shimalakova Alina Sergeevna,
3rd year Master's student at the Institute of Master's Degree and Distance Learning of the Saratov State Law Academy

Abstract. The success of the state economy depends on many factors: on supply and demand in the commodity market, the market of works and services, on the degree of state influence and intervention, on the development of foreign economic relations, as well as on well-developed legal regulation. In the Russian Federation, there are various ways to protect business entities, among which the Institution of the Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights is of considerable importance. This is not to say that this institution has no analogues in the world, on the contrary, in developed countries with strong economies there is a similar element. For example, in the USA there is a position of a National Ombudsman with a developed structure. This article provides a detailed legal analysis of similar elements of legal reality in Russia and America, as well as suggests ways to improve the national Commissioner based on foreign experience.

Keywords: Business Ombudsmen in Russia, Office of the National Ombudsman in the USA, Fairness Boards, protection of the rights of entrepreneurs, comparative legal analysis, transparency and publicity of activities.